

ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1976

ДЕНЬ
1976
ПОЭЗИИ

ДЕЧЬ
1976
ПОЭЗИИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Ю. Друнина — главный редактор;
В. Берестов, А. Иванов, Я. Козловский, Ю. Кузнецов, Т. Кузовлева,
М. Лисянский, М. Матусовский, С. Мнацаканян (составитель),
А. Николаев, С. Орлов, В. Проталин (составитель), Д. Самойлов,
Е. Сидоров, Б. Слуцкий, А. Смольников, Л. Татьяничева.*

Художник И. Гусева

© Издательство «Советский писатель», 1976.
Стихотворения помещены на стр. 12—13, 32—33, 54—55, 80—81, 112—113,
138—139, за исключением стихотворения Н. Грибачева «Суть» [стр. 33], опубликова-
лись до 27 мая 1973 г.

«Д О Б Р Ы Й Д Е Н Ы!

Мы, поэты Москвы, собрались вместе здесь, на страницах сборника «День поэзии». Это не парад и не смотр. Это один из обыкновенных дней нашей поэтической жизни...»

Так двадцать лет назад обратилась к читателям первая редколлегия первого «Дня поэзии».

Сегодня мы повторяем: добрый день! Добрый день, дорогие читатели!

Мы рады встретиться и с верными старыми друзьями, вот уже в двадцатый раз открывающими «День поэзии», и с теми, кто впервые возьмет в руки этот сборник.

Двадцать лет! Сама эта цифра говорит за себя — выпуск ежегодника московских поэтов стал традицией.

1976 год — год XXV партийного съезда. Это еще острее заставило нас почувствовать свою ответственность перед читателями.

В сборнике участвуют поэты всех поколений — от прославленных старейшин нашего «цеха» до участников последнего совещания молодых писателей. Пользуясь нашим маленьким юбилеем, мы решили напомнить читателям и некоторые из стихотворений, впервые увидевших свет на страницах прошлых сборников «День поэзии».

Вместе с голосами тех, кто работает в советской поэзии сегодня, в сборнике звучат голоса поэтов, ушедших от нас.

Выступают в «Дне поэзии 1976» и критики. Нам хотелось бы знать, дорогие читатели, согласны ли вы с их суждениями о сегодняшнем развитии нашей поэзии? Что ищете вы в стихах, кто из современных поэтов вам наиболее близок? Что вам нравится, что не нравится в «Дне поэзии»?

Ответы на эти вопросы очень помогли бы составителям следующего выпуска ежегодника московских поэтов.

Редколлегия

1

Николай Тихонов

ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ТЕТРАДИ

МАЛЫШ

Увидел я ребенка-малыща
На лестнице приморской Сумгаита,
Карабкался он смело, не спеша
По лестничным высоким плитам.

Остановясь, кидал он быстрый взор
На чаек рой, что над водой кружился,
На моря пеннопесенный простор,
На высоту, к которой сам стремился.

И я смотрел, как он спешит шагать,
Как будто бы одолевая скалы,
Как отстают смеющаяся мать
И сколько силы в том веселом малом.

Еще не знает этот мальчуган,
Довольный днем, и солнцем, и собою,
Что он шагал, как юный великан,
Для дел великих созданный судьбою.

* * *

Я видел, как Город Ветров засыпает,
Становится тих он и нем,
Как музыка улиц нестройная тает
И вдруг замирает совсем.

Так в час, не доступный ни шуму, ни стуку,
Смотрел я на город на берегу,
И видел я в небе простертую руку
Бессменного стража Баку.

И мне показалось той тихой ночью,
Когда я стоял и смотрел из окна,
Как будто бы статуя бурей клокочет —
И — Киров — зовется она.

И сила той бури бессмертна на свете,
Ее потушить не смогли,
А руку он поднял в сердечном привете
Всем труженикам земли.

* * *

Я вспомнил Самеда Вургуна
В тени Ашагинских лесов,
Рассвет разноцветный и юный,
Охотничьих гул голосов.

Самед появлялся неожиданно,
Ломая кусты предо мной,
Похожий на горного Пана,
Что радости полон земной.

Что вовсе ему незнакомы
Шум сборищ и комнат покой,

Что в дебрях зеленых — он дома,
Не знает он жизни другой.

Шагал он, неистов и жарок,
И лес был ему по плечу,
И лес ему нес, как подарок,
Цветную листву епанчу.

Как будто играл на свирели,
Он шел как живая краса,
Стихи и поэмы в нем пели,
Земли золотой голоса.

...Звонят еще прошлого струны,—
Шквал времени их не умчал,
В Баку уже вечером лунным
Самеда я вновь повстречал.

Стоял он на площади пышной,
Живущего пламенный друг,
И с ним говорили неслышно
Деревья, что встали вокруг.

И мне показалось, что это
Лесов Ашагинских послы
Пришли со словами привета
В час лунной и песенной мглы.

И сладостно было Самеду
В высоком величье своем
Вести с земляками беседу
О мире большом и родном!

ОГНЕПОКЛОННИКИ

Далёко годы отбежали,
В Сураханах на склоне дня
Я вспомнил храм, где ниц лежали,
Дрожа, поклонники огня.

Дрожали в пламени парящем;
Из них, в сердцах копивших мрак,
Никто не мог быть настоящим
Огнепоклонником никак.

И тени их сейчас далёко —
И жалкий им пришел конец —
Без веры в огнеликий клекот,
Без силы алчущих сердец.

На лет истерзанном граните
Вели свой счет за годом год,

И я увидел в Сумгаите
В огне купавшийся завод.

Услышал грохот труб, горевших,
Светясь, летевших на меня,
Огнепоклонников, владевших
Всем жаром звонкого огня.

И, раскаленные, по кругу
Рождались вокруг меня огни,
И я сказал стиху, как другу:
«Ты — их соратник, им — сродни!»

Огня великое начало
Светило в жизни день за днем,—
Я тьмы изведаль слишком мало,
Я слишком много жил огнем!

Третьего декабря 1976 года Николаю Семеновичу Тихонову исполняется 80 лет.

Редколлегия «Дня поэзии» поздравляет юбиляра — большого Поэта и большого Человека, солдата двух войн и мужественного борца за мир, видного государственного деятеля.

Будьте счастливы, дорогой Николай Семенович! Теплее становится на сердце, когда вспоминаешь, что рядом живет и работает такой удивительный человек — «поседелый как сказанье и как песня молодой».

Будьте счастливы, дорогой наш современник!

«...Николай Тихонов, вероятно самый выдающийся из ленинградских лириков...»

В. Маяковский, 1927

«...талантливейший поэт и прозаик Н. Тихонов...»

М. Горький, 1930

«...Как прав поэт Тихонов, когда он всем нам известные факты обожания по отношению к Владимиру Ильичу со стороны революционных рабочих Запада дополнил этим маленьким фактиком молитвы великому далекому «Ленни» забитого индусского мальчика...»

**А. Луначарский
{о поэме Н. Тихонова «Сами»}**

«...Вдохновение этой прекрасной поэмы сурово и возвышенно, как суров и нравственно возвышен великий город Ленина. Ритмика стиха — непреклонный марш, как поступь колонн, идущих в бой, будто отзвук грозных ударов копыт о скалу Медного всадника...»

А. Толстой, 1942

(о поэме Н. Тихонова «Киров с нами»)

«...Постижение новизны — это могло бы стать девизом Тихонова...»

М. Рыльский, 1954

«...Тихонов исколесил и поэтически освоил почти все уголки Грузии. Закаленный в странствиях, он с великой жадной любознательности путешествовал по Грузии как «крестоносец любви»... И мы, грузинские поэты, останемся в вечном долгу перед этим русским Автандилом...»

Г. Леонидзе, 1959

Дорогой мой Николай Семенович!

Задолго до того, как нам обоим исполнится восемьдесят лет, пишу тебе. Но ведь и ты уже опередил такое событие в своей новогодней открытке, где вспоминаешь (или напоминаешь) все о том же.

Итак, сейчас конец января сего года: собирается материал для «Дня поэзии 1976». Выйдет он дай бог в сентябре, а то и в октябре. Твой праздник будет еще впереди, а мой далеко позади.

Но довольно этих арифметических или метеорологических выкладок.

Сейчас я вспоминаю тебя молодым в апреле 1923 года, в Петрограде на Мойке, в Доме Искусств, — и рядом с тобою Каверина, Всеволода Иванова, Слонимского, еще кого-то. Вспоминаю стройного, плечистого, угловатого, застенчивого, с легким оттенком рыжины в волосах. Вспоминаю некое «безумие» в твоих серых глазах, настаивающее на том, что ты «праздничный, веселый, бесноватый». Скажу прямо: именно б е с н о в а т ы м т ы и полюбился мне сразу! Так оно осталось и по сей день.

А видел я тебя множество раз и очень по-разному — и в потрясающие годы Отечественной войны, когда ты являлся в Москву на улицу Щукина полпредом родного, голодного и гордого Питера, и у тебя на Зверинской рядом с твоей милой Марусей, и в Тбилиси, и еще много раз, всего и не упомнишь... И ты всегда был равен себе, как оно от века положено поэту — выдумщику удивительных, тут же сочиненных весьма невероятных историй-полусказок. Общительный и обольстительный собеседник! С тобою всегда было не только просто общаться, но и на редкость весело и увлекательно. Оттого что в тебе, как в очень немногих, б и л н е и с т о в ы й к о э ф ф и ц и е н т ж и з н и.

И я глубоко убежден, что и сегодня (то есть не только в день писания этого письма, но и в день его получения) ты останешься точно таким же, каким создала тебя щедрая мать-природа. А она уж постаралась на диво!

Твои государственные обязанности — председательство в Советском комитете защиты мира и еще многие другие — украшают такого человека, как ты. Они не обременяют твоей подлинной сущности, а разве только окрыляют ее на старости лет.

Ну так продолжай же, Николай Тихонов! И каждый раз говори себе самому и всем нам: ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ...

И БУДЬ, БУДЬ, БУДЬ!

Горячо и нежно обнимаю тебя.

Всегда и навсегда твой

Павел Антокольский

Месяц и число
Снегом занесло.

Степан Щупачев

СТИХИ О ЦИФРАХ

Это не ода, не ода —
просто стихи. До утра
рифма не вспомнит про отдых,
к строчке сбегая с пера.

Цифры... Они — голенасты! —
где-то морозом дыша,
вместе с поземкой по насту
к нашим буренкам спешат.

Теплым мычаньем согрета
каждая будет. Обком
требует, чтоб и в газетах
пахли они молоком.

Меряя дали любви,
чтобы сиять в городах,
это они — голубые —
искрами на проводах.

Нефть на сибирских широтах —
не лотерейный билет.
Люди прошли по болотам —
вышки торопятя вслед.

Сблизится карты страница
с кончиком карандаша,
если геологу снится
нефти живая душа.

Жаркие пятна по стенам
к сводам стеклянным летят.
Черные зори мартемов
многое мне подтвердят.

Цифры, что рядышком встали,
каждая — раз уж стоит —
тонны испытанной стали
взвалит на плечи свои.

Славить готов и таблицы
мой безыскусственный стих,
только б счастливые лица
чаще мне чудились в них.

Строим, стараемся к срокам
с думой о завтрашнем дне,
чтобы от ясности окон
свет умножался в стране.

Труд археологов — долгий.
Чутко лопаты звенят,
царств погребенных осколки
с временем нашим роднят.

То, что для жизни творимо,
дорого людям. Добро

портикам древнего Рима,
праздничным сводам метро!

Рвется сквозь топи и скалы
славы народной исток.
Рельсы бегут от Байкала
всё на восток, на восток.

Цифры приметны почету,
в сводках, как совесть, чисты.
Знаем, который по счету
лег километр на грунты.

Будет и так: «Не пора ли, —
скажут, — итог подвести».
Вьюги по всей магистрали
будут по рельсам местя.

Хлынут всех станций, всех будок
с той магистрали огни.
Речи торжественны будут
в те всенародные дни.

Скажут Амуру: «Встречай-ка
доблестных наших, родной!»
Белыми крыльями чайка —
низко над темной волной.

Цифры, что вписаны в сроки,
годы уже не сотрут.
Это — плотины, дороги,
это — к планетам маршрут.

Тянутся нации, расы
к нам. Голоса их слышны.
Небо исчеркали трассы
так, как по плану должны.

Неутомимо моторы
рубят пространство и те
меридианы, которых
не разглядишь в темноте.

Труд стюардесс: постоянно
что-то носить, предлагать,
в звездности над океаном
так же вот глаз не смыкать.

Множу в блокноте пометки.
Цифры — в начале, в конце.
Прения по пятилетке
длятся в районном дворце.

Знаю не всех, но мне близки
люди за красным столом.
В зале мелькают записки
маленьким белым крылом.

Леонид Мартынов .

СТУДИЯ СТУЖИ

Все застыло —
Моря, и озера, и реки, и лужи,
И за хрупким оконцем громада созвездий
Застыла, как будто застыл рыбий хвост в ухе...

И тогда на пороге пустой кристаллической студии стужи
Возникает натурщица:
— Где же художник Мороз в дохе?
— 'Ах ты, сизая роза с мороза, собачья каюрщица,
Брось фантазировать: «Как мне позировать?» — снежного дочь отца!

Можешь позировать, как тебе хочется!
А! В таком случае самое лучшее
Быть изображенной полуобнаженной, взгляд бросая сонный
На узор оконный, на стекле растущий, как цветок цветущий,
В разных праздных птичках райской красоты!
О, улыбки на личиках, павлиньи хвосты на шелках и
цветочки на ситчиках!
Ей не хочется мучиться в своих рукавичках и
Здесь, где одни ледяные березки застыли, как трещинки в воздухе.
И за кисти берется художник Мороз в дохе
Делать то, что получится.

НЕЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА

При Петре
Возникшие пруды,
Чтоб не подумать о ведре воды
На нечерноземной полосе...
При Петре возникшие пруды,
При его наследниках сады,
Где росли заветные плоды...
Но Екатерин, да и Петра помнят лишь былинные ветра
На нечерноземной полосе над миражем срубленных аллей,
потонувших в золоте полей
На нечерноземной полосе!
Вот они, поля, во всей красе!
Но сверкнул росой на косе на нечерноземной полосе
Кто такой?
А! Василек в овсе!
Голубой свой и упорный зрак
Перестань таращить, сорный злак,
На нечерноземной полосе!

* * *

За языческим бугром,
За языческим бугром
Что-то ищут два солдата,
То привстанут, то прилягут...
— Здравия желаем! —
Я им: — Что вы ищете, ребята?
— Ягод! —
Мирно ищут ягод,

Да находят маловато —
Подевались все куда-то,
Их все меньше с года на год
За языческим бугром,
За которым так эфирно,
Эфемерно, но пунктирно
Зыблется аэродром!

Александр Твардовский

ПАМЯТИ ГАГАРИНА

Ах, этот день двенадцатого апреля,
Как он пронесся по людским сердцам.
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясенный сам.

Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник, в пестром пламени знамен,
Когда безвестный сын земли смоленской
Землей-планетой был усыновлен.

Жилец Земли, геройский этот малый
В космической посудине своей
По круговой, вовеки небывалой,
В пучинах неба вымахнул над ней...

В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле — зачем же войны,
Зачем же все, что терпит род людской?

Ты знал ли сам, из той глухой Вселенной
Земных своих достигнув берегов,
Какую весть, какой залог бесценный
Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
Что, сын Земли, ты у нее в гостях,
Что ты тот самый, но другой Гагарин,
Чье имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
При княжеской фамилии своей,
Родился он в простой крестьянской хате
И, может, не слышал про тех князей.

Фамилия — ни в честь она, ни в почесть,
И при любом — обычная судьба:
Подрос в семье, отбегал хлебotoчек,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, ни мать,
Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять.

Что сын родной, безгласных зон разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нем горит печать грядущих дней.
Что может смерть с такой поделать славой?
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути
Не меньшее, чем подвиг, испытанье,—
Дай бог еще его перенести.

Все так, все так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот, венчанный славой нетленной,
А просто человек среди людей;

Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный, с сердцем не скупым,
Кого еще до всякой славы было
За что любить,—недаром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...

Ах, этот день с апрельской благодатью.
Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчонком лазил босиком...

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1968»

Алексей Сурков

* * *

Я дверь распахну, пойду на крыльцо,
И молодость ветром овеет лицо.

Я вижу ее среди беспорядка
Идущих не в ногу маршевых рот.
Упрямо бьет по бедру лопатка,
До крови шею натерла скатка,
Плечо натрудил ручной пулемет.

Я помню, как спуск нажимал впервые,
Как черная кровь обожгла висок,
Как вили пыль кнуты огневые,
Как люди, теплые и живые,
Валились трупами на песок.

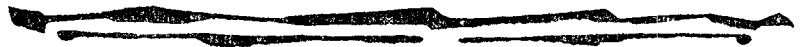
Я помню, как писарь наш осторожно
Считал потери, число к числу,

Как ливнем стали хлестали ножны,
Как было нашим сердцам невозможно
Привыкнуть к этому ремеслу.

И как мы все-таки привыкали
Стрелять, рубить и носить рубцы.
И радость больше была едва ли,
Когда нас впервые в разведку звали
Всей ротой признанные храбрецы.

Дыханье юности нашей знойно.
Ей Ленин подал команду «В ружье!».
Вернись она вновь, позови беспокойно,
Я тысячу раз повторю ее.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1957»

Павел Антокольский

Дорогой Павел Григорьевич!

Мы рады, что свое восьмидесятилетие Вы встречаете в отличной творческой форме, лишней раз доказывая, что талант не имеет возраста.

Поздравляя Вас с прекрасным юбилеем и высокой правительственной наградой — орденом Ленина, мы уверены, что никогда не иссякнут Ваше жизнелюбие, Ваша широта, щедрость Вашего сердца.

Вместе со всеми читателями ждем от Вас новых стихов, учимся у Вас искусству вечно быть молодым!

Редколлегия

РУССКИЙ ИСТОРИК

Русский историк, не знавший страха,
Выдержав вахту, вышел на приступ.
Он воскрешал из глена и праха
Всех пугачевцев и декабристов.
Ржавые пятна с реляций вытер,
Темное дело в архивах поднял,
Чтобы восстал бунтующий Питер,
Бросий в гранит и всосанный в отмель.

Он приказал: — Раскрывайся настезь,
Юность былая, ярость былая!
Что ты темнишь и глаза мне застишь,
Обло, Озорно, Стозевно, Лаяй? —
Он рассказал о самосгоранье
Русских юношей в пламени зарев:
Свадьбу справили с гибелью ранней
Гордый Печорин, дерзкий Базаров.

А между тем подспудное дело
Шло, как бывало, немо и грозно,
Не истлевало и не хладело,
Не застывало казенной бронзой.
Так, не ища дешевых ответов
В лепете многотиражных книжек,
Русский историк, горя отведав,
Правое поднял, лживое выжег.

Эта работа шла понемногу
В библиотеках и в чистом поле,
С жизнью об руку, с временем в ногу,
В песнях застольных и в столах боли.
Эта работа сегодня длится,
Нет ей конца и в двадцатом веке.
Подняты к звездам юные лица,
В дальнюю даль зарублены вехи.

* * *

Дыхнув антарктическим холодом,
К тебе ненароком зайдя,
Прапращур твой каменным молотом
Загнал тебя в старость по шляпку гвоздя.

Не выбраться к свету, не вытрясти
Оттуда страстей и души.
А молод иль стар, но без хитрости
Садись-ка за стол и пиши, и пиши!

Пером или спичкой обугленной,
Чернилами иль помелом —
О юности, даром загубленной,
Пиши наугад, набело, напролом!

О том, что ты числишься мастером,
Что ищешь чужих сыновей,
Пиши, коль найдется, фломастером,
А хочешь, и собственной кровью своей.

Пиши, как отчаянным женщинам
В любви безнадежно клялся,
Как стервам, с другими повенчанным,
Не нравилась эта комедия вся.

Нет, это написано начерно!
Весна на дворе, — погляди!
Она и тебе предназначена:
Как видно, удача твоя впереди.

ВЛАДИМИРУ РЕЦЕПТЕРУ

Мой друг Володя!

Вот тебе ответ!
Все мастера суть подмастерья тоже.
Несется в буре утлый наш корвет,
Несется лихо, — аж мороз по коже.

Поэзия с Театром навсегда
Обвенчаны — не в церкви, в чистом поле.
Так будет вплоть до Страшного Суда
В свирепом сплаве счастья и боли.

Так завораживай чем хочешь. Только будь
Самим собой — в личине и в личинке.
Сядь за баранку и пускайся в путь,
Пока мотор не требует починки.

Я знаю, как вынослив твой мотор
И как богат он внутренним стораньем, —
Пускай же рвется в утренний простор,
Перегруженный сновиденьем ранним.

Ничейный ученик, лихой артист,
Любимец зала, искренний искатель.

Пойми: am Ende du bist wer du bist.
Стели на стол всю в винных пятнах скатерть.

Пируй, пока ты молод, а не стар!
«Быть иль не быть» — такой дилеммы нету.
В спортивной форме выходи на старт —
Орлом иль решкой, но бросай монету!

Да, это говорю я не шутя,
Хоть весело, но безусловно честно.
А может статься, ты мое дитя
Любимое от женщины безвестной.

Я это говорю, — свидетель бог, —
Без недомолвок, искренно и здраво.
Я не мыслитель. Стих мой не глубок.
Мы оба люди бешеного ндрава.

И каждый этим бешенством согрет,
Загримирован и раскрашен густо.
Мы ч е л о в е к и. Вот в чем наш секрет,
Вот в чем безумье всякого искусства!

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Разве ты на себя не похож,
Не талантлив, не смел, не пригож,
Не удачливей сверстников всех?
Как же это случилось? Откуда
Взгляд потухший, растерянный смех?
Отвечай, — отчего тебе худо?

Но недвижим ты как истукан
И ворочаешь винный стакан,
Да и песню не прочь затянуть,
Да и слез не скрываешь горячих, —
Лишь бы время зазря протянуть,
Позабывшись, как мелкий растратчик.

Никаких не бывает чудес!
Где бы ни было, там или здесь,
В светлом доме иль в темном лесу

Ты уснешь, ни к чему не готовясь.
А для встречи я сам припасу
Некрасивую вещь — твою совесть.

Узнаешь? Ведь была молода
И в ответах тверда и горда,
Отвечала за все и за всех,
Не смолчала в труднейшие годы...
Взгляд потухший, растерянный смех...
Ни отсрочки, ни спуска, ни льготы.

До свиданья, прощай и прости!
Я сжимаю в остывшей горсти
Свое скомканное письмо,
Не отправленное адресату,
Не прочтенное... Время само
Хоть на этом срывает досаду.

ПОЭТ, МАСТЕР, УЧИТЕЛЬ

Летучее, легкое имя — Антокольский, в котором и ток, и поток, и токай...

Он родился поэтом, и всегда, и сейчас для него это самое главное. Сильнее напастей и бед, потерь и утрат.

Более полувека в России звучат его стихи. Более полувека на поэтической эстраде появляется небольшой и стремительный Павел Григорьевич и бросает в зал энергичные, полновзвучные строфы своих стихотворений и поэм. И читатель стиха радостно отзывается ему, ровеснику всех поэтических поколений советской поэзии.

Он не играет в сильную личность, пророка или судьбу. Он всегда весело играет словом. Он весь раскрывается в слове. Оно — его жизнь, его боль и радость.

Но он не игрушка словесной стихии. Он мастер. Он умело управляет цепными реакциями поэтической речи. Он умеет и в самом эксперименте сохранить истинный накал чувств. Он все умеет в поэзии.

Этого одного достаточно, чтобы назвать его учителем. Но он учитель и в прямом смысле. Он учитель сердечный и добрый. Учитель без учительства и лишней назидательности. Ему обязаны дружбой, помощью, участием и советом десятки начинающих, созревающих и уже зрелых поэтов нашего времени. Он живет в окружении учеников, ставших друзьями.

Все мы с юности знаем наизусть «Санкюлота», «Франсуа Вийона», строфы из «Сына», стихи о Пушкине. У каждого свой набор. Есть из чего выбирать.

Поэзия живет не от юбилея к юбилею, а от свершения к свершению. Хочется пожелать новых свершений Павлу Григорьевичу Антокольскому, дорогому поэту, мастеру, учителю.

Д. Самойлов

Михаил Луконин

* * *

Павлу Антокольскому

Он идет по земле,
туда и обратно,
различая слова, глаза, голоса.
Смеются девушки
от радости непонятной,
и платья в коленях
хлопают, как паруса.
«Начинается утро» —
его прижимает к бумаге —
«Кричат петухи на Руси» —
он поддергивает рукава —
«Издадека кричат
поезда электрической тяги...»
Так и произрастают слова.

Первым криком кричат,
                        подстраиваются к равным.
В путь! —
                        еще не остыла земная кора.
«Нет, это еще не о главном».
Он поднимается:
                        «Раздвиньтесь же стены, пора!»
Время движется к главному.
                        Уже полстолетья.
Мирозданья дрожат,
                        заламывая руки рек.
Все, что есть на земле, —
                        он ритмом отметил,
предвидел далекое,
                        ложное — опроверг.
Время уже много отстукало.
Снова орудия возведены.
Левшинский переулок
                        становится
                        улицей Щукина,
сын — героем поэмы,
                        поэма — героем войны.
Я слежу, как идет,
                        как собою вселенную полнит,
как над землей возвышается
                        и под звездою стоит.
Листья кленов слетают к нему на ладони.
Глаза зажмуривают
                        недоверчивые воробьи.
Вижу, как он живет,
                        молодость обретая,
верность глаза выверяет
                        по солнечному лучу.
Как сидит за работой,
                        встает,
                        не встает, а взлетает,
Как похлопает,
                        пет,
                        как ударит меня по плечу!

Головой крутанет,
ямбом завьюжит
и понесет на бессмертное множество лет.

День июля.
Я живу в нем, в июле,
и тут же
каждый день свой, как новый,
                        начинает
мой отец и поэт.

1946

Зинаида Александрова

ВОЛОГОДСКИЕ КРУЖЕВА

Вот когда еще мама была жива,
 Я плела вологодские кружева.
 У меня собирались мои подружки;
 В ржавой лампе давно керосину нет,
 Но звенели, стучали в избе коклюшки,
 Белой северной ночью не пужен свет.
 И тянулась, как нитка, длинная песня,
 И текли рукотворные кружева.
 В них сплетались сказочно и чудесно
 И снежинки зимние, и листва.
 В них белели ландыши, пели птицы,
 Куманика сахарная росла.
 И плели,
         плели,
         плели кружевницы —
 Подмастерья славного ремесла.

Мы в двадцатом году росли-подрастали,
 Поездам петроградским глядели вслед,
 Красных ниток достав, их в узор вплетали,
 Чтоб горел в кружевах негасимый цвет.
 Свежим сеном и порохом пахнул воздух,
 Мы мечтали о хлебе и башмаках;
 И светлели,
         сияли красные звезды
 В кружевах, на праздничных рушниках.
 С той поры, как увижу я на прилавке
 Вологодские, русские кружева,
 Эти елочки, эти гусиные травки...
 Вспоминаю узоры, наколы, булавки,
 Те года, когда мама была жива...

Константин Алтайский

ТИШИНА

(Из цикла «Встречаясь с Циолковским...»)

Он писал, положив на колени
 С оцинкованным краем фанерку.
 После полудня мягкие тени
 По-кошачьи ползли к нему сверху.
 Билась в стекла, шарахаясь, муха.
 Дождь ладонями шлепал по крыше.
 Но ученый, по слабости слуха,
 Ни жужжапья, ни капель не слышал.
 Тишина его плотной кошмою
 Ограждала от шумного мира.
 И молчала пустыней большою,
 Хоть была многодетной, квартира.
 А когда про себя, самоуком,
 Фразу он шлифовал или числа,
 То прислушивался он не к звукам,
 А к биению дерзостной мысли.
 Одинокий, как лик на медали,
 Он, казалось, заглохнет в бессилье,
 А меж тем новых книг его ждали
 Величайшие люди России.
 Кто в восторге шептал, кто в испуге
 Об его изумительном мозге.
 Мир узнал о тишайшей Калуге
 Потому, что там жил Циолковский.

ИСПАНСКИЕ СТИХИ

* * *

Сквозь вековые испытания,
руины войн и крик ослиный,
куда, печальная Испания,
ты гонишь сизые маслины?
Куда бегут седые деревца,
твои оливковые роты,
и как им дышится и верится
так близко от твоей гарроты?
Или живут они, не думая,
что есть награды, что — обиды,
с чего Испания угрюмая
им дарит шумные корриды?
Или живут они, не ведая,
в чем разница между победою

и тихой грустью поражения,
в своем разбеге только следуя
закону вечного движения?
Не в силах справиться с различием
меж униженьем и величием,
понять, кто жертвы, кто злодеи,
что значит правда и идея,
в своем разбеге лишь седея.
Им не угнаться за законами
твоих фаланг и инквизиций.
Они бегут сухими склонами,
руками сильными взрыхленными.
...Но с ними трудно согласиться.

В МАДРИДЕ

В Мадриде, в Мадриде, в Мадриде,
в Мадриде на Пласа дель Соль,
была я ничуть не в обиде
на сердце пронзившую боль.

не стало сухой лепехой,
забывшей про гнев и любовь, —
что нашей суровой эпохой
не вся еще выпита кровь,

И мне утешений не надо,
и ты не тревожься, Мадрид.
Я рада, я рада, я рада,
что сердце о прошлом болит, —

что есть еще мужество в жилах
и слово «Мадрид» как пароль,
что все-таки я еще в силах
заплакать на Пласа дель Соль.

* * *

Странное чувство меня томит:
каждую ночь, опять и опять,
снится Мадрид, снится Мадрид,
словно бы жизнь повернула вспять.

И начинает казаться мне,
чем дольше живу, чем труднее жить,
что я воевала на той войне
и не смогла в бою победить.

Стало быть, это моя вина
в том, что стряслось на пути крутом,
в том, как окончилась та война,
в том, что случилось в мире потом.

ТОЛЕДО

В старом городе Толедо,
наяву или во сне,
постаревшая Победа
постучалась в дверь ко мне.
Исподлобья поглядела,
не подняв ни разу глаз...
Я спросить ее хотела:
чья она на этот раз?
В результате чьих литаний,
чьих страданий, жёртв и слез?
Но прилип язык к гортани,
замер в воздухе вопрос.
И увял порыв к беседе,
как озябшая листва,
не заметив в той Победе
никакого торжества,
никакой там силы духа,
ни величья, ни огня...
Одинокая старуха
не глядела на меня.
Но, со мною стоя рядом,
словно странный часовой,
пристальным бесслезным взглядом
путь оглядывала свой.
Путь в могилах и в металле,
в каплях крови и свинца.
Боже, как тогда мечтали
наши юные сердца!
Боже, как они летели
из-за дальних рубежей!

Как они помочь хотели,
нет, не этой, нет, не ей.
Той, другой, другого цвета,
вдохновенья и огня.
Для чего ж`явилась эта?
Что ей нужно от меня?
Что мне боль ее немая,
груз наветов и обид?
Ничего не понимая,
я молчу, она молчит.
Хоть в глаза бы мне взглянула,
знак бы малый подала...
Постояла и вздохнула.
Повернулась и ушла.
Не оставила ни следа,
ни соринки на полу.
Постаревшая Победа
тихо канула во мглу.
Почему ж меня волнует,
чья же все-таки она?
Все проходит, все минует —
и надежда, и война.
И героизму и отваге
тоже свой отмерен срок.
Остается на бумаге
несколько поспешных строк.
Их почти на склоне века
и почти на склоне лет
в старом городе Эль-Греко
записал один поэт.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ХЕМИНГУЭЯ

Динамитчик убит на испанской войне.
Он сидит, прислонившись спиной к сосне,
и зажатый в коленях его автомат
по врагам посылает последний заряд.

Динамитчик умрет. Мы останемся жить.
Но ничто не нарушит незримую нить,
и пока я жива, отдаются во мне
те последние залпы на дальней войне,
и надежда нёт-нет посылает мне знак,
что и книга и жизнь завершатся не так.

Евгений Антошкин

* * *

Над старым заводом дымы расходились,
И вспышки от сварки рябят, рябят...
Дядя Вася, вчера мне приснились
Усталые лица наших ребят.
Как будто я в вашей бригаде
Снова
Редуктор кручу неумело и зло.
А рядом наладчик ворчит суровый:

Мол, с парнем невыгодно,
Не повезло...
Я знал — вы в обиду меня не дадите,
Пока не почувствую силу в руках.
И видел, как вы незаметно следите
За мною внимательно
От верстака...

Наталья Астафьева

* * *

Такой стоит тончайший звон в лугах
весь день,
как будто на невидимом току
таинственный ведется обмолот,
в стеклянных мелодичных молотилках
проносится мельчайшее зерно,
и тикают, как часики, движки —
кузнечики стрекочут.

Посмотри
на этот луг в июльской пестроте:
ромашек снеговая белизна,
и кашка сладкая, и клевер кормовой,
и васильки в овсе вдоль всей дороги.
Там пчелы грузные шевелятся, жужжа,
в лилово-желтых чашечках цветков
и целый день метелками сухими
колотится высокая трава.

* * *

Эти длинные ноги, и узкая спина,
и волосы, растрепанные после сна, —
не могу привыкнуть, что из меня
родился человек.
В ночной рубашке до пят
трогательно смешна
моя дочь.
Не перестаю удивляться
и глядеть
на узкие плечи, пушок на щеках
и веселые смышленные глаза.

Все еще вижу,
как она хватает ртом грудь
и машет в воздухе кулачком.
Она требует у земли своего места под
солнцем,
она обнимает и толкает меня —
я ее земля.
Глаза — прозревшие кончики веток.
Тянись в небо,
держишься корнями за землю.

СКАЗАНИЕ О СТРОЕВОМ КОНЕ

Погоняй коня не кнутом, а овсом!
Пословица

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.
М. Ю. Лермонтов

I

Когда я в артполку служил, еще лозу рубили —
И каждый пашкой дорожил, хоть пушкарями были...
Да что там шашка! Я коня любил самозабвенно:
Сам комполка сажал меня за... краденое сено.

Я лишь закусывал губу, снимая пояс с бляхой, —
И отпраплялся на «губу» с распахнутой рубахой.
Бывало, я дежурство нес на полковой конюшне —
И беззастенчиво овес у старшины канючил...

Он свирепел, как Делибаш, под яростным напором,
Но выдавал... двойной фураж, хоть слыл и крохобором.
Его терпеж наверняка дробил я, словно в ступе, —
Не для себя, а для гнедка по кличке Непрístupный.

Бывало, даже злость возьмет — и выразишься резко:
Нехватка с фуражом в тот год случалась, и нередко.
А мой пострел, шельмец гнедой, совсем избаловался:
Бывало, даже за едой он как шальной лягался.

И норовил меня куснуть, косясь лиловым глазом,
Но не сердился я ничуть — привык к его проказам...
А полковые кузнецы мне отковали споро
Звеневшие, как бубенцы, серебряные шпоры.

Способен был их мягкий звон переливаться-литься...
Я шпорами давил фасон, а не бока любимца —
Он знал седло, а не хомут, знал строевую службу,
Но был со мною груб и крут за мой овес и дружбу...

Сама судьбина мне дала коня с такою лютюю.
Да, кличка у него была его природы сутью...
Давал ему я шенкеля и знал его уловки...
Ходила ходуном земля в разгар вольтижировки.

II

Однажды я с гнедком попал на зимние маневры —
В снегу по брюхо утопал мой скакунок хоробрый...
Я послан батареей был разведать местность точно,
А снег глаза мне залепил, как будто бы нарочно, —
Снега, снега, снега, снега: вьюга в живое метит...

(Не «вьюга», говорил, «вьюга́» наш ездовой Дементий.)
Хоть светел снег, а словно тьма в глаза все лезет, лезет.
Я спешился и пешкомá — к ближайшему подлесью.

Комбат сказал бы — «Молодцы!» — быть может, нам обоим...
Был взят надежно под уздцы четвероногий воин.
За повод к молодой ольхе был мой гнедок привязан.
Он был обязан мне — хе-хе!.. — а я ему обязан.

III

Но основное — впереди... Часы меж тем летели,
Ослабли оба без еды, расслабли от метели.
Мой Непрístupный на меня печально пялил зенки...
Вот тут-то и решился я податься к деревеньке.

Я выглядел ее сквозь снег: она в трех километрах
Стояла, но терялся след с порывом каждым ветра...
Сначала шел. Потом я полз сквозь наступивший морок...
А снегшибательный мороз был градусов за сорок.

А дальше, дальше — ничего не помнил я, покуда
Я не увидел вдруг... е го — и не свершилось чудо:
Мой Непрístupный, мой гнедок, тот самый злой и грубый,
Меня толкал копытом в бок, лизал глаза и губы, —

Он отвязался от ольхи и спас меня от смерти —
И замолил свои грехи, уж вы-то мне поверьте!

Эдуард Асадов

СОЗВЕЗДИЕ ГОНЧИХ ПСОВ

Мимо созвездия Девы,
Созвездий Льва и Весов
Несется по темному небу
Созвездие Гончих Псов.

Клубится, шурша по следу их,
Космическая пурга.
Комету ль они преследуют?
Иль гонят во тьме врага?

Я видел их тени тугие,
Сквозь дымку мальчишских снов.
И были они как живые,
К тому же слова какие:
«Созвездие Гончих Псов»!

Детство прошло, умчалось,
Растаяло без следа,
А песня в душе осталась,
И, кажется, навсегда.

Несется собачья стая
Миллионы веков вперед.
И я, как в детстве, гадаю:
Куда они? Кто их ждет?

Какая их гонит тайна
Средь стужи и тишины?
А вдруг они там отчаянно
Ищут во тьме хозяина,
С которым разлучены?

Он добрый, веселый, звездный.
Но с очень давних времен
Где-то во мгле морозной
Чудищами пленен.

В безбрежьи миров и столетий,
Где не был ни звук, ни взгляд,
Он к черной гигантской планете
Магнитным кольцом прижат.

Там странные измерения:
Сто верст — только малый шаг,
Столетье — одно мгновенье,
А озеро — жидкий мрак...

Чудища, плавая в реках,
И после, сушась на скале,
Звездного Человека
Держат в пещерной мгле.

Столапые Электриды, —
В каждой лапиче — мозг, —
Внушают ему, чтоб выдал
Он все, что когда-то видел,
А главное — тайну звезд!

Как они загораются,
Стужу гоня с планет?
Чем они остужаются?
Как погасить их свет?

Так молча и некрасиво,
Жуя студенистую мглу,
Волю свою терпеливо
Они внушают ему.

А он не дает ответа.
И только упрямое: — SOS! —
С черной, как мрак, планеты
Шлет светлому миру звезд!

Зов по вселенной несется,
И все, что хоть где-то живет,
Говорит: — Високосный год. —
Или: — Год активного солнца.

И только в бездонном мраке,
Где нет ни ночей, ни дней,
Огненные собаки
Мчатся еще быстрее!

Все ярче глаза сверкают,
Струной напряглись хребты,
И жаркие искры роняют
Пламенные хвосты.

Но сквозь века и пространства
Домчат они и найдут
Планету Черного Царства
И чудиц перегрызут.

Лапы — на плечи хозяину,
И звездный вздохнет человек.
Вот она, главная тайна,
Основа всего мирозданья:
В любви при любом испытанье
И преданности навек!

Фантазия? Пусть! Я знаю!
И все-таки с детских лет
Я верю в упрямую стаю,
Что мчится за другом вслед!

Спадает с души все брэнное,
Истории бьют часы,
Звенит серебром вселенная.
Летят по вселенной псы...

Горят причудливо краски,
И, как ни мудра голова,
Вы все-таки верьте сказке.
Сказка всегда права!

Белла Ахмадулина

* * *

Я школу Гнесиных люблю,
пока влечет меня прогулка
по снегу, от угла к углу,
вдоль Скатертного переуллка.

Дорожка — скатертью, богат
крахмал порфиросной прачки.
Моих две тени по бокам —
две хилых пристяжных в упряжке.

Я школу Гнесиных люблю
за песнь, за превышенье прозы,
за желтый цвет, что ноябрю
предъявлен, словно гроздь мимозы.

Когда смеркается досуг
за толщей желтой штукатурки,
что делает согбенный звук
внутри захлопнутой шкатулки?

Сподвижник музыки ушел —
где музыка? Душа погасла
для сна, но сон творим душой
и музыка не есть огласка.

Не потревожена смычком
и не доказана нимало,
что делает тайком, молчком
ее материя немая?

В тигриных мышцах тишины
она растет прыжком подспудным,
и сны ее совершены
сокрытым от людей поступком.

Я школу Гнесиных люблю
в ночи, но более при свете,
скользя по утреннему льду
ловить еду в худые сети.

Влеку суму життя-быття,
иному подлежа влеченью, —
возвышенно бредет дитя
с огромною виолончелью.

И в две слезы, словно в бинокль,
с недоуменьем обнаружу,
что безбоязненный бемоль
порхнул в губительную стужу.

Чтобы душа была чиста,
ей надобно доверье к храму,
где чьи-то детские уста
вовеки распевают гамму,

и крошка музыкант таков,
что, бодрствуя в наш час дремотный,
один вдошь улиц и веков
всегда бредет он с папкой нотной.

ДОМ

Я вам клянусь: я здесь бывала!
Бежала, позабыв дышать.
Завидев снежного болвана,
вдыхала, замедляя шаг.

Непрочный памятник мгновенью,
снег рукотворный на снегу,
как ты, жива на миг, а верю,
что жар весны превозмогу.

Бесхитростный прилив народа
к витринам — празднество сулил.
Уже Никитские ворота
разверсты были, снег валил.

Какой полет великолепный,
как сердце бедное несло
вдоль Мерзляковского — и в Хлебный,
сквозняк — навывлет, двор —
насквозь.

В жару предчувствия плохого
поступка до скончанья лет —
в подъезд, где ветхий лак плафона
так трогателен и нелеп.

Как опрометчиво, как пылко
я в дом влюбилась! Этот дом
набит, как детская копилка,
судьбой людей, добром и злом.

Его жильцов разнообразных,
которым не было числа,
подвыпивших, поскольку праздник,
я близко к сердцу приняла.

Я школу Гнесиных люблю,
когда бела ее ограда
и сладкозвучную ладью
колышут волны снегопада.

Люблю ее, когда весна
велит, чтоб вылезли петуньи,
и в даль открытого окна
доверчиво глядят певуньи.

Зачем я около стою?
Мы слух на слух не обменяем:
мой — обращен во глубь мою,
к сторонним звукам невменяем.

Прислушиваюсь — боль и резь,
а кажется — легко, легко ведь...
Сначала — музыка. Но речь
вольна о музыке глаголить.

Какой разгадки разум страждал,
подглядывая с добротой
неистовую жизнь сограждан,
их сложный смысл, их быт простой?

Пока таинственная бытность
моя в том доме длилась, я
его старухам полюбилась
по милости життя-быття.

В печальном лифте престарелом
мы поднимались, говоря
о том, как тяжело старым телом
терпеть погоду декабря.

В том декабре и в том пространстве
душа моя отвергла зло,
и все казались мне прекрасны,
и быть иначе не могло.

Любовь к любимому есть нежность
ко всем вблизи и вдалеке.
Пульсировала бесконечность
в груди, в запястье и в виске.

Я шла, ущелья коридоров
меня заманивали в глубь
чужих печалей, свадеб, вздоров,
в плач кошек, в лепет детских губ.

Мне — выше, мне — туда, где должен
пришелец взмыть под крайний свод,
где я была, где жил художник,
где ныне я, где он живет.

Его диковинные вещи
воспитаны, как существа.
Глаголет их немое вече
о чистой тайне волшебства.

Тот, кто собрал их воедино,
был не корыстен, не богат.
Возвышенная вещь родима
душе, как верный пес иль брат.

Со свалки времени былого
возвращены и спасены,
они печально и беззлобно
глядят на спешку новизны.

О, для раската громового
так широко открыт раструб.
Четыре вещей граммофона
во тьме причудливо растут.

Я им родня, я погибаю
от нежности, когда вхожу,
я так же шею выгибаю
и так же голову держу.

Я, как онц, витиевата,
и горла обнажен проем.
Звук незапамятного вальса
сохранен в голосе моем.

Не их ли зов меня окликнул
и не они ль меня влекли
очнуться в грозном и великом
недоумении любви?

Как добр, кто любит, как огромен,
как зряч к значенью красоты!
Мой город, словно новый город,
мне предъявил свои черты.

Смуглей великого арапа
восходит ночь. За что мне честь —
в окно увидеть два Арбата:
и тот, что был, и тот, что есть?

Лиловой гроздью виснет сумрак.
Вот стул — капризник и чудак.
Художник мой портрет рисует
и смотрит остро, как чужак.

Уже считая катастрофой
уют, столь полный и смешной,
ямб примеряю пятистопный
к лицу, что так любимо мной.

Я знаю истину простую:
любить — вот верный путь к тому,
чтоб человечество вплотную
приблизить к сердцу и уму.

Всегда быть не хитрей, чем дети,
не злей, чем дерево в саду,
благословляя жизнь на свете
заботливей, чем жизнь свою.

Так я жила былой зимою.
Ночь разрасталась, как сирень,
и все играла надо мною
печали сильная свирель.

Был дом на берегу бульвара.
Не только был, но ныне есть.
Зачем твержу: я здесь бывала,
а не твержу: я ныне здесь?

Еще жива, еще любима,
все это мне сейчас дано,
а кажется, что это было
и кончилось давным-давно...

* * *

Пришла. Стоит. Ей восемнадцать лет.
— Вам сколько лет? — Ответила:
— Осьмнадцать. —
Многоугольник скул, локтей, колен.
Надменность, угловатость и косматость.

Все чудно в ней: и доблесть худобы,
и рыцарский какой-то блеск во взгляде,
и смуглый лоб... Я знаю эти лбы:
ночь напролет при лампе и тетради.

Так и сказала: — Мне осьмнадцать лет,
Меня никто не понимает в доме.

И пусть! И пусть! Я знаю, что поэт! —
И плачет, не убрав лицо в ладони.

Люблю, как смотрит гневно и темно,
и как добра, и как жадна до боли.
Я улыбаюсь. Знаю, что — давно,
а думаю: давно ль и я, давно ли?..

Прощается. Ей надобно — скорей,
не расточив из времени ни часа,
робеть, не зная прелести своей,
печалиться, не узнавая счастья...

Елена Аксельрод

* * *

Ты на меня не обижайся, мама.
За ночью ночь в мои приходишь сны,
Когда я воздвигаю стены храма
Из птичьих голосов и тишины,
Когда на месяц я бегу упрямо
От суматошной городской весны.

Мы связаны не звоном телефонным —
Всем естеством, всей жизнью. Оттого
Твой каждый вздох во мне отдастся стоном —
Так разве может быть тесней родство?

Стремленье к вечным и печальным кронам —
Лишь дань ему — не бегство от него.

Непрочен храм, тревоги не забыты.
В прозрачных стенах, шепчущих, живых,
Обоями зелеными обитых,
Со мной ты в мыслях и стихах моих...

О как обидны мне твои обиды,
Как бесконечна справедливость их!

Антонина Баева

* * *

Ты видел, как рождаются березы?
Совсем как травы:
Стебель да листок.
Средь бела дня
Или на зорьке розовой
Чуть полыхнет очнувшийся восток, —
Посмотришь,
Приподнялся из пеленок
И как былинка хлипкая стоит
Березы русской махонький ребенок
И вовсе не березовый на вид.

Не всякий и заметит эту кроху,
В два-три, едва раскрывшихся, листка.
Ей сызмала не раз придется плохо:
То непогода,
То земля жестка,
То — солнце заслонить стремятся травы.
О, сколько в жизни надо испытать
И вынести,
Чтоб стройной, да кудрявой,
Да белою березонькою стать!

ИЗ ДЕТСТВА

Полощет мама на мостках белье.
Мостки худые: пара скользких досок.
А я мала.
Я даже не подросток
И именуюсь «хвостиком» ее.
Куда она — туда и я за ней.
Воистину как нитка за иглкой
Везде сную, конечно же без толку.
Мешаю ей вторую тыщу дней.
А мама терпелива — ко всему,
Играючи, тихонько приучает
И головой задумчиво качает:
— Что за девчонка! Право, не пойму...

Полощет мама на мостках бельишко.
И я туда же: жамкаю, кручу.
И жаль сейчас: старательно не слишком
Тех первых истин грамоту учу.

Александр Балин

ИЗ ТЮМЕНСКОЙ ТЕТРАДИ

Над шпалами — ветра вперегонки.
Мороз за тридцать — добрая погода!
Уже не хлябь, а скальная порода,
С которою мы вовсе не враги.

Вовсю торопимся.
Под гнетом мерзлоты
Болота жаждут столкнуться с летом,
Чтоб снова расплывались по кюветам
Торфяников раскисшие пласты.

Вот красным парусом плакат, не напоказ, —
Меж сосен двух: «Идущему — дорогу!»
Шагаем от родимого порога
Прекрасною неразберихой трасс.

Пора узнать дорогу в глубину, —
К подземным куполам пути стальные,
Как некогда, во времена иные,
Познал я грозовую вышину.

Пора... И по дорогам «золотым»
Стремят меня оранжевые «татры».
У самых глаз крупномасштабной картой —
Нефтеюганск, Урай, Сургут, Надым.

По зимникам сквозь снеговой заряд,
По наледям озябшего Югана
В кабине ураганного «Бурана»
От вахты к вахте — тормоза горят!

Так катим «направленьем основным»
Не мысленно, не по газетной глади...
Вот Мегийон остался где-то сзади,
И снова за «Бураном» снежный дым.

Вот Самотлор... Кажалось бы, до дна
Волнующую тему исчерпали,
А у меня опять глаза запали,
А мне опять сегодня не до сна.

Александр Бобров

* * *

Стрельбы ночные. Действия точные.
Контур мишени не видишь в упор.
Предохранитель — на «одиночные»,
И передергиваешь затвор.

Нервы натянуты, словно тетивы.
Целишься долго. Теплеет приклад.

* * *

Я стоял, прислонясь к парапету,
Против окон твоих, где привык
Я держаться подальше от света —
Мне отцовский пиджак был велик.

Под мостом Москворецким, у лестниц,
Назначал я свиданья в те дни
И не знал, что теряют ровесниц,
Потому что взрослеют они.

В молодом сентябре нехолодном
Сердце холодом первым свело,

И поражаешь. Интуитивно.
Звук попадания приходит назад.

Путь с полигона. Росы на травах.
Мысли о доме, и о любви,
И о недавнем: что это — навык?
Или инстинкт, растворенный в крови?..

И луна над каналом обводным
Мне казалась печальней всего...

Возвращаюсь сюда я некстати,
Не придешь из того сентября
Ты, в коричневом форменном платье,
Все плотней облежавшем тебя.

И одна только мысль не отпустит
Над водой, от огней золотой.
Мне б для счастья хоть капельку грусти,
Той далекой, нетягостной той.

Валентин Берестов

* * *

...А была эта встреча из встреч
Перед детским сеансом в буфете.
Слышу вдруг иностранную речь.
Оглянулся: испанские дети.

Наша общая боль. Наша боль.
Первый дым мирового пожара.

Теруэль и Пуэрто дель Соль,
Карабанчель и Гвадалахара.

Бились мы из-за тех крепостей,
Воскресали и вновь умирали.
Только мы не в испанских детей,
А во взрослых испанцев играли.

* * *

Идя из школы после третьей смены,
Увидел старика на тротуаре.
Лежал он в окружении толпы
И умирал. От голода, наверно.
Кусок лепешки среднеазиатской
Ему узбечка старая в ладонь
Вложила. Сжал он пальцами лепешку,
Но поднести ко рту уже не мог.
«Отец, дождись врача, за ним послали.
Дождись, не умирай, тебя спасут.
Родные где? Где дом? Скажи свой адрес!»
По знакам слабым и по бормотанью
Мы поняли тогда, что, кроме нас,
Нет никого на свете и в Ташкенте,
Куда его забросила война,
Нет никого, кто мог бы с ним проститься,
И, значит, мы — сейчас его семья.
Он эту мысль тускнеющим сознанием
Успел прочесть в мальчишеских глазах

И пожелал меня поцеловать.
Не к хлебу, а ко мне он потянулся
И умер. Это было первой смертью,
Которую в глаза увидел я.
Об этом в тот же день я сделал запись
Своим тогдашним почерком мельчайшим,
Каким для экономии бумаги
Писать я приучился в дни войны.
Об этом же я написал стихи
Своим тогдашним слогом старомодным,
Торжественным, не в меру благозвучным,
Стихи, где рифмовалось небо с хлебом,
А смертный час — с посмертным блеском глаз.
Стихи в том давнем времени остались,
А запись я адресовал потомству.
И как ни странно, этот страшный случай,
Предав бумаге, предал я забвению
До мирных дней, до мирных впечатлений.
Иначе бы войны не пережить.

Михаил Беляев

АРБУЗ

Арбуз, нагретый солнцем,
Наполненный жарой,
Студили мы в колодце
С водою ключевой.

Его студили властно
С желанием таким:
Чтоб жар остался красным,
Но стал бы ледяным.

В нем нож застрял,
Как в вате.
И стал он преснотой.
Как будто мы характер
Водой сломали той.

Елена Благинина

ЧТО БЫ МНЕ СОДЕЯТЬ?

Что бы мне содеять напоследок
Для моих сестер, подруг, соседок,
Для солдатских матерей и женок —
Сморщенных владелиц похоронок?

Может быть, промолвить чудо-слово?
Да не знаю... Не найду т а к о г о.

АНГЕЛ БОТТИЧЕЛЛИ

Ангел Боттичелли в синей блузке
Принимал на почте бандероли,
Заказные письма, переводы,
Деньги выдавал пенсионерам.

Он потешно пальчики топырил,
Пестрые наклеивая марки,
И стучал усердно по пакетам
Штемпелем, как клювом хищной птицы.

И казалось, за его плечами
Медленные возникают крылья
И над наклоненною головкой
Тускло золотится осиянье.

Впрочем, этот ангел был суровым:
На вопросы отвечал невнятно,
Сдачу и квитанции — всё швыром...
И ушла я от него — не с миром.

* * *

Я не чужаюсь старости,
Она не в тягость мне.
...Все дурости, все ярости
Остались в стороне.

Страстей лихое воинство
Рассеялось как дым.

А Честность и Достоинство
Присущи и седым.

Все спешности, все скорости
Далёко позади...
А болести да хворости
Ненадолго, поди?!

Павел Богданов

ЛЮБИМОЙ

Пусть говорят, что осень скоро —
Дожди, туманы, листопад.
Но мы иную помним пору.
Ее ненастья не затмят.

Мы помним небо синим-синим...
И лес, и поле, и река...
И ясный день —
Был самым длинным!

А ночь —
Светла и коротка!

Мы счастья дни уже познали
И ту любовь, что так чиста,
Что мы ее передавали
Из уст в уста,
Из уст
В уста...

Виктор Боков

Я НЕ СТАР

Мне сказали — я старею!
Что на это возражать?
Я направился скорее
Сам себя омоложить.

Ключевой водой умылся,
Сел и хлебушка поел.
Поднял руки, распрямился,
Стройным стал, как эта ель.

Шел кустами да лесами
Да поля пересекал,
Под родными небесами
Шел и шел, не иссякал.

Шел без страха, без оглядки,
Верст ну эдак — пятьдесят.

Ночь пришла, я спал в палатке
И сказал: — Будите в пять!

Только солнце показало
Раззолоченный карниз,
Мне душа моя сказала:
— Не лежи и не ленись!

Так и было. Двинул снова,
Вслух сказав: — А я не стар! —
А от озера лесного
Подымался белый пар.

Вечерком вернулся в город,
Так возрадовался тесть.
Обнял крепко: — Как ты молод!
— Да, — сказал я. — Так и есть!

Анатолий Брагин

КАМЕНЬ

Я, наполненный молчаньем,
Пять веков висел над кручей,
На меня садились птицы,
Надо мной ходили тучи.

Но вода подмыла берег,
Тот не выдержал и рухнул;
Я, на солнце разогретый,
В ледяную воду ухнул.

Неужели пять столетий
Я лежал для этой цели, —
Чтобы грохнутья, и только,
Чтобы брызги полетели?..

ЛАМПА

Недолговечное служенье.
Не разобьют, так выйдет срок.
Сгорев от перенапряженья,
Душа дрожит, как волосок.

Внутри и муторно и мутно.
Уж не светильник я, а прах.

Зато удобнее кому-то
Дела обдeldывать впотьмах.

Но жизнь — хозяин экономный,
Меня еще побережет,
Слегка встряхнув,
Хоть раз зажжет
И отодвинет вечер темный.

Николай Асеев

ЕЩЕ ЗА ДЕНЬГИ ЛЮДИ ДЕРЖАТСЯ

Еще за деньги люди держатся,
как старины держались люди
во времена глухого Керженца,
но скоро этого не будет.

Еще ко власти люди тянутся,
не зная меры и цены ей,
но долго это не останется:
настанут времена иные.

Еще гоняются за славой,—
охотников за ней несметно,—
пытаясь хоть бы тенью слабую
остаться на земле посмертно!

Мне кажется, что власть и почести —
вода соленая морская:
чем больше пьешь, тем жгучей хочется,
а жажда все не отпускает.

А личное твоё бессмертие
не в том, что — кто ты, как ты, где ты,
а всей земли людей соцветие,
содружество земной планеты,

чтоб все — и желтые, и черные,
и белые земного братства
вошли в открытые, просторные
края всеобщего богатства.

С тех пор, как шар земной наш кружится,
не уставая в безднах мчаться,—
людей великое содружество
впервые стало намечаться!

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1956»

Михаил Светлов

* * *

Никому не причиняя зла,
Жил и жил я в середине века,
И ко мне доверчивость пришла —
Первая подруга человека.

Сколько натерпелся я потерь,
Сколько намолчались мои губы!
Вот и горе постучалось в дверь,
Я его как можно приголубил.

Где-то рядом мой последний час,
За стеной стучит он каблуками...
Я исчезну, обнимая вас
Холодеющими руками.

В вечность поплывет мое лицо,
Ни на что, ни на кого не глядя,
И ребенок, выйдя на крыльцо,
Улыбнется: — До свиданья, дядя!

НА РАССВЕТЕ

Солнце встало,
Банальной проходит тропой,—
Свечка господа бога
Опять зажжена над землей,

Все деревья и солнце,
И все соловьи,
И все жаворонки —
Это все коммунисты мои!

Если б не было Ленина,
Что бы делать я стал?
Я бы юностью
Юность свою не считал,
А сейчас своей силой
Мне трудно владеть —
Ну куда же мне деть ее?
Куда ее деть?

Пригодись, моя сила,
Для слабых людей,
Пригодись, мое сердце,
Для светлых идей,
Пригодись молодым,
Мое множество лет,
Пригодись, пригодись,
Пригодись, мой рассвет!

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1963»

Николай Грибачев

СУТЬ

В свой срок, для критиков незримый,
В тревожной духоте ночей
Терзался я, гонясь за рифмой,
Чтоб половчей да побойчей.

Я слова каждого особость
Стократ исследовал сполна —
Играй ворсистостью, как соболю,
Звени, как струйка и струна,

Будь самоцельно, самоправно,
Когда твоя придет пора,
Витым дымком, клочком тумана
Стекай с неспешного пера,

Аукайся из дальней дали,
Шепчи былинкой у реки,
Чтоб после «Ну мастак!» сказали
Ценители и знатоки.

Потом, что в общем-то не ново,
Узнал, как стал покруче путь,—
Для смысла существует слово,
Для созиданья. В том и суть!

Его деяньем стать усилъя,
А не в подпевку бубенцам,
Дают мечте и песне крылья,
Язык — любви, огонь — сердцам!

Оно, порой от мук кричащее,
Идет под пули и ножи,
Оно в суде лежит на чаше
При искре правды против лжи.

И, не приемля сожаления,
Признаться должен, что втройне
Мучительней и тяжелее
Теперь слова даются мне!

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1974»

Николай Букин

КАРЕЛИЯ, КАРЕЛИЯ...

Карелия, Карелия, озера да леса,
Седые камни вымыла студеная роса.

Березы дремлют стройные в болотистой тиши,
Ромашки, колокольчики, хоть акварель пиши!

Горит заря вечерняя, на кочках спит туман,
Стоит и не шелохнется зеленый океан.

Смотрю в окно вагонное, и любо моряку
Лететь по-флотски, с удалью навстречу ветерку.

Сойти бы, прогуляться бы у молодых берез:
Колесами отстукивает версты паровоз.

А где-то там, за далями, живет моя краса...
Карелия, Карелия, озера да леса.

Нина Бялосинская

* * *

А мне такое видится:
как будто день за днем
обученной медведицей
нелепо,
    косолапо
стою на задних лапах
на шарике земном.

Он крутится
он вертится,
он мне грозит —
«свалю».

Грозит, а мне не верится.
А я себе стою.
И бьет в ладоши публика.
И думает спроста,
что я за-ради бублика,
что я боюсь хлыста.

А я борюсь отчаянно.
А я — сама хочу.
Нарочно ли,
нечаянно,
но шар-то я кручу.

Герман Валиков

КОНИ

Квадрига сиволапая... Гуляки
Отпетые — ни привязи, ни сбруи,
Свободно, как бездомные собаки,
По всей округе бродят, озоруя.

Им, четверем, и конюх не положен.
Мальчишки чтут, доярки потекают.
А клевер свеж,
А луг еще не кошен,
Люпин в цвету!..
Пришла пора такая...

Рай лошадиный... Колесо в кювете.
Полозьев ребра розвалью ненужной...
Не кнутовище ль выкинуло ветви? —
Листвой лепечет у руин конюшни.

Гирляндой хмель с подпорок коновязи...
Ворота пали... Нараспашку поле...
Какой курбет: из грязи прямо в князи!
О гужевые, тягловые!..
Воля.

И фырк, и взбрык...
И ока белый высверк.
Швырок-рывок с подпрыжкой хромою.
Гнедок беззубый, выскался как изверг,
Как в пляс идет, как в джинсах с бахромою...

То разойдутся,
То, опять соскучась,
Склонясь один другому на загривки,
Так и замрут — оцепенелой кучей,
Хламьем чердачным
С волосьем обивки...

Стоймя уснули... Полная нирвана!
Едва журчат плакучие березы,
Впадая в гривы!.. Чашею дурмана —
И мед, и сон, и хмель. И смех, и слезы...

Константин Ваншенкин

МЕТЕЛЬ НА ВОЕННОМ КЛАДБИЩЕ

На военном кладбище метель.
И фигуры эти из гранита
Словно бы выскивают цель,
Что в снегу клубящемся сокрыта.

Женщин речь отчетливо слышна,
Радости былые и обиды.
Только смерть им больше не страшна,
Потому что все они убиты.

Замело по пояс и по грудь,
Залепило густо их глазницы.
Все равно им виден этот путь —
От Москвы до западной границы.

И бредут из белой темноты
Силой твоего воображенья,
Да метели длинные жгуты
Создают иллюзию движенья.

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Жметя ситчика пестрота
К гимнастеркам довольно частым.
За рекой еще пустота,
Где садовым дремать участкам.

Но, как сбывшийся долгий сон,
Так томительно и уместно
Возникает прекрасный стон
Начинающего оркестра.

А где белым стоять домам,
Магазинам, химчистке, школе, —
Полевая дорога там
Да с картофелем пыльным поле.

В мытых окнах дрожит закат,
День безоблачный провожая.
На руках матерей лежат
Дети нового урожая.

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ

Контролировал квартал
На подходе к дому.
Со стрельбой перебегал
От окна к другому.

Хруст известки. Звон стекла.
Тяжесть ног чужая.
Плохо то, что кровь текла,
Целиться мешая.

Он мечтал укрыться в тень,
Лечь в зеленой пойме...
Два патрона между тем —
Все, что есть в обойме.

Под смородиновый куст...
Не будите скоро...

Только был патронник пуст,
Жалок стук затвора.

С ног внезапной пулей сбит,
Сжался под стеною,
И казалось, будто спит,
К ней припав спиною.

И настала тишина,
Но такого рода,
Что была поражена
Вражеская рота.

В оседающем дыму,
В городском квартале,
— Выходи по одному! —
Мертвому кричали.

* * *

Механизмы грозные — часы,
Так немало значащие в мире!
Золотого времени весы, —
Даже есть у некоторых гири.

Вот вы поднимаете свой взгляд.
Что они вам нового сказали?

Может быть, медлительностью злят —
Бесконечной ночью, на вокзале?

Или вы расслышали их бой,
Явно схожий с колоколом дальним,
И на вас повеяло судьбой,
Расставаньем и напомианьем?

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Северное хмурое село.
Божий храм семнадцатого века,
Что приедем нравится зело,
Несмотря что в нем библиотека.

Будний день. Не слышно ничего.
Мотоцикл у серого забора,

И девчонка смотрится в его
Зеркальце обратного обзора.

А над ней подобьем колеса,
Этаким изогнутым навесом,
Бледные мерцают небеса,
Кругло ограниченные лесом.

* * *

Подстригают машинкой газон.
Не оставят, наверное, лишку.
Город в этом находит резон,
Уважает фасонную стрижку.

Изумрудный ухоженный ворс.
Аккуратная мягкая щетка.
Загорелый рабочего торс,
Над травой бронзовеющий четко.

Город хмурится, в высь вознесен,
Весь в заботах, задачах и сроках.
Но доносится словно сквозь сон
Той машинки игрушечный стрекот.

Подступающий к горлу комок
Вызывает не самая сцена,
А рассеянный горький дымок
Вместе с запахом свежего сена.

* * *

Ранней юности угар
И отложенная кара,
Ибо страшен не удар,
А последствия удара.

Не мальчишеский ушиб,
Что глаза туманит странно,

А вонзенный в сердце шип
Та контузия и рана.

Но бывает давний шрам
С каждым годом все бледнее.
Но бывает давний срам
С каждым годом все больнее...

Александр Васютков

* * *

Предрассветным сумраком неярким
Растворились улицы во мгле.
Белый пар вставал над зоопарком,
Стлался пар звериный по земле.

Рык и крик оттуда раздавались,
Чей-то леденящий душу вой,
Будто динозавры просыпались
В этот час от спячки вековой.

Не простила городам природа.
Потому-то — только мы уснем —
Вся она дымится до восхода
В первобытном облике своем.

Будьте в это время осторожны,
Потому что в этот ранний час
Даже псы бездомные и кошки
Страшно смотрят в сумраке на нас.

Петр Вегин

ДВЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПЬЕСЫ ДЛЯ ЛИРЫ И ОРКЕСТРА

1

Город — асфальтовый луг,
на котором табун небоскребов пасется.
В гулкие улицы
как аукнется — так отзовется.
Жизнь городская — репетиция рая и ада.
Ах, с двухкопеечной душой телефоны твои автоматы!
Стих раскачаю, тяжелую лиру настрою.
Джаз жизни
как ни прекрасен,
но все же без лиры немислим.
Нету игры вдохновенней,
нет музыки выше и строже,
чем партитура кварталов, где нотные знаки прохожих
сообразуют, смещая все формы и стили,
оперу Современность
для всех инструментов
и соло — на лире!

До — Современность!
Фа — Современность!
Соль — Современность!

Нотный значок, человек, незнакомец — моя драгоценность!
Бальные туфли в хрустящих вчерашних газетах...
Счастлива будь! С Новым годом!

На нотных проспектах
красною вишенкой в новогоднем снегу исчезаешь.
Ах, как ты лиру тревожишь,

как ты звучишь —

об этом ты даже не знаешь!

Ну, с Новым годом! Куранты. Загаданы свечи.
Если б обнять, как тебя, человечества чуткие плечи!
Каждую ноту я должен сберечь —

не дышать мне без них,

и лира лишается речи.

Или же все прекратится —

этот снег, этот вальс,

под который кружимся и задеваем

елочку жизни,

осыпанную звонками трамваев...

2

Ночью, лежа на спине, лицом к звездам,
я понимаю — как я Вас люблю,
я перекатываю во рту, как дети —
карамель, эти три сладких слова:
Я Вас люблю...

Я люблю Вас...

Вас я люблю...

За что? — если бы меня заставили глотать
раскаленные угли, я бы все равно
не сказал — за что. У меня не было
времени спрашивать себя об этом —
так сразу я Вас полюбил. И когда
я вижу Ваше лицо со слезинкой на
щеке и одновременно с улыбкой,
я ничего не могу Вам сказать, потому
что не понимаю — Вы теряете улыбку
или перестаете плакать, и три слова
царапают мою гортань и душу — я Вас
люблю.

Я, наверно, похож на заводную игрушку,
повторяющую одно и то же. Может быть,
когда-нибудь полюбите и Вы меня.

Но сейчас не об этом. Сейчас о том,
что, шурша мокрыми от росы джинсами,
в прожженном звездами свитере, я
взбегаю по скрипучим лестницам дома
и в комнате, заваленной черновиками
моих стихов и романов,

я обнимаю старый глобус, пахнувший листопадом,
и повторяю, прижимаясь щекой к Тихому
океану: я Вас люблю, потому что у меня нет другой

возможности

обнять все Человечество, похожее на
капризного ребенка, улыбающегося и
со слезинкой на щеке, и сказать:
«Я Вас люблю... Все будет хорошо... Утро
вечера мудренее...»

Зоя Велихова

СТАРЫЕ ВЕЩИ

Они своих владельцев пережили.
Укрытые от посторонних глаз,
Они хранились в тишине и пыли.
Теперь их выставляют напоказ.

Их продают. Они стоят на полках,
Все вместе, в ряд, у стенки из зеркал,
Где резких ламп неистовый накал
И полушепоток ученых толков.

Какая-то далекая родня
Тех, кто их покупал когда-то,
Не пожелав хранить старье ни дня,
Все отдала на торжище Арбата.

Они мешали людям жить в домах,
Как их хозяйки, дряхлые старухи,
Царящие на медленной разлуке
И сами превратившиеся в прах.

Их комнаты тесны и широки, —
Вещей немало в них, но как-то пусто.
И может, оттого до боли грустно,
Что потолки так странно высоки.

Под ними, в полумраке вечеров,
Для них одних живут воспоминанья,
И что ни день — опять у них готов
Рассказ, который скучен всем заранее.

Вот я звоню в одну из тех квартир,
Где длинный коридор всегда
  в потемках.
И резкостью звонков, сухих и ломких,
Тревожу этот полусонный мир.

Здесь девочка с безумною старухой
В огромной тихой комнате живут.
Здесь к вечеру меня на ужин ждут.
И я приду, чтоб насладиться скукой.

Хозяйка, верно, и на этот раз,
Меня увидев, примет за кузину
И за столом, припомнив что-то, длинно
В который раз повторит свой рассказ —

Давно уже прожитое, свое,
Но кажущееся недавним что-то.
А мы опять, не слушая ее,
Заговорим о собственных заботах.

Мне девочка расскажет о себе,
Что замуж вышла, если бы не это...
Но, кажется, теперь в ее судьбе
Все переменится не позже лета.

И в комнате пустой, просторной слух
Воспримет звуки мертвенней и резче.
Со смертью незапамятных старух
Умрут тотчас их проданные вещи.

Здесь детям, создающим свой уют,
Теперь уже никто не докучает.
Устроят жизнь. Хозяйство заведут.
И комнату, наверно, поменяют.

А в сумраке ее, под потолком,
Обречены на вечные скитанья,
Останутся витать, смущая дом,
Теперь уже ничьи воспоминанья.

* * *

Странный сон, что часто снится,
Часто снится, — ну и пусть —
В ритме снега растворится
Затянувшаяся грусть.

Вмиг удастся в вихре плотном
Все, что мучило, забыть —
В этом ритме мимолетном —
Своего не различить.

Стоит только вдоль по скверу
Оснеженному пройти
И случайному размеру
Подчиниться на пути.

АМЕНЕМХЕТ III

Памяти египтолога В. В. Павлова

К зданию пройду переулком,
Где, среди статуй и плит,
В зале прохладном и гулком
Бюст фараона стоит.

Эхо звучит за шагами,
И посетителей нет.
Сумрачно.
Лампы на камень
Льют электрический свет.

Древний, безвестный ваятель,
Время тебе нипочем!
Вот этот завоеватель
С непостижимым лицом.

Чтобы приблизиться, надо
Снова в пространстве суметь
Потустороннего взгляда
Действие преодолеть.

Вечность расставила сети...
Склепы песком замело...
Холодом тысячелетий
Плоские скулы свело.

Стесаны резко, жестоко.
Рот повелительный смел.
Мощь.
Неподвижность Востока.
Скованность —
Страсти предел.

Андрей Вознесенский

НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ

Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую
не по прошлому ностальгию —
ностальгию по настоящему.

Будто послушник хочет к господу,
ну а доступ лишь к настоятелю —
так и я умоляю доступа
без посредников к настоящему.

Будто сделал я что-то чуждое,
или даже не я — другие.
Упаду на поляну — чувствую
по живой земле ностальгию.

Нас с тобой никто не расколет,
но когда тебя обнимаю —
обнимаю с такой тоскою,
будто кто тебя отнимает.

Когда слышу тирады подленькие
оступившегося товарища,
я ищу не подобья — подлинника,
по нему грущу, настоящему.

Одиночества не искупит
в сад распахнутая столарка.
Я тоскую не по искусству,
задыхаюсь по-настоящему.

Все из пластика — даже рубища,
надоело жить очерково.
Нас с тобой не будет в будущем,
а церковка...

И когда мне хохочет в рожу
идиотствующая мафия,
говорю: «Идиоты — в прошлом.
В настоящем — рост понимания».

Хлещет черная вода из крана,
хлещет рыжая, настоявшаяся,
хлещет красная вода из крана,
я дождусь — пойдет настоящая.

Что прошло, то прошло. К лучшему.
Но прикусываю как тайну
ностальгию по настоящему,
что настанет, да не застану.

НОВАЯ ЛЕБЕДЯ

Звезда народилась в созвездии Лебедя —
такое проспать!

Явилась стажеру без роду и племени
«Новая Лебедя — 75».

Наседкой сидят корифеи на яйцах,
в тулупах высиживая звезду.

Она ж вылупляется и является
совсем непристойному свистуну.

Ты в выборе сбрендила, Новая Лебедя!
Египетский свет на себе задержав,
бесстыдно, при всей человеческой челяди
ему пожелала принадлежать.

Она откровенностью будоражила,
сменила лебяжьего вожака,
все лебеди — белые, эта — оранжева,
обворожительно ворожа,

дарила избраннику свет и богатства
все три триумфальные месяца. Но —
погасла!..

Как будто сколупленное домино.

«Прощай, моя муза, прощай, моя Новая
Лебедя!

Растет неизвестность из черной дыры.
Меня научила себя забывать и ослепнуть.
Русалка отправлена на костры.

Опять в неизвестность окно отпираю.
Ты — Новая Лебедь, не быть тебе старой...

Из кружки полейте на руки Пилату.

Прощай, моя флейта!

Прощай, моя лживая слава.

Ты мне надоела. Ступай к аспиранту!»

ПРИТЧА О ХУДОЖНИКЕ

В. Шкловскому

Жил художник в нужде и гордыне.
Но однажды явилась звезда.
Он задумал такую картину,
чтоб висела она без гвоздя.

Он менял за квартирой квартиру.
Стали пищею хлеб и вода.
Жил, как йог, заклиная картину.
Она падала без гвоздя.

Стали краски волшеббно-магнитны.
Примерзали к ним люди, входя.

Но стена не хотела молитвы
без гвоздя.

Обращался он к стенке бетонной:
«Дай возьму твои боли в себя.
На моих неумелых ладонях
проступают следы от гвоздя».

Умер он, изможденный профессией.
Ухмыльнулась, скотина, звезда.
И картину его не повесят,
но картина висит без гвоздя.

ЗАСУХА

В саду оmyвая машину,
к обочине перейду
и вымою ноги осине,
как грешница ноги Христу.

И ливень, что шел осторожно,
вернется на рожь и овес.
И свет мою душу омоет,
как грешникам ноги Христос.

ТАБУНЫ ОДИЧАНИЯ

Столбенею на мазутном полустанке.
К Севастополю несутся табуны —
мустанги,
одичавшие после войны.

Повторяю, по яйле до Севастополя,
где мы жили с тобой нечаянно,
по ночам различаю топот
табунов одичания.

Одичалый жеребец, чей дед контужен,
ну а бабушка гнедая оккупантка,
племенных кобыл уводит из конюшен.
Ну, мустанги!

Ну, мустанги! Кто разграбил сахар в чайных,
ассигнации слизнул в районном банке?
Рыщет банда долгогривая мустангов.
Одичание.

Одичали над чаирами ничейными
и шиповниками стали розы чайные.
Одновременно с приручением
происходит рост одичания.

Поглядите в глаза дочерние,
что за джунглевые в них чаянья?

В век всеобщего обучения —
частный рост одичания.

А у чалого мустанга жизнь отчаянна,
как прокормишься под вьюгами в крещенье?
Приручение — одичание —
истребление — воскрешение.

Отслужили лошадям панихиду.
Неминуемый гол. Штанга!
Жизнь приноживается ехидно
музыкальной ноздрей мустанга.

Милый, милый смешной дуралей,
паровоз допотопный кончился,
оказалась его удалей
первозданная мустанговая конница!

Их отстреливают охотники
ради конской колбасы воровато.
Не хватает сейчас Дон Кихотов,
замещают их Росинанты.

Пейте крымское шампанское —
игристое, мускатное!
Не бейте крымских мустангов.
Скачите, мустанги!

Сергей Викулов

ПОСТОЯНСТВО

Славлю постоянство гордых елей,
потому как ели не из тех,
у кого семь пятниц на неделе,
кто взирает робко снизу вверх!

Рыжим рылом поведет лишь осень,
как уже готовы все в лесу
порыжеть и даже вовсе сбросить
с плеч своих зеленую красу.

Только ели — не бывало сроду,
чтобы перекрасились до пят! —
несмотря на рыжую погоду, —
хоть руби! — зеленые стоят!

Мало! Даже в белые метели,
даже в холода,
                        когда вода
замерзает, не сдаются ели,
не меняют цвета и тогда!

Вот они стоят — сам черт не страшен!
Отряхают белое с боков,
здорово похожие на наших
очень зимостойких мужиков.

Засугробит все кругом — не дрогнут!
Лишь сгореть, как свечка, на ветру
могут ели...

Большого не могут.
Мне такой характер по нутру!

«АВОСЬ»

Уж это наше русское «авось»!
Не счесть, издевок сколько да насмешек
за тыщу лет из-за него нам, грешным,
со стороны услышать довелось!
Мы на «авось» вбивали в стену гвоздь,
пахали,
выходили на охоту...
О господи, какую мы работу
не начинали только на «авось»!
И очертя головушку то вниз
летели мы, то вверх —
судьбу пытали,
ее капризу противопоставив
души смятенной собственный каприз.
...Смеяться над «авось» —
ты это брось!
Отвага. Непокой. Игра в удачу.

И риск еще. И дерзость!..
Вот что значит
от века наше русское «авось»!
С рождения — болота да леса
в глаза нам. Мы не баловни природы.
Нет хуже нам — ждать у моря погоды:
«Авось»! — и поднимаем паруса.
Кто первым встал —
тому хвала и честь!
Нет злей для нас и нет жесточе муки
сидеть, когда прижало, сложа руки,
смириться и оставить все, как есть!
Такой уж нрав с рождения у нас!
Мы ищем не «нельзя» во всем,
а «можно»!
Мы в деле, даже самом безнадежном,
всегда «авось!» имеем про запас!

Евгений Винокуров

ИЗ КНИГИ «КОСМОГОНИЯ»

КОЛОДЕЦ

И когда уже не было силы идти,
то, как всякий отчаявшийся землепроходец,
неожиданно я повстречал на пути
позабытый, осыпавшийся колодец...
Я нагнулся и крикнул в него,
и тогда
там, где было все пакостно и безотраднo,
на запущенном дне замерцала вода
и протяжный мой крик возвратила обратно.

Над колодцем торчал измочаленный шест.
И молчал я, постигнувший удвоенье.
И ночная вода повторила мой жест,
означавший надежду и удивленье.
И тоска отошла, что пилила, свербя,
на мгновенье, — и то уж почел я за благо! —
И в колодец смотрел я, как будто в себя,
и лицо мое вверх подымалось из мрака.

ГРАММОФОН

Граммoфон отошедшей эпохи,
я весь вечер сегодня с тобой.
Мне милы твои хрипы и вздохи,
инструмент с допотопной трубой.

Средь содомов двадцатого века,
что циничен, могуч и умен,
слышу: голос святой человека
из минувших доходит времен.

Не о прихотях потного тела,
но, сипя, и треща, и шурша,

хочет он, чтобы вечно летела
к бескорыстному небу душа.

Он скрипит, шепелявя сердито,
запинаясь и екая зло...
В мире что-то такое забыто,
что-то ведь безнадежно ушло!

За стаканом постылого чая
среди пустыни сажу Мировой,
ручку слабую туго вращая,
в лад качая ему головой.

ЧЕРЕПАХА

Вот, причуда пустоты и праха,
давшая смиренности обет,
проползает полем черепаха,
предвкушая за кустом обед.

Средь постылой мировой пустыни
движется она едва-едва...
Что за дело ей до этой сини,
твоего, природа, торжества?!

Молока ей из бутылки вылей
и зерна ей высыпь из горсти.
Сколько надо дьявольских усилий,
чтобы ей за пищей проползти!

Залегла среди стеблей молочая, —
надо быть чуть-чуть и посмелей! —
острое блаженство ощущая
от обыкновенности своей.

ЗЛО

Я, не верящий в силу всемирного зла,
отшатнулся:

из груди прибрежного ила
вдруг нежданно так близко змея подползла,
что еще бы мгновение — и укусила.
Я головку ей толстою палкою прижал
и заметил в секунды смертельные эти
вдруг мелькнувшее жало из тысячи жал,
что сейчас где-то жалит кого-то на свете.

Равнодушно курилась сухая зола
под пустыми скудеющими небесами,
но прижалось к земле воплощение зла
и смотрело рубиновыми глазами.

И стояла в таинственном мраке тайга,
и заря отливала неведомым светом,
и не мог я злорадное слово: — Ага! —
произнести, как положено в случае этом.

Ирина Волобуева

РОВЕСНИЦАМ

Мы стали с виду сдержанны и строги,
Но, как всегда, все дни в году,
Кипим в делах, мотаемся в дороге,
В троллейбусы влетаем на ходу.

И в тесных скверах, где до ослепленья
На ветках белый пенится апрель,
Мы вспоминаем первые влюбленья
И первых вальсов открывший хмель.

И пристально, вдруг затаив дыханье,
Следим, в ночную вперьясь высоту,
Как ярко-ярко, перед потуханьем,
Искринки звезд сверкают на лету.

И жизнь летит дорогами стремлений,
Сжигает чувство горечи дотла,
И мудро смотрит мужество старенья
В сияющие солнцем зеркала.

Юрий Воронов

МОЦАРТ

Ветер выл, срывая с петель двери.
Бил по окнам дождиком косым...
Моцарт был доволен, что Сальери
В эту непогоду рядом с ним.

Только тот ему тревожил душу:
Пятна по лицу, смятенный взгляд...
Моцарт сел играть. Сальери слушал,
Но смотрел и думал невпопад.

А когда поспешною рукою
Он в бокалы разливал вино,
Показалось Моцарту такое,
Что в камине стало вдруг темно.

Может быть, бокал — в одно из окон
Или ненароком уронить?..
Моцарт залпом выпил. Разве мог он
Дружбу подозреньем осквернить!

СТРОКА

Строка бывает как рука,
В беде протянутая другом,
Как рушащая льды река,
Как в лютый холод — ветер с юга,

Как растревоженный набат,
Где гул надежды в каждом звуке,
Как долгий неутешный взгляд
Любимой женщины в разлуке.

Строка — порою ни о чем,
И вдруг она всплывет внезапно:
Ударит солнечным лучом,
Рассыплется салютным залпом,
Окликнет далями дорог,
На что-то главное ответит...

Бывает, что из этих строк
Стихи рождаются на свете!

Николай Глазков

* * *

Рассчитывая на успех,
Желая отразить эпоху,
Поэт сложил стихи для всех.
Жена прочла, сказала: — Плохо.

Тогда лишь ей, своей жене,
Поэт сложил стихи другие.
И оказалось: всей стране
Потребны именно такие!

ЦИРКУЛЬ

(Шутка)

Танцевальное вращенье
Совершеннейшей ноги
И круги, круги, круги
Вызывали восхищенье.

Балерина создавала
Точный круг в один момент.

Подивился ей немало
Достославный геометр.

О прекрасной балерине
Вспоминал частенько он —
Не по этой ли причине
Циркуль был изобретен!

Человек, достойный вполне
Аплодисментов всех,
Пришел в ресторан и пошел по стене
Вверх.
Потом прошелся несколько раз
По потолку, не падая вниз,—
И люди, великому чуду дивясь,
Научно его объяснить не брались.

А впрочем, резво о гравитации
Заговорили два знатока,
Когда человек, достойный овации,
Спускался по стене с потолка.
Сидела женщина у окна,
В обычное платье одета,—
И к ней он направился, ибо она
Его вдохновила на это!

Татьяна Глушкова

Ю Ж Н Ы Е А Н А П Е С Т Ы

* * *

Я гнала молодую козу
на луга, что всех дальше и глуше,
где границей меж влагой и сушей
бог плакучую выбрал лозу;

бог, развесивший нам бирюзу,
бог бездомный, крапивный, лопуший,
что скрипачит нам в самые уши;
поясок затянувши потуже,
свищет рыбку из высохшей лужи
да сверкает пылинкой в глазу.

Я гнала сладкоежку козу
в те луга, где — ни влаги, ни суши,
но глядят земляничные души
на английских кровей стрекозу.

На изящную, тонкую стать,
сухопарость и негу полета...
У меня ведь простая работа:
то, что с возу упало,— поднять.

Крупнопелые ягоды спят,
древоносные травы восходят,

ВЬЮГА

Так дышать серебристым простором,
воробьиным зимовьем дышать,
будто кáтаньем, страхом, измором
брали нас — а не сдóжили взять!

Будто снежный, завьюженный город,
разметав кругогривье ракич,
на салазках с Владимирских горок
прямо к дымному морю летит.

словно душевные косы до пят,
отягчают, дурманят, томят,
на запретные мысли наводят:

то, что с возу упало,— сберечь,
то, что в доме негоже,— припрятать,
завести, ну, не то чтобы речь,
но молчание к слову присватать.

Вырыть ямку, присыпать золой...
Кто хозяин — во чьем огороде?
Видно, что-то такое в природе,
что пошлют не за кем-то — за мной!

За моею дырявой сумой,
за козю и глиняной птицей,—
чтобы я возвратила с лихвой.
Я всегда возвращала сторицей!

Я всегда ведь не даром брала:
не громила сады-огороды,
лоскуток домотканой свободы
ни с чьего не срезáла крыла,—
а, осилив и долы и воды,
этот старый, ушедший из моды,
у прабабкиной прялки нашла.

К лысым скалам, где я вспоминаю —
ах, к добру ль? — ну конечно, к добру! —
как цветы по горам собираю
и смуглею на остром ветру.

Как в сухой, обожженной Алушке,
виноградную шерстью увит,
дом в бараньем стоит полушубке,
прямо в нищую душу глядит.

Разжигает не окна, а розы,
проливает не кровь, а вино,
и зеленые свищут стрекозы,
размозжив слуховое окно.

Растревожив такие заклятья,
столько слез на глухом берегу...
Это серое юное платье
я на черный твой день берегу.

Расстелю для последней забавы,
перечту черновые грехи...

В ЛУТОВИНОВЕ...

Что тебе до безрадостных строчек? —
я б сама променяла их стон
на степных, подрумяненных ночек
колокольный, малиновый звон!

На дорогу из темного ситца,
золотых одуванчиков мех...
В Лутовинове сохнет девица,
от мирских отказавшись утех.

В Лутовинове — куры и травы,
да портреты взлетают со стен.
Я ведь тоже пригублю отравы
сладковатых любовных измен.

Я ведь тоже узнаю, что море,
омывая головку цветка,

В эти алые перышки славы
положите мне ветку ольхи.

Я любила ее при дороге,
где грачами взлетают кресты.
Что ты — бледный — торчишь на пороге:
это — я, это я, а не ты!..

Я одна к черноротому югу
пролечу, распушив полотно,
и, впряжась в эту душную выюгу,
постучу в слуховое окно...

так рифмуется с крохотным: г о р е, —
что — какая же это тоска?!

Что какой же мне нужно свободы,
коль у пирса гудят корабли —
словно весть, что огромные воды
залегли у краин земли;

коль сама луговая дорога
да сырая лазурная степь
для меня испросили у бога
этот легкий, с половиною, хлеб,

эти сладкие звуки разлуки,
эти хриплые зовы тоски,
эти жадные, темные руки,
что сжимают сухие виски!

Александр Говоров

ПОД ЗВЕЗДОЙ ВЕЧЕРНЕЙ

Вот и зима за летом
Медленно прикатила.
Шел за тобою следом,
Слушал, а ты говорила:
— Любишь или не любишь,
Обманешь иль не обманешь.
Лучше найдешь —
Забудешь,
Хуже найдешь,
Вспоманешь... —
И под звездой вечерней
Так неуютно было,
Словно со всей Вселенной,

А не со мной говорила:
— Сейся, снежок,
Да сейся,
Рассеивайся по полю.
Зла не держу на сердце,
Лишь сожаленье с болью.
Знаешь,
Ну, если не любишь,
Сердце свое не обманешь:
Лучше найдешь —
Забудешь,
Хуже найдешь —
Вспоманешь.

Владимир Дагуров

ХОЗЯИН ТУНДРЫ

Василию Тихоновичу Подшибякину

Где реки с названием Таз и Пур,
упряжкой полярных оленей
на легких нартах правил каюр
и слушал метели пенье.

Под ним серебрились барханы снегов,
над ним полыхало сияние,
и тундра знала, кто он таков,
в нем признавая хозяина.

Так день за ночью, за годом год,
век тянулся за веком.
И вот однажды среди болот
сел вертолет с человеком.

Чутким глазом повел олень
и чутким ухом собаки,
когда, москитку сбив набекрень,
сошел с небес Подшибякин.

«О тундра — красивая женщина ты,
и с тайной своей, разумеется:

под слоем вечной земной мерзлоты
ревниво таишь жар сердца.

Но все ж покоришься ты мастерам,
открывшим твои секреты.
Огонь души ты подаришь нам,
и нами будешь согрета».

Так говорил, высок и силен,
голубоглаз и молод,
первопроходчик, и был он влюблен
в край, где огонь и холод.

Словно Жар-птицу, добыл он газ
и свет зажег над Сибирью,
и реки с названием Пур и Таз
зажили новой былью.

Стоит за плечами его Уренгой,
вдали полыхают сияния,
и тундра знает, кто он такой,
и в нем признает хозяина!

Андрей Дементьев

* * *

Когда отпустит мне судьба
последние три дня, —
на миг покину я тебя.
Но ты простишь меня.

Свой первый день —
один из трех —
друзьям своим отдам.
Пусть в дом придет беспечный треп
с весельем пополам.

С детьми второй день проведу.
Я мало с ними был.
Свожу их в цирк.
А на ветру
запустим пару крыл.

И свой последний — третий день
пробуду я с тобой.

Чтоб ты не знала между дел,
что жизнь дает отбой.

Чтоб было все с тобой у нас,
как много лет назад:
в последний раз — как в первый раз —
улыбка, слово, взгляд.

Хочу, чтоб я с собой унес
сокровища двоих.
Не соль и горечь тихих слез,
а сладость губ твоих.

Чтобы навек в родных глазах,
(ты забывать не смей!)
не боль осталась и не страх,
а свет любви моей.

ОТЕЦ

Отец мой сдает.
И пришедшая старость
уже начинает справлять торжество.
От силы былой так немного осталось.
Я с грустью смотрю на отца своего.

Мы долгие годы в разлуке с ним были.
Стеснялись друг друга принять до конца.
Года, как тяжелые камни, побили
веселое, доброе сердце отца.

Когда он идет по знакомой дороге
и я выхожу, чтобы встретить его,

то сердце сжимается в поздней тревоге.
Я с грустью смотрю на отца своего.

Когда-нибудь каждого старость догонит.
И тут не заменишь уже ничего.
Смотрю на тяжелые эти ладони,
все больше влюбляясь в отца своего.

Я прячу печаль и смеюсь беззаботно.
Боясь, чтоб внезапно не выдать себя.
И, словно поняв, он поднимется бодро,
как позднее солнце в конце октября.

* * *

Поэзия жива своим уставом.
И если к тридцати не генерал,
хотя тебя и числят комсоставом,
но ты как будто чей-то чин украл.

Неважно, поздно начал или рано.
Не все зависит от надежд твоих.
Вон тот мальчишка — в чине капитана,
а этот старец ходит в рядовых.

Тут ничего, пожалуй, не исправишь.
А может, и не надо исправлять.
Одни бегут годами к трудной славе.
Другим всего-то — перейти тетрадь.

Юрий Денисов

ЩЕНОК

Смешной щенок, вертлявая мордашка,
всегда в опилках, стружках и пыли,
ему пришлось бы в жизни очень тяжело,
когда б его на стройке не нашли.
Паркетчики, они народ надежный,
щенка пригрели, возят за собой.
Он спит у них в бытовке и, возможно,
доволен больше всех своей судьбой.
Он поднести вам может рукавицы
и охранять бытовку, но пока
всего он больше любит прокатиться
на лифте грузовом. Под облака.

Отходит лифт, сейчас взвобьется круто,
а пес бежит, ногами семеня,
и он всем видом говорит как будто:
— Возьмите, тети-дяденьки, меня! —
Он бегаёт в дыму и смрадной гари
и твякает от счастья — наугад! —
и нет милей на свете этой твари —
любимицы строительных бригад.
У пса все наши хватки и замашки,
вы поглядите только на щенка:
он весь в цементе, да и нос в замазке,
и суриком испятнаны бока.

СТИХИ ИЗ ПОРТУГАЛИИ

Я побывал в Португалии в весной 1975 года, то есть через год после революции, свергнувшей самый старый фашизм в Европе. Стихи писались в Сантарене, в Порту, в Лиссабоне по свежим впечатлениям. События несутся стремительно, меняется обстановка, и, может быть, через полтора года я бы увидел другое и написал бы не так. Но стихи — не телеграфные сообщения, а революция — событие не дней, а века.

1. «ГРАНДУЛА»

О песне Свободы известно в казармах,
Магнитная пленка доставлена в студии...
Уже в Сантарене танкисты азартно
Сизалеовой паклею драют орудия.
На танках пойдут в Лиссабон капитаны,
Когда эту пленку прокрутят по радио.
Условным сигналом, призывом к восстанию
Назначена песня по имени «Грандула».

Ее сочинителя Жозе Афонсо
Давно уже тайная ищет полиция:
Строка пробивается лучиком солнца —
«Народ лишь хозяин, моя смуглолицая»
За песнею слежка, за песней охота,
Повсюду шпики расползлись, как тараканы.
Но голосом армии, голосом флота
Ты станешь сегодня, мелодия «Грандула».

Фашизм лютовал здесь почти что полвека.
Теперь уж нельзя ограничиться митингом.
Надломится он, как подгнившая ветка,
А может, хлестнет, распрямившись
стремительно?

Пожалуй, не зная всей степени риска,
Готовые выйти на площадь парадную,
Немного похожие на декабристов,
Молчат офицеры в предчувствии «Грандулы».

Они в Мозамбике, Гвинее, Анголе
На мушке винтовок держали колонии.
На опыте горьком, позоре и боли
Взрастили готовность сердца опаленные.
Вперед, Революция!
Время настало,
И музыка грянула, грянула, грянула —
В смятенном эфире, как голос восстанья,
Призывно звучит долгожданная «Грандула».
Я к песне причастен в Советском Союзе
И знаю, какая на рифме ответственность.
От имени авторов текстов и музыки
Позвольте мне Жозе Афонсо приветствовать.
Позвавшая в бой молчаливые танки,
Народ черноглазый волнует и радуя,
Путем «Марсельезы»,
Путем «Варшавянки»,
Шагай, португальская «Грандула»!

2. МАЛЬЧИК, ГОВОРЯЩИЙ ПО-РУССКИ

В переулке разохшемся, узком
И кривом, как бобовый стручок,
Вдруг меня окликают по-русски:
— Камарада, возьмите значок! —
Наваждение! Что это значит?
Здесь на русский был строгий запрет.
Но смеется растрепанный мальчишка
С полной сумкой горячих газет.
— Здравствуй! Кто ты?
— Зовут меня Пётро,
Звали запросто Петей у вас...—

В переулке, наполненном ветром,
Я услышал суровый рассказ,
Как нагрянули ночью солдаты,
Увели его мать и отца.
Был тогда он соседями скрытан,
А потом передали мальчика
В тяжёленные руки матросов,
Поспешивших поднять якоря.
Воздержитесь от лишних вопросов,
О спасенье детей говоря.

Братство для коммунистов священо,
Так в истории было и есть.
Через тюрем толстенные стены
Проберется к товарищам весть:
Волноваться о детях не надо,
Русский лес их в объятия взял,
И шумят корпуса интерната,
Словно детский Интернационал.
Петя, Пётро, ну вот ты и дома.
Час Победы! Фашизму — конец!

3. МАТРОС ФЕРРЕЙРА

День горным солнцем раскален
И ветерком морским распарен.
Матрос у мраморных колонн,
«Армадой»¹ утверждённый парень.

Расставив ноги он стоит,
Как в шторм на палубе корвета.
Его плечами вход закрыт
В предел Военного совета.

Его принес апрельский шквал
В столицу с острова Мадейра.

¹ Армада — военно-морские силы.

Встреча в гавани: будьте знакомы —
~~Э~~мама твоя и отец.
Все вокруг непривычно и странно,
Эти желтые стены стары,
И кудлатый кусок океана
В амбразуре увидишь с горы.
Лишь родившийся — день этот светлый
В новых схватках отстаивать вам.

А пока я друзьям твоим, Пётро,
Пионерский привет передам.

Встречая гостя, он назвал
Свою фамилию — Феррейра.

А нам известно с детских лет —
Железо по-латыни «феррум».
Иного перевода нет,
Давайте этому поверим.

А если перевод таков,
То значит — я до счастья дожил,
И наш матрос Железняков
У них Феррейрой зваться должен.

Олег Дмитриев

ПОСТИЖЕНИЕ

Морским, песчаным, долгим берегам
Моя душа обязана стократно.
Когда волна ползла к моим ногам
И отходила медленно обратно, —
Я понимал, чего хотел прилив,
В чем заключался вечный труд отлива...

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОЛИНЕ

В час золотого смещения света
На берегу я бродил морском
И очутился в грядущем где-то,
В дне неизвестно еще каком.

Там говорила мне тихо, длинно
Самые ласковые слова
Женщина маленькая, Полина —
Та, что знакома со мной едва.

Когда, ракушки, ил и камни скрыв,
Их море вновь являло терпеливо, —
Иве истины открыла мне вода,
У берега отсвечивая бледно:
«Все в мире исчезает без следа»;
«Ничто на свете не пройдет бесследно».

Мне обнимать ее страшно даже,
Словно в ладонях держать щенца.
Волосы лишь осторожно глажу:
Вдруг золотая на них пыльца...

Где-то гуляем в Замоскворечье,
Все переулочки ей дарю
И нескончаемо, бесконечно
В это родное лицо смотрю.

Обожествляю такие лица —
Зори надежды в небе потерь!
Ах, как умеет оно светиться...
Это я знаю даже теперь.

Кто-то окликнул — я оглянулся.
Словно из сказки

Чудак старик
К синему морю опять вернулся,
Тщетность неясной мечты постиг.

Но начертал на холодной глине
Из непонятого озорства
Воспоминание о Полине, —
Чтобы стирала волна слова.

Юлия Друнина

* * *

На полыни водку настояла,
Позвала товарищей — солдат.
Нас осталось мало, очень мало,
А года ракетами летят.

Мы счастливые, конечно, люди —
Встретили победную зарю!
Думаю об этом как о чуде,
Сотни раз судьбу благодарю.

Ну, а те, кто не дошли до Мая,
Кто упал, поднявшись в полный рост?..
Первый тост за павших поднимаю,
И за них же наш последний тост.

Сдвинем рюмки, плечи тоже сдвинем,
Пусть руки касается рука.
...Как горька ты, водка на полыни,
Как своею горечью сладка!

МИР ПОД ОЛИВАМИ

Здесь в скалы вцепились оливы,
Здесь залпы прибоя гремят...

— Вы живы, ребята?

— Мы живы,
Прости нас за это, комбат!
Вот здесь, под оливой, когда-то
Упал ты у самой волны...

— Себя не вините, солдаты:
Не всем возвращаться с войны...

— Оно, вероятно, и так-то,
Но только опять и опять
Вдруг сердце сбивается с такта,
И долго его не унять,

Когда про десантные ночи
Напомнит ревущий борá.
Забудешь ли, если и хочешь,
Как тонут, горя, катера?
Еще и сегодня патроны
Выносит порою прибой...
Прости, что тебя, батальонный,
Прикрыть не сумели собой!

...Да, мир под оливами ныне,
Играет дельфиний народ,
С динамиком в сине́й пустыне
Прогулочный катер плывет,
Рыбачие сушатся сети,
У солнца сияющий взгляд...

Здесь целое тридцатилетье
Лишь залпы прибоя гремят!

Владимир Луговской

В этом году Владимиру Александровичу Луговскому исполнилось бы 75 лет.

Замечательный мастер стиха, Владимир Луговской был инициатором и одним из создателей первого выпуска «Дня поэзии».

КОСТРЫ

Пощади мое сердце
И волю мою
Укрепи,
Потому что
Мне снятся костры
В запорожской весенней степи.
Слышу — кони храпят.
Слышу — запах
Горячих коней,
Слышу давние песни
Вовек не утраченных
Дней.
Вижу мак-кровянец,
С Перекопа принесший
Весну,
И луну над конями —
Татарскую в небе
Луну.
И одну на рассвете,
Одну,
Как весенняя синь,
Чьи припухшие губы
Горячей,
Чем седая полынь...
Укрепи мою волю
И сердце мое
Не тревожь,
Потому что мне снится
Вечерней зари
Окровавленный нож.
Дрожь степного простора,
Махновских тачанок
Следы
И под конским копытом
Холодная пленка
Воды.
Эти кони истлели.
И сны эти
Очень стары.
Почему же
Мне снова приснились
В степи запорожской
Костры,
Ледяная звезда
И оплывшие стены
Траншей,

Запах соли и йода,
Летающий
С ночных Сивашей?
Будто кони храпят,
Будто легкие тени
Встают,
Будто гимн коммунизма
Охрипшие глотки
Поют.
И плывет у костра,
Бурым бархатом
Грозно горя,
Знамя мертвых солдат,
Утвердивших
Закон Октября.
Это Фрунзе
Вручает его
Позабытым полкам,
И ветра Черноморья
Текут
По солдатским щекам.
И от крови погибших,
Как рана, запекся
Закат.
Маки пламенем алым
До самого моря
Горят.
Унеси мое сердце
В тревожную эту
Страну,
Где на синем просторе
Тебя целовал я
Одну.
Словно тучка пролетная,
Словно степной
Ветерок —
Мира нового молодость —
Мака
Кровавый цветок.
От степей зацветающих
Влажная тянет
Теплынь.
И горчит на губах
Поцелуев
Сухая полынь.

И навстречу кострам,
Поднимаясь
Над будущим днем,
Полыхает восход
Боевым
Темно-алым огнем.

Может быть,
Это старость, Весна,
Запорожских степей забытье?
Нет!
Это — сны революции,
Это — бессмертье мое.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1957»

Михаил Исаковский

25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Я снова думал, в памяти храня
Страницы жизни своего народа,
Что мир не знал еще такого дня,
Как этот день — семнадцатого года.

Он был и есть начало всех начал,
И мы тому свидетели живые,
Что в этот день народ наш повстанчал
Судьбу свою великую впервые;

Впервые люди силу обрели
И разогнули спины трудовые,
И бывший раб хозяином земли
Стал в этот день за все века впервые;

И в первый раз, развеяв злой туман,
На безграничной, необъятной ширине

Взошла звезда рабочих и крестьян —
Тогда еще единственная в мире...

Все, что сбылось или, может, не сбылось,
Но сбудется, исполнится, настанет! —
Все в этот день октябрьский началось
Под гром боев народного восстанья.

И пусть он шел в пороховом дыму, —
Он — самый светлый, самый незабвенный,
Он — праздник наш. И равного ему
И нет и не было во всей вселенной.

Сияет нам его высокий свет —
Свет мира, созидания и братства.
И никогда он не погаснет, нет, —
Он только ярче будет разгораться!

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1957»

Константин Симонов

ЗНАМЯ

От знамен не прикуривают.
И не шутят над ними
и около них.
И не штопают — если пробито.
Из пробитого знамени кровь не уходит,
не надо его бинтовать!
Пока его держат в руках,
оно не умрет
от потери крови.
Кровь уходит,
когда
знамя бросают на землю.
А когда, вынося,
обвернут
вокруг голого потного тела,

оно не будет
в обиде.
И пятен крови оно
на себе не боится.
Кровь — не грязь.
И убитого,
если правда герой, —
можно накрыть,
ненадолго.
Надолго
оно не позволит.
Потому что знамя
нужно живым...

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1963»

Борис Дубровин

* * *

Суглинок стынет под стопами.
Уже свое дорога гнет.
А схватимся — тоска и память
прокладывают путь вперед.

Прошедшее не виновато.
Нам звезды врезаны в ладонь.
И высоко стоит утраты
путеводительный огонь.

Звезда в степи нужнее хлеба.
Всю ночь горит твоё окно.
Не удивляйся: ведь и небо
лицом к земле обращено.

Юрий Дудин

* * *

Неподвижна равнина реки.
Неподвижны густые кроны.
Подгоняют рассвет зелёный
Суматошные петухи.

На лугу
Игреновый конь
Не заржет, не стукнет копытом.

Словно память о всем прожитом —
За рекой одинокий огонь.

Все точней и доверчивей слух.
И чисты и душа и зреньё.
Есть ещё у меня везенье —
Огонек-то
Ещё не потух...

Лорина Дымова

* * *

Тут не ходят почтальоны,
тут, наверно, край земли.
Плеск реки и лес зелёный
от тебя меня спасли.

Лес откроет мне загадки:
где ходить, чего искать.
Ах, как славно,
ах, как сладко
о тебе не вспоминать.

Мир подлунный отражая,
день и ночь бежит ручей.

И теперь тебе чужая.
Да и ты теперь ничей.

Пусть тебе живётся вольно,
безрассудно и легко.
Мне совсем уже не больно —
я далёко-далеко.

Пароход прошел пороги
и гудит, гудит во мгле.
Вот и все.
И нет дороги
нам друг к другу на земле.

Виктор Есинов

* * *

День как день, — только в том, в сорок
пятном,

Не отыщешь обычного дня!
Вот ведет меня мама Арбатом
И как будто не слышит меня.

На Арбате пилотки и жепки,
И простые из ситца платки,
Крутят пыль довоенные «эмки»
И военные грузовики.

Горячи еще раны и драмы,
И еще от бумажных крестов

Не отвыкли оконные рамы
На фасадах арбатских домов.

Все еще с шумной улицей рядом
Нежилая стоит тишина.
Но уже где-то там, над рейхстагом,
Догорает, обуглясь, война...

Мы бредем лабиринтом московским
С чемоданом, с дорожным узлом
В переулок Николо-Песковский,
В тот родной, в тот особенный дом!

Георгий Елин

* * *

Я знаю о войне, поскольку
О ней отец во сне кричал, —
Тридцатилетние осколки
В нем шевелятся по ночам.
И мальчики из «неотложной»,
Которым так знаком наш дом,
Меня не утешают ложью.
Что жив он — верится с трудом...

А он и сам не верит что-то,
Что он тогда вернулся с фронта,
И только свой отыщет взгляд
На том, покрытом охрой, фото,
Где с мертвыми друзьями снят.

Глеб Еремеев

* * *

Мы ценим солнце больше в октябре,
Когда синицы синими утрами,
К заиндевелой прицепившись раме,
Звенят холодным звоном на заре.

А после, днем, отыщешь во дворе
Припёк у дров, просушенных ветрами, —
И так просторно, ясно, как во храме,
Забытом между соседей на горе.

Стою, над вечным замерев покоем,
С теплом прощаюсь я к щеке щека,
Пока не канет солнце в облака,
Идущие на нас свинцовым строем.

Но не погаснет под накатом туч
Упавший в сердце животворный луч.

Жале

НЕУГАСАЮЩИЙ ОГОНЬ

Среди живых цветов фонтан огня —
рассвет навеки прерванного дня.
Похожи лепестки гвоздик и роз
на веки, покрасневшие от слез.

Поздравить сына мать пришла сюда,
ему сравнялось двадцать — навсегда.
«Мой сын, я из далекого села
тебе цветы в подарок привезла:
ромашку детства, отрочества мак...
Он столько лет не ответит никак».

Целует мать горячий холод плит,
а рядом неубитый сын стоит.
Двадцатилетний. Статный. Молодой.
С ним деэзуска под белую фатой.
Они молчат и, головы клоня,
кладут цветы у Вечного огня.

Целует мать в румянец юных щек
и тихо шепчет: «Счастлив будь, сынок!»
Вдруг ярче стал живой фонтан огня —
рассвет на век продолженного дня.

Перевела с персидского Инна Кашежева

Анатолий Жигулин

* * *

А за окошком — родина:
Подъемный кран да глина.
Да желтая болотина,
Да красная калина.

А поправей немного
В серебряной росе —
Веселая дорога —
Каширское шоссе.

И листья кружат в танце.
И ветки — словно сеть.

* * *

Спасибо за цветы и за глаза,
За синий март —
Тревожный и прощальный.
И ничего, что этот стих —
Печальный:
Печаль, как дым,
Уходит в небеса.

Сырых дерев неукротимый зов
С веселыми грачами и лучами...
Смотри вокруг
И не кори печали —
Печаль не бесконечна,
Как любовь.

И едут иностранцы
На церковь поглазеть.

Летящая как слава
Из глубины веков,
Для этих она — забава,
А для меня — любовь.

И вдальеке за горкою —
Поля, поля, поля...
Польви ветка горькая,
Она — как жизнь моя.

И пусть вдали
На льдистом побережье
Еще чернеют сонные леса.
Не только счастьем,
Верой и надеждой —
Печалью тоже
Светятся глаза.

И белый лед, и синяя вода,
И тот кустарник
За глухой дорогой
Освещены
Одной большой тревогой:
Печаль, как жизнь,
Уходит навсегда.

* * *

Весенняя песня синицы.
Холодный березовый март.
И солнца упругие спицы
На синих сугробах горят.

Закончилось тяжкое время
Обиды, тревоги и лжи.
И сонно вздыхают деревья
В прозрачной и горькой тиши.

* * *

Огненно-рыжий дубок,
Стройный, худой и лохматый.
Облака синий клубок
В желтой полоске заката.

Тихо в больничном саду.
Нет ни тревоги, ни страха.
Вместе с тобою пройду
До луговины оврага.

Осень, а клевер цветет —
Мелкий, неяркий, лиловый.

«Расстались, расстались,
Расстались!»—
Капли стучат под стеной..
И все же навеки остались
Святые глаза надо мной.

Зеленые, полные муки,
Они до последнего дня,
До самой последней разлуки
Все будут глядеть на меня.

Скоро зима заметет
Этот цветок бестолковый.

Это — потом..
А сейчас —
Прелесть осеннего сада.
Свет понимающих глаз.
Лучшего в жизни — не надо.

Злые забуду года,
Боль и душевную смуту.
Боже! Продли навсегда
Сладкую эту минуту.

Натан Злотников

БУКСИР

Под острыми кранами порта
Пыхтит торопливо буксир.
Пусть краска с бортов полустерта
Да номер зачитан до дыр.

С рассвета, не зная покоя,
Снует он туда и сюда.
Сильнее, чем пламя сухое,
Ревет за кормою вода.

Ни дня без забот, ни минуты.
В машине то рокот, то гул.
Когда бы сложить все маршруты —
Он землю шесть раз обогнул.

Больших кораблей капитаны
Зовут его — он нарасхват.
Куда ему дальние страны,
Да — честно сказать — староват.

Не хочется в плаванье что-то,
И служба иная страшна.
Качает, но держит работа
И длинная эта волна.

Гудок его хриплый над степью
Взлетает под южной звездой
И падает с якорной цепью
На дно и дрожит под водой.

ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД
НА КУРГАНЕ СОЛДАТСКОЙ
СЛАВЫ

У старой Смоленской дороги
Горнист поднимает трубу,
И дикая птица тревоги
Мою вспоминает судьбу.

И громко летает над лесом
У края полесских болот,
Играя огнем и железом
Холодных низин и высот.

Но тихо в Центральной Европе.
Лишь знамя у древка шумит.
Подернуты ряскою топи
В ста метрах от памятных плит.

Могилы копала, где суше,
Суровая русская сталь.
Безмолвные детские души
Недетская сушит печаль.

Скорее, ребята, зовите
Меня на торжественный сбор!
Я нашей земли долгожитель,
А смерть промахнулась в упор.

Пусть грозная дробь барабана,
Сухая спокойная дробь,
Покатится молча с кургана
И рябью покроется топь.

Александр Зорин

РОДНЯ

Умер дед. В больнице сбор
в три. Родня. Венки звенящий.
Вижу братьев и сестер
на похоронах, не чаще.

Господи ты боже мой...
А росли одной семьей.

Словно льдину — разломало.
Кровь родная... разве мало?..

Снег рождественский идет.
На столах закуска ждет.
День не будний, а суббота...

Из присутствующих кто-то
слова всех нас соберет.

Анатолий Иванушкин

В КАРАУЛЕ

В караульном помещении тепло.
Я дремлю на топчане и все же слышу —
Воет ветер, дребезжит в окне стекло,
Туча ливня разбивается о крышу.
Лишь обсохну — и товарища сменю.
Эти первые суровые недели
Через год ли, через два ли — неужели
Я смогу предать забвения огню?
Позабуду ли, как мерз, как промокал
И как, думая о доблести и чести,
Я в любую непогоду зажигал
Свет проверки — красный свет —
Со всеми вместе?..

КОЛОННЫЙ ЗАЛ
В МАРТЕ 1918 ГОДА

Сколько раз эти люстры смотрели,
Немигая, мне прямо в глаза,
Когда, плотно закутан в шинели,
Замысел от волнения зал.

Я казался песчинкой беззвучной
И себе самому и другим.
Брестский мир плыл тяжелою тучей,
Задыхались от счастья враги.

Все гудели: «Конец неизбежен», —
От кадетов и меньшевиков
Доклятых врагов зарубежных
И отечественных кулаков.

А под сводом Колонного зала
Голос Ленина твердо звучал,
И отнюдь не конец, а начало
Дней победных он возвещал.

Этот день не забыть никогда мне,
Пусть ракетами мчатся года.
Не давнишним, а будто недавним
Он мне будет казаться всегда.

РАЗГОВОР С ДЕРЕВЬЯМИ

Пусть со мною вы не говорите, —
Стоит мне на вас взглянуть хоть раз,
Как неосязаемые нити
Навсегда соединяют нас.

Если же сюда прибавить краски,
Все оттенки солнечных лучей,
Всю траву, что жметесь без опаски
К мускулистым выступам торней, —

Кажется, что все взаимосвязи
Наших душ с зеленою листвою —
Не досужий плод моих фантазий,
А закон природы вековой.

И когда мне делается грустно,
Может быть, у самого окна,
Мне береза отвечает хрустом
Или скрипом горестным сосна.

Может быть, когда, виски сжимая,
Не могу уснуть я до утра,
Старый дуб Камчатки, умирая,
Слушает удары топора.

Пусть, деревья, вы не говорите, —
Стоит мне на вас взглянуть хоть раз,
Как неосязаемые нити
Навсегда соединяют нас.

ВОТ ОНА, ГРАНИЦА...

Из поэмы «Даль памяти»

Здесь степь да степь...
Здесь эхо, как в колодце,
Глубокое
На дальние слова.
Скажи: Москва —
И тут же отзовется
И в мыслях перемножится — Москва.
Москва... Москва...
Растает звук,
Но губы
Всё будут пить из донных родников
Глубинный смысл возвышенного сруба
Ее восьми слагаемых веков.

— Москва... —
Вздыхнет молодка у калитки,
Войдет в избу и там, одна в избе.
Прикинет шаль московскую
К улыбке
И в зеркале понравится себе.

Москва... Москва...
Бывало, у дороги
Мальчишкой заглядишься в синеву...
И вдруг отец —
Большой такой, нестрогий —
Шепнет:
— А хочешь, покажу Москву? —
И ты: — Хочу! — как выдохнешь
И словно
Глазами потеряешься в степи.
— Хочу! Хочу!
— Но, чур, сынок, ни слова
Про то маманьке. А теперь терпи.
Терпи, сынок! —
И за уши тихонько,
За кончики
Потянет из порток:
— Раста, сынок.
Тянись ушам вдогонку.
А если что, ты покряхти чуток. —
И ты кряхтишь, согласно уговору,
Но тянешься — без этого нельзя —
До той слезы блескучей,
За которой
И впрямь как будто синие леса
И птица-жар!

Ближе,
Ближе
И жарче все!..
Идут уж ты, малец,
Сморгнешь слезу
И крикнешь:
— Папка, вижу!

А что видал — не спрашивал отца.

— Москва? А как же!
Знаем, что большая... —
Припомнит дед, ходок из ходоков,
И, все края ни в чем не понижая,
Как стог поставит,
Вы ведет с боков
И центр укажет:
— Тут она, столица,
Стоит в кругу державных всех забот.

А речь зайдет, к примеру,
О границе,
Она и там — далекая! — пройдет,
За Витебском.
И тут всё — близко-близко,
Уж и ближе нет — у сердца, у виска.

Хасан, он вон где — в сопках
уссурийских,
А шрам, он вот — над бровью Рудяка
Горит, горит
Зарубинкой багровой
И твоя дает наглядностью своей,
Что жнет ее,
Огромной-преогромной
Земли родной,
Без родинки на ней,
Без яды нет,
Без краешка,
Без края,
Без колоса с державного герба.

Случись беда: —
И, к крайняя, не с краю
Окажется та самая изба,
Где жил твой дед,

Где сам ты, чтоб родиться
И вырасти с годами в мужика,
Был — так ли, нет —
В отцовской рукавице,
Где грелась материнская рука.
Был песенкой от радости и грусти,
Был лесенкой от неба до земли.
И лишь потом —
Допустим, что в капусте, —
Тебя, чуть больше варежки, нашли.
И с той поры по собственной охоте
Ты топ да топ

От печки в той избе...
И вроде бы не ваше благородье,
А вот поди ж ты — сызмала тебе
Такой простор!
И косвенно и прямо —
Тебе,
Тебе
На вырост зоревой...

Ах, что ты, мама...
Погоди ты, мама...
Когда весна — какое там «домой»!

Марк Кабаков

* * *

Через жизнь мою проходят корабли.
Есть такие, что скрываются вдали
в желтом мареве, за синею чертой,
и потом о них не память — звук пустой.
И не вспомнить, с кем на мостике стоял,
с кем в машине вместе фланец запаял,
с кем на палубе о жизни говорил, —
океан воспоминанья растворил.
Но бывают и другие корабли,

что пропасть за горизонтом не смогли,
и, куда бы я ни шел, они со мной,
и ночами я их слышу позывной.
Просыпаюсь. Дымка серая в окне.
И невесело и сумеречно мне.
И так хочется увидеть на борту
тех, с кем словом обменялся на лету,
тех, с кем даже ни о чем не говорил,
просто рядом сигарету раскурил.

Римма Казакова

* * *

У меня был отец,
в меру ласков и в меру суров.
От него нам досталось!
А с эпохой они понимали друг друга без слов...
Где отец мой?
Болезнь. Старость.
Смерть.

У меня была мать, красивая и молодая.
Такой не увижу ее уже никогда я.
От горя высохла, от обид надломилась.
Вот что разве жива еще — милость
беспощадной судьбы.

У меня была подруга,
почти что родня.

Вышла замуж и плюнула на меня,
да и мне до нее нет дела...
Но что я сказать хотела?
У меня подруга была.

Был и парень, талантами равный семи,
по женился на девушке из хорошей семьи,
после с ней разошелся, когда уже сделал
карьеру,

по патентованному примеру.
Я встречаю его иногда.
Ерунда!

Года шли, и была стала небылью.
Что ж, невзгоды, дальше карайте!
...У меня характера не было —
появился характер.

* * *

Ты нынче вечером в гостях.
В кино, в гостях... А я — в сетях.
Предоставляю многоточью
распорядиться за меня,
где ты и с кем на склоне дня.
А что ты будешь делать ночью?

Ночь — наш незаходящий день.
От всех забот его раздень,
и убедишься ты воочью,

пока не усыпит заря,
что вопрошала я не зря,
а что ты будешь делать ночью.

А что ты будешь делать днем,
коль мы с себя ее стряхнем,
коль я забуду, ты забудешь,
и на просторе ледяном
незаходящим вечным днем
что вообще ты делать будешь?..

* * *

Я вспомнила о юноше одном.
Какой-то дом. Стихи. В нем что-то было...
Его тогда я, впрочем, не любила.
Но не случайно вспомнила о нем.
Как все мы той предутренней порой,
он полон был лихих надежд начала.
Еще судьба загадочно молчала:
кто — персонаж массовки, кто — герой.
Еще беспечно, не жалея сил,
крутили мы нехитрые домкраты:
фантасты, разnochинцы, демократы, —
никто взаимно у славы не просил!
Готовы мыть полы, мешки грузить,
не спать ночей, — а, разве это важно! —
но слову все предоверять отважно,
чтоб было чем друг друга поразить.
Пора, когда все поровну дано:
и время, и захлеб любви, и книги,
и жизнь, и смерть в одном кратчайшем миге,
и голод, и коварное вино...

Так где же он, не худший среди иных,
тех несравненных дней чернорабочий?
Опомнился? Как с астмою, покончил
с удушьем строк, невнятных и больных?
Исподтишка смеется, может быть,
над нашим затянувшимся недугом?
Или остался бедным тайным другом:
не в силах ни признаться, ни забыть?
А может, и банальнее финал:
зеленого не пересилил зелья,
а судорога скучного веселья —
скорее горе, а не криминал.
Где он? Который ему нынче год?
Пусть для меня он ничего не значил,
но чем он кончил, тот, кто с нами начал?
Напоминает смерть его уход.
И почему не мы: не я, не ты?
Приведены каким в сегодня роком?
Каким еще располагаем сроком
до непреодолимой немоты?..

* * *

Сквозь осеннее стекло
часто видится природа
как сплошная непогода,
нескончаемое зло.
Сквозь осеннее стекло
жизни горестных событий
я глядела, вы глядите,
если вам не повезло.
Были стекла все в слезах,
и лежали эти слезы,
как невысохшие росы,
на полях и на лесах.
Сквозь осеннее стекло
мне на мир смотрелось тошно,

но казалось: что-то ложно
сквозь осеннее стекло.
И тогда, накиннув плащ,
я шагнула в день осенний
настоящих потрясений,
в настоящий горький плач.
И прошла я сквозь него,
через это испытанье,
через это воспитанье
чувств и сердца моего.
От осеннего стекла,
от последнего запрета
я в свое вернулась лето,
в правду света и тепла.

Василий Казанский

ОПЯТЬ В ТУЛЬСКОЙ ЗАСЕКЕ

Зимой черна — на то и чернолесье!
Разгульным летом пышно зелена.
А осенью пылает в полном блеске,
рядясь в багрец и золото, она.

Я ехал в Засеку, в свою мечту.
Но нынче рано листопад нагрянул,
и скинул наземь лес всю красоту,
всю силу красок желтых и багряных.

Простерт ковер в размашистых узорах,
и яркостью ни с чем он не сравним.

Но холода разделяются с ним,
он побуреет, мертвым станет скоро.

Пусть так, и пусть уже близки морозы,
но хоть верхушку кроны золотой
клен сохранил и сберегла береза,
не веря в смерть с наивной простотой.

Зима упорству их конец положит, —
до желтеньких листков ей дела нет!
...Пожалуй, с кленом и березой схоже,
что вот пишу и в восемьдесят лет...

Василий Казанцев

* * *

С природы, с тщанием суровым,
Нетороплива и пряма,
Покров снимает за покровом
Неумолимая зима.

Просторней — узкие просветы.
Воздушной — частые кусты.
Заметней — скрытые предметы.
Понятней — тайные черты.

И взгляд — покорней, беззащитней.
И что ни час — обнажена
Все откровенней, все бесстыдней!
И тем — прекраснее она!

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ

Всей деревней его до горы проводили.
Он рукой помахал и растаял во мгле.
С фронта письма потом приходили.
Через месяц лежал он в земле.

У взрослеющих лет было многое взято.
Что-то выжег в душе прокатившийся вал.
Я не то чтоб забыл непришедшего брата,
Но — не часто его вспоминал.

А однажды приехал в деревню родную.
И увидел его постаревшую мать.

Каждый день — о вечернюю пору глухую —
Приходила ко мне — горевать.

И каким-то проснувшимся давним укором
Мне корябала сердце игла.
Не забытья нечаянным тем разговорам.
Столько лет протекло... Вот и мать — умерла.

И чем дальше живу я, тем чаще и чаще
То далекое лето встает, как во сне.
И слеза набегае все тяжче и тяжче.
Вместо матери юность оплакивать — мне.

Павел Калина

В РАЙЦЕНТРЕ

Уже ушел сегодняшний автобус.
Подгнивший столб склонился на костыль.
И вот районный центр в свою утробу
Со всех дорог засасывает пыль...

Она садится медленно на площадь,
На старенький штакетник голубой,
Колхозную повозку и на лошадь,
Что ест овес и машет головой.

И столб запел, как инвалид, и ветер
Зашевелил обрывки проводов...
Покажется — на целом белом свете
Грустнее нет районных городов.

Но я счастлив. Есть у меня полтинник,
Есть в мире рай и для приезжих душ —
Подвал с вином, над ним — колхозный рынок,
Где я куплю кило хороших груш!

Владимир Карнеко

РУКА НА ПЛЕЧЕ

Памяти П. А. Павленко

Отшумело, отспорило то заседание,
где, средь прочих, и он мне «давал под дых»...
(Только это совсем не воспоминание:
вспоминают покойников.
Помнят — живых!)

Да, я помню: тогда, не подав и виду, —
я ж — мужчина, разведчик, солдат-
фронтовик! —
я зажал клокотавшую в сердце обиду,
не давая ей выплеснуться ни на миг!

Улыбался: попало мне, дескать, не шибко!..
За спиною ворчали: — Как с гуся вода!.. —
Только он — по глазам, по застывшей улыбке
на сведенных губах — догадался: «Беда!»...

И тогда он сказал: — Перерыв! —
И к окошку,
где я жадно курил, не остывший еще,

подошел, поглядел и, помедлив немножко,
положил свою руку мне на плечо.

Не похлопал — нет, нет! — и — нет, нет —
не погладил, —
я такого не вынес бы и от него...
Постоял, сквозь окошко не улицу глядя,
и потом отошел, не сказав ничего...

Я немало с тех пор поскитался по свету,
побывал не в одной переделке крутой...
Нет, рука не лежит на плече эполетом,
не командует: «Вправо!», «Налево!» иль «Стой!».

Но когда я
чужого страдания мимо
прохожу в суете, не взволнован ничем,
ощущаю я руку его — без нажима,
просто так лежащую на плече.

Инна Кашежева

ДЕДОВСКИЙ КИНЖАЛ

С рукоятью наборной,
на стене, где мой стол,
он висит, как над горной
вершиной орел.
Непривычная праздность
притушила слегка
нестерпимую ярость
удалого клинка.
В тишине постоянной
среди дремлющих книг
слышит вновь он гортанный,
торжествующий крик.
Отражаются горы
в жестком блеске клинка...
Ему снятся не годы,
ему снятся века.
По приказу джигита
под морзянку копыт

вновь, изогнутый гибко,
он к руке прикипит.
И, сливаясь со смелым
размахом плеча,
ощутит он всем телом,
как кровь горяча.
А потом он очнется,
не причастный к беде,
словно всадник, качнется
на высоком бедре.
...Зная эти повадки,
подхожу я к стене.
Как солдат после схватки,
он стонет во сне.
Глажу ножны с резьбою,
к рукоятке тянусь.
Слышу давнего боя
лихорадочный пульс.

Михаил Квливидзе

ОЧКИ

Памяти Симона Чиковани

Всего больше душу ранит мне
В осиротевшей комнате его
Не тот портрет поэта, где лицо
Как поле боя, где глаза враждуют
С невыносимой ретушью улыбки.

Больней всего не эти стеллажи,
Подернутые пылью, не шкафы,
Где золотятся корешки томов,
За створками прозрачными мерцают,
Как за стеклом аквариума рыбки.

Всего больше здесь — его очки.
Они, как утомившийся кузнечик,
Присевшие с чернильницей рядом,
Стеклообразным, выпуклым, незрячим взором
Уставились на дверь. Чего-то ждут.

Не друга ли душа глядит сквозь них,
Ждет встречи с телом, вышедшим на миг?..

Перевел с грузинского Я. Хелемский

* * *

Чем удивить тебя, моя страна?
Что написать тебе, моя родная?
Все то, что просто для глупца,
для хвастуна,
Я формулирую пока: «Не знаю!»

Плохого и хорошего доселе
Моя не выдумала голова,
Такого,
Чтоб в душе твоей осели
Мои намеренья,
Мои слова.

Перевел Б. Слуцкий

МОНОЛОГ МАСТЕРА

Был я поэтом? Не вспомнить теперь ни в какую.
Продал перо я давно и открыл мастерскую.
Мастером стал я, о чем не жалею.

Из алфавита грузинского
выварил множество клею,

и клею,
и склеивать буду
мебель изломанную,
растрескавшуюся посуду.
Клею предметы труда и орудия быта...
Клею хватает на все, что разбито.
Клею достанет на все,
что растрескалось или разломано,
клею фарфор и фаянс,
аргументы резонные.
Клею надежды разбитые
и обещанья нарушенные,
души разъятые,

оружья обезоруженные.
Все, что сломали,
и все, что не пощадили,
что затаскали
и что уходили,
все, что пустили
в размол
и распыл
и разлом,—
склеиваю!
Это стало моим ремеслом.
Связи времен,
что при Гамлете
развязались, распались,
склеить пытаюсь!
Связать я стараюсь!

Перевел Б. Слуцкий

Алексей Кафанов

СЛОВА

По слогам твердим, едва осия
Вяжущую губы немоту:
Мама, небо, хлеб, роса, Россия —
Камушком катается во рту.

Зачерпнул — и доверху ведерко.
Русской речи речка глубока.
Топчется в кругу скороговорка,
Кулаками подперев бока.

Ну, а если что и у монголов
Где-то прикупили на алтын,—
Среди наших молодых глаголов
Вчуже не прижился ни один.

За порог, начав от самой печки,
Запросто выходим на простор.

Лузгаем, как семечки, словечки,
Тары-бары — долгий разговор.

Пообвыкли малость — и не внове.
Но бывает — вдруг займетесь дух
На каком-то, на негромком слове,
Зауряд произнесенном вслух.

Скажем и забудем в одночасье.
А его негромко повтори —
Колокольной медью полногласье
Отзовется как бы изнутри.

Всю-то жизнь спешим, куда —
незнамо.

Сколько лет минуло, сколько зим.
Облака, земля, береза, мама —
Не наговоримся говорим.

Александр Коваль-Волков

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Материнское сердце большое,
Как подольше тебя сохранить...
Мне теперь не вернуться в былое
И от боли тебя не укрыть.

В сердце наше еще до рожденья,
До явленья тревог и обид,
Входит с первым робким биеньем
Материнского сердца ритм.

Мать взамен ничего не попросит.
И, сойдя с самых верных рук,

Каждый в сердце своем уносит
Беззаветного сердца стук.

В дни печали и вдохновенья
И когда закружит весна —
Материнским сердцебиеньем
Наша жизнь до краев полна.

Как ценить нужно эти седины —
И за век не всякий поймет...
Где-то пуля, летящая в сына,
Прежде матери сердце найдет...

Вадим Ковда

ДИАЛОГ

— Расскажи мне про белую лебедь,
про царевну-лягушку и лук,
про любовь на земле и на небе,
про ночной исчезающий звук...

— Нет, не буду — истаяли силы.
Не о том говорю на веку.
Тут такое воистину было! —
я словами сорить не могу.

— Расскажи, как деревья летают,
вырвав корни, свободны от пут,
мотыльки от любви умирают,
а рассветные птицы поют...

— Ах, все это бывает, бывает!
Лишь слеза горизонт застилает...
Ты позорче, позорче всмотришь.
И без сказки живешь не в обиде.
Погоди! Ты такое увидишь,
лишь бы только не кончилась жизнь!..

— Словно тело ждет радости плотской,
так вот алчет душа до поры
ускользающего отголоска
неразумной, счастливой игры.
Явь земная так жаждет огласки,
не устану внимать и смотреть...
Только выжить не в силах без сказки,
тяжело без нее умереть.

Яков Козловский

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Вез над рекой нас кучер,
Искрясь, клубился снег.
«Мне милый мой наскучил»,—
Услышал я сквозь смех.

И шапку стал ерошить
Один из седоков.
Свет высекала лошадь
Четверкою подков.

Я знал, что этот случай
Не первый под луной...

«Мне милый мой наскучил,
Простится пусть со мной...»

Белел платок пуховый,
Был грешен пламень губ,
А взгляд ее бедовый
Смеялся, душегуб.

Деревья берег скучил,
Саней резвился бег...
«Мне милый мой наскучил...»
Дорога. Полночь. Снег.

НОЯБРЬ 1973 ГОДА

Порыв стремительного бега
Являло время на дворе.
Стоял ноябрь еще,
                        а снега
Насыпало, как в январе.

Он лег на крышах и заборах,
Кружился над округой всей,
Как будто в небе белопёрых
Ноябрь ощипывал гусей.

Прошли заезжих два араба,
И возле Минского шоссе
Им снежная предстала баба
В неподражаемой красе.

Такою в Африке и за сто
Они не встретили бы лет.
Она была бела, грудаста
И словно излучала свет.

И не грозился снег:
                        «Вот стаю!»
А под ногами все крепчал.
И красноватых щуров стаю
Ноябрь до срока привечал.

Свистел ей голосом метельным:
— Рябину клюй, коли дарю!
Он был полуторанедельным
По старому календарю.

Надежда Кондакова

* * *

Потери в час приобретения.
Приобретенья в миг утрат.
Кто знает, может, в них спасенье
И, может, нас они творят.

Кто знает, может, в том и счастье,
Что, несмысленное, оно —
На миг один, и то не часто,
Заглядывает к нам в окно.

Кто знает, может быть, искусство
Лишь в том одном заключено,
Что в жизни умершее чувство —
Должно быть в слове рождено...

* * *

Что за легкая щедрость, природа,—
Зелень неба, воды и травы!
День чудесный, ты видишь, уходит
В золотые ворота твои.

Голос неба дрожит, как ребенок
На ссеннем сыром сквозняке.
Как безжалостно, беден и тонок,
Обрывается он вдалеке —

От осенней простуженной тверди,
От небес и пугливой воды,
От бессмертья природы и смерти
Человеческой глупой звезды.

...Нам транжирить уже не впервые
Золотые останние дни.
Но покуда они золотые,
Мы с душой на земле — не одни!

Григорий Корин

СТИХИ О ВНУКЕ

1

Храните сына день и ночь,
Вы жили в сладостной дремоте,
Теперь вы в адовой работе,
Трудитесь рядом, зять и дочь.
Бессонниц ваших череда,
Как облачко, скользнет в рассвете, —
Важнее в мире нет труда,
Чем эти дни, чем ночи эти.

2

Не зря я розовым юнцом
Летал над смертоносным светом,
И я не мог не стать отцом,
Теперь я, к счастью, стал и дедом.

Не зря мне жизнь была дана,
Не зря война пожгла мне плечи,
И всходит семя человечье,
И чашу жизни пью до дна.

3

Связалось мое время воедино,
Расхристанно мелькавшее, невинно,
И под руку счастливое, и с толку
Сбивавшее, собралось втихомолку.
Расселось и глядит все ярче-ярче:
— Ну что еще тебе, скажи мне,
старче?—

И перед ним я не кривлю ни малость:
— Спасибо и за то, что мне осталось.

Артур Корнеев

ВЕЩЬ

Выволок утром весенним во двор
щуплый мужик
богатырский ковер.
То есть ковер тот по весу таков,
что придавил бы троих мужиков.
Я любопытен.
И вот во дворе
с тем мужиком говорю о ковре:
— Сколько же стал он?
— Да более тыщи.
— Ну, и к чему тебе этот коврище?
— Как же — к чему?
То есть я не пойму.
То есть известное дело — к чему.
Это же — вещь! Долговечная штука:
будет для сына, а то и для внука.
Как же — к чему?
Для удобства в дому...
В общем-то, черт его знает —
к чему...
Ясно, что он не для нашего быта:
ни по карману, ни по габариту.
То есть квартирку-то всю заволок:
стену, полы, да и весь потолок.
Вот и живи! —

Позволяет мошна...
Вот она, жизнь-то, какая пошла!
В зиму — терпимо.
Да это известно:
если не жарко, то, значит, не тесно.
Ну, а в июле — в жарницу, в пылицу! —
отдал еще бы, наверное, тыщу,
только бы в пекло забрал его черт!
Душит, проклятый,
ночами — печет!
— Ну, так продай! —
мужику я толкую.
— Я бы продал. Но жена — ни в какую.
Да ведь сомнение берет и меня.
Ведь и знакомые все, и родня —
все мне внушают: мол, ты не ершись,
вещь-то — надежная,
вещь — на всю жизнь... —
Мы закурили.
А небо-то — внешнее,
чистое-чистое, вечное-вечное.
Белые-белые в нем облака...
...Жалко, конечно,
того мужика.

Владимир Костров

* * *

В артикуляции обнажены
у интуристов здоровые десны.
Индекс высокий у красной цены
на древнерусские черные доски.
Да, безымянные те чудеса
сбрасывать, верно, не надо со счета.
Вы задержались бы на полчаса
перед районной Доскою Почета.
Где-нибудь там,
далеко от Москвы.
Где-нибудь в самой глубинке России,
может, как я, и вздохнули бы вы:
«Лица-то, господи, лица какие!»
Тут поработал фотограф сполна,
честно,
без ласки, без укоризны.
В каждом портрете
воплощена
крайняя степень сближения с жизнью.
Да никаких и не надо прикрас.
Словно бы времени общей печатью
наша Отчизна отметила нас
общей заботою,
общей печалью.
Общею скромностью
чуть стеснены
жизни районной будни и проза.

Мы из одной ведь, гражданка, страны,
из одного мы, товарищ, колхоза.
Как он правдив,
каждый глянцевого лист!
Что ты наделал, фотограф-приятель?
Это народ ваш, народный артист.
Ваши герои, советский писатель!
Не всколыхнуть нас легкой волне,
не объяснить нас логике пшшлой.
Тяжеловесны в своей глубине,
мы на две трети,
как айсберги, в прошлом.
Мы сообща одолели беду,
голод мучительный,
холод метельный.
И никуда я от них не уйду —
жить мне уже невозможно отдельно,
словно пришел я к мирскому судье,
перед которым завет не нарушу.
И сопричастность к народной судьбе
переполняет тревожную душу.
Будущей радости верный залог, —
словно пред некою точкой отсчета,
стань на скрещенье русских дорог
перед обычной Доскою Почета.

Нина Королева

ФРОСЬКА

Тикают ходики броско,
В печке трещат дрова.
Рыжая девочка Фроська
Задумалась,
Нос задрала,
Щеки прижав кулаками,
Взглядом задев потолок, —
Плохо врезается в память
Заданный в школе
Урок.
Тикают ходики броско.
Ох, за какие грехи
Рыжая девочка Фроська
Учит плохие стихи!

Эльмира Котляр

ЧЕТЫРЕ ЭТЮДА

ВЕСНА

Я дождалась весны!
И выхожу на старое крыльцо,
и солнце греет мне лицо.
Отгаиваю, оживаю
и потихоньку зиму забываю.

* * *

У крыльца ведут беседу
два шальных велосипеда.
А девчонки-амазонки
после быстрой велогонки,
как подсолнушковый сор,
рассыпают разговор.

СЕМЬ БЕД

Сидит дед —
семь бед.
Одна беда —
седая борода.
Другая беда —
года...
Третья беда —
без ног никуда!..
Сидит дед,
никак не сосчитает бед.

ЧУДО

Чудо!
Оно совершается
в каждом листке.
Чудо!
Прожилка
дрожит на виске.
Чудо!
Трепещет моя рука,
отпуская в полет
мотылька!

Олег Кочетков

КОСА

Мудрен, сноровист был в косьбе
Мой дед Григорий.
Во чистом поле, не в избе
Встречал он зори.
И разносилось далеко,
По всей Поповке,
Когда он вжикал оселком
О сталь литовки.
Ромашкой, донником пропах
От сильных взмахов,

Плескалась лебедью в лугах
Его рубаха...
Моя давнишняя вина
(Такое дело) —
За косу взялся, а она
Не зазвенела.
И вся от плесени бела,
И ржа повсюду,
Но слава богу, что цела,—
Учиться буду!

Алексей Королев

* * *

Порой с друзьями, как на грех,
досада и наезд.
Но я один из них, из тех,
кто тридцать лет назад
по сводкам Совинформбюро
родной язык учил
и тридцать лет спустя
добро
творит по мере сил.

Альберт Кравцов

НАЧАЛО

Самое трудное — встать в шесть часов,
тело поднять свое в утренний холод,
освободиться от утренних снов
и ощутить, что ты весел и молод.

Под одеялом верблюжьим тепло,
но превозмочь себя все-таки надо,
в речке, прозрачной будто стекло,
я искупаюсь, мне бодрость — награда.

С шутками грузимся в крытый «Урал»,
в гулком брезенте — гудение ветра.
Мчитесь навстречу пустой самосвал...
Едем на стройку за два километра.

Пыль растекается по-над травой,
буднично серая, как амальгама...
Так начинается день трудовой,
неповторимый в истории БАМа.

Сергей Красиков

* * *

В Сибири я. Я снова дома
Средь неторопкой суеты.
Здесь дни, пропахшие соломой,
Тайгой и снегом золотым.
Здесь новь и старь, здесь был и небыль
В согласье праведном живут.
Здесь приарканенные к небу
Коровы оттепель жуют.
Здесь холода тумана гуще.
Здесь вьюши стынут на бегу.

Здесь грузно скачут, как лягушки,
Пеньки в сиреновом снегу.
Здесь в лютый холод людный город
По репродукторам поет.
Здесь под землю нефтепровод,
Здесь над землю вертолет.
Здесь вьюги синего каленья.
Здесь санный поезд на реке.
Здесь Дед Мороз колоть поленья
Выходит в красном кушаке.

Григорий Кружков

* * *

Левша сковал гвоздочки для подковок
Игрушке царской — английской блохе.
Конечно, был он презрительно ловок,
Но посвятил усилья — чепухе.

Дается ж людям бесполезный дар!
Иной искусник не такое может, —
Из маковинки сделает футляр
И внутрь пылинку-скрипочку положит.

Бес, не иначе, помогает им,
Чтоб искусить сопоставленьем ложным.
И делается малое — большим,
Великое становится ничтожным.

А все — масштаб. Подумай: я и ты —
Из космоса, — и даже с самолета...
На нашу жизнь посмотришь с высоты —
Какая ювелирная работа!

Валентин Кузнецов

* * *

Как мне успеть, да не устать бы,
Идя по осени пешком,
До той медово-горькой свадьбы,
Где бьет веселье сапожком.
Где длинный стол с заглавным дедом,
Где кровь гостей напряжена
И где невеста, словно светом,
Своей фатой окружена.
Гуляет свадьба, но не слишком,
Хмелеют бороды, усы.
А деревенские мальчишки
О стекла сплющили носы.

Невеста, Голикова Настя,
Пригубит красного вина.
И, словно солнышко в ненастье,
О чем-то думает она.
Не обо мне ее забота,
Не для меня весь этот бал.
Я лето знал ее всего-то,
Ну раз, ну два поцеловал.
Но помню: смятые ромашки,
Луны голубенький венец
И тихие слова: «Когда ж ты
Меня оставишь наконец».

Гуляет свадьба. Тесть и теща
Припоминают жизнь свою.
А за окном сырая роща,
И в этой роще я стою.
Ворчит вода в низине где-то
У темной ночи взаперти.
А я гляжу на свадьбу эту
И не могу туда войти.
Зачем я здесь? Кому я нужен?
Меня сюда никто не звал.

Осинник, ветрами простужен,
Вдруг потеплел, заворковал.
И обернулась осень летом,
И поднялись цветы в лесу,
И показалось: в ливнях света
Я на руках ЕЕ несу!
Несу через глухой овражек,
Туда, где травы пали ниц,
Где черные глаза ромашек,
Где только мы...
Да песня птиц.

Светлана Кузнецова

* * *

Слово «любовь» любопытно и цепко,
Патока на языке,
Позолоченная медная цепка
На исхудалой руке.

И голубиное слово «голубчик»
В этих остатках ночах,
Поизносившийся, ветхий тулупчик
На исхудалых плечах.

Слово, оно ведь всего только слово,
В истину цель, а не дверь,
Но, по законам свободного лова,
Дышит надеждою зверь.

Верит, летя по последнему следу,
В белых сугробах скользя,
Соболь — в спасенье, собака — в победу,
Иначе выжить нельзя.

Татьяна Кузовлева

* * *

...Внизу раскалялись чужие дворы,
И вниз под ногой осыпалась порода,
Но было величье особого рода
В землистых, изрезанных склонах горы.

А рядом вставала другая гора:
Кудрявый кустарник свисал над тропею.
Святая гора,
О святая пора,—
Пока еще ввысь мы уходим с тобою!

И дикий шиповник краснеет у глаз.
Миндаль под ногою гремит, как монета.
К Святому источнику вывела нас
Тропа, уходящая кольцами в небо.

К источнику гнали овец чабаны.
По желобу влага стекала в корытце.
О, как были эти глотки холодны:

ДЕЛЬФИНАРИУМ

Дельфинариум был невелик —
Темноват и не очень просторен,
Но дельфин, очевидно, привык
И считал его маленьким морем.

Над водою качался канат,
И трапеция сверху свисала:
Удивленно выхватывал взгляд
Атрибуты спортивного зала.

Нам нашли небольшой пятачок,
Узкий мостик, площадку обзора.
Хитроватый и чистый зрачок
Оглядел нас лукаво и скоро.

* * *

Ты мне сказал: «Не бойся никого,
Пока я жив — с тобой беда не станется,
А я уйду — с тобой любовь останется,
Ты и тогда не бойся никого».

Когда-нибудь и я сгорю дотла,
Моя спина распрямлена любовью,
И полночь звезды стелет в изголовье,
И над тобой моя душа светла.

Как весело,
Просто,
Как трудно напиться!

Ты пьешь, собирая пригоршней ладонь,
Ты пьешь,
Задыхаясь, смеясь, наклоняясь.
Ты пьешь,
Обливаясь святою водой:
В преданья не веря, в безверье не каюсь.

Ты пьешь эту тайную влагу земли
Не для исцеления, не от недуга:
Какие подъемы мы вместе прошли!
Поклон ли, проклятье ли каждому кругу?

В словах ли, в названиях кроется суть?
Но то, что в пути окрыляло когда-то,
Но то, что сумело в нас силы вдохнуть,
Пусть будет всегда и воистину свято!

И дельфин, изогнувшись слегка,
Повея головою привычно,
Чернотой второго зрачка
Уточнил что-то в нашем обличье.

И внезапно, мудра и светла,
К нам в сознание впечатавшись зыбко,
Этот свод, где была полумгла,
Озарила дельфинья улыбка.

И откуда-то из полутьмы,
Как сквозь сон, вдруг пришло
пробужденье:
Кто умнее — они или мы?
В них — восторженность,
В нас — снисхожденье...

Который год ты не смыкаешь глаз.
Нас скорость лет качает на уклонах.
И детский лоб, горячий и смысленный,
В моих ладонях ищет твой приказ.

И потому неразделим наш груз,
И потому, не сгорбленная бытом,
Я недоступна сглазам и обидам,
Но я боюсь.
Я за тебя боюсь.

За сон твой, прерываемый звонком,
За взмах руки, за шаг неосторожный,
За этот взгляд, тяжелый и тревожный,
Над белым, над нетронутым листком.

За слово, пригвожденное к строке,
Из-под пера скользнувшее случайно,
За то, что так покорно и печально
Снежинка тает на твоей щеке.

О этот вечный страх перед судьбой
И эти слезы над своей любовью —
Счастливой ли, несчастной ли, слепой ли, —
Благословенной тем, что мы с тобой.

И тем уже хотя б, что в звездный час
На белом поле слитны наши тени.
И в дни,
Когда к труду зовет смятенье,
Одна судьба объединяет нас.

Вадим Кузнецов

* * *

В деревушке Анисимово
(говорю без прикрас)
я живу независимо,
может быть, в первый раз.
Впрочем, если уж строго,
если точность любя, —
я завишу, ей-богу,
в основном от себя.
День дарует погоду,
остальное — на мне:
принесу себе воду,
суп сварю на огне.

Наловлю окунишек,
сор смету в уголок.
По-хозяйски дровишек
нарублю себе впрок.
Выпью вечером чаю,
в потолок посвищу.
Ни о ком не скучаю,
ни о чем не грущу.
Засыпаю без вздоха,
а проснусь и пойму:
удивительно плохо
на земле одному...

Юрий Кузнецов

ГИМНАСТЕРКА

Солдат оставил тишине
Жену и малого ребенка
И отличился на войне...
Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
И утешение пустое?
Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
Такие письма получали:
«Хоть что-нибудь верните мне...»
И гимнастёрку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой,
Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом —
И ядовитым, и родным,
Уже почти неуловимым...

...Хозяйка юная вошла
И впрок затеяла уборку.
Углы от пыли обмела
И — постирала гимнастёрку.

Станислав Куняев

* * *

Я эту книгу судьбой оплатил.
Много? А может быть, мало?
Слово сберег, а себя отравил...
Господи — с кем не бывало!

Чья-то душа среди грядущего дня
вдруг из печатного праха
выберет лучшую долю меня —
и встrepенется бумага.

Сколько иллюзий терпела она,
сколько страстей умирляла!
Книга раскрыта и обнажена...
Ей даже ты доверяла!

Холод зимы и дыханье весны,
горечь и сладость разлуки.
Грубая правда и нежные сны.
Лишь бы в пристрастные руки.

* * *

Неустанно работает мысль,
точит ствол человеческого древа:
в чистых колбочках выносим жизнь,
чтоб не мучилось женское чрево,
упраздним изнуряющий труд,
обезболим кровавые роды!..
И по белому свету пойдут
небывалые дети природы.
— Нас без муки рожали на свет!
Без любви и без страха зачали! —
...Вот он — их неизбежный ответ
на живые мольбы и печали.

* * *

Пили теплую водку,
и с печалью в глазах
мне сказал поговорку
узкоглазый казах.

Ни в лесу, ни в пустыне
слов страшней не найти:
— Сердце матери в сыне,
сердце сына в степи.

Как проклятье и клятва,
как последняя суть —
в них судьба космонавта,
лорда Байрона путь,

шрамы кровных разрывов,
и триумф Кончака,
и «Персидских мотивов»
голубая тоска.

* * *

В огнях Москвы, в снегах Памира,
в селе, где родичи твои,—
не сотвори себе кумира,
единого — не сотвори.

Да будет лучшая из женщин
к тебе обращена лицом,
да будет лучший друг увенчан
роскошным лавровым венцом.

Да будут мудрецы и мэтры
с тобой беседовать — смотри

на их деянья и портреты
и все-таки не сотвори.

А та, что некогда вскормила
тебя сладчайшим молоком...
Не сотвори себе кумира —
не замыкайся ни на ком.

Печаль, отечество и слава —
всему объятья раствори.
Но кто там в зеркале лукаво
подмигивает; сотвори..,

* * *

Родина встречает гололедом,
нежной стужей, золотым народом,
синим ветром, облаком седым...
Надо припадать к ее заботам,
к снегопадам, ливням, ледоходам,
к древним судьбам, к планам молодым...

Леонид Латынин

СТИХИ О ВСТРЕЧЕ

Твой голос ровный — братец речки,
Вода осыпала песок,
Намыла желтые колечки
И вот уже при свете свечки
Наводит глянец на висок.

И ты умна и некрасива,
Старинна, выпренна, строга,
Вот так устало у обрыва
Лежат весною сиротливо —
Но бело — поздние снега.

Их тронет луч, и свет прольется.
Ручьи и речи вслед ему.
Нам редко счастье удается;
Где разум тонок, счастье рвется.
Скорей пристала боль уму.

Но мы с тобой не выбирали.
Дорога. Лес. Снега. Окно.
Друг друга молча обнимали
И незаметно понимали,
Что вместе быть нам не дано.

И полно нам в иное верить,
Мы жизнью выжаты всерьез.
Ума хватило счастье мерить
Дорогой сосен и берез.

Ярослав Смеляков

* * *

Приснилось мне, что я чугунным стал —
мне двигаться мешает пьедестал.

Рука моя трудна мне и темна,
и сердце у меня из чугуна.

В сознании, как в ящике, подряд
чугунные метафоры лежат.

И я слежу за чередой дней
из-под чугунных сдвинутых бровей.

Вокруг меня деревья все пусты —
на них еще не выросли листья.

У ног моих на корточках с утра
самозабвенно лазит детвора.

А вечером, придя под монумент,
толкует о бессмертии студент.

...Когда взойдет над городом звезда
однажды ночью — ты придешь сюда.

Вот тот же лоб, все тот же синий взгляд,
все тот же рот, что много лет назад.

Как поздний свет из темного окна,
я на тебя гляжу из чугуна.

Недаром ведь торжественный металл
мое лицо и руки повторял.

Недаром скульптор в статую вложил
все, что я значил и зачем я жил.

И я сойду с блестящей высоты
на землю ту, где обитаешь ты.

Приблизусь прямо к счастью своему,
рукой чугунной тихо обниму.

На выпуклые грозные глаза
вдруг набежит чугунная слеза.

И ты услышишь в парке под Москвой
чугунный голос, нежный голос мой.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1956»

ПОЗДНЯЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Ты, несказанная страна
дождей и зорь, теней и света,
не сохранила имена
своих дописьюнных поэтов.

Поклон им низкий до земли
за то одно, что в оны годы
они поэзию ввели
в язык обычный обихода.

Тому пора воздать хвалу,
кто, без креста и без купели,
дал имя грозное орлу
и имя тайное свирели.

Я, запоздняясь, благодарю
того, кто был передо мною
и кто вечернюю зарю
назвал вечернею зарею.

Того, кто первый услышал
капель апреля, визг мороза
и это дерево назвал
так упоительно — березой.

Потом уже, уже потом
сюда пришел Сергей Есенин
отогревать разбитым ртом
ее озьящие колени.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1972»

Александр Яшин

* * *

Я обречен на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел
                                свободно
Не в силах изменить.

Что этот трудный жребий
Приняв как благодать,
Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бесполовый спор
О доблести, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чуя сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1968»

Инна Лиснянская

В ЭРМИТАЖЕ

Ради славы и корысти
Столько вымерло огня,
И скрипач фламандской кисти
Взглядом выискал меня.

Тлеет красная ермолка,
И обуглился смычок,
Вопросительно и долго
Смотрит этот старичок.

* * *

В этом доме, где дух кофейный
И гитара висит в чехле,
Где под лампой альбом семейный
На отдельном лежит столе,

Я — не гостя и не хозяйка,
Не прислуга и не родня,
Не захожая попрошайка, —
Просто бабочка у огня.

После жизни той, предыдущей,
От которой сошла и тень,
Мне блаженной судьбой отпущен
Целый век, уместенный в день:

* * *

Пусть не на что мне опереться,
Но разве не чудно, скажи,
Смеяться от чистого сердца
И плакать от всей души?

Задумано все безупречно.
И тем эта жизнь хороша,
Что счастье, как сердце, не вечно
И горем бессмертна душа.

Но никто из нас не знает,
Отчего над миром дым, —
То ль огонь нас поедает,
То ли мы его едим.

На Неве косое лето,
В дымный дождь дворец одет.
Жизнь моя! — но нет ответа.
Смерть моя! — ответа нет.

Прокути его на поляне
Средь кузнечиков и шмелей!
Но дрожу на синем сафьяне, —
Неужели здесь веселей?

Для того ль судьбой бестолковой
Пепел в бабочку превращен?
День июньский, век мотыльковый,
Боже мой, догорает он!

Светит лампа, сафьян лоснится.
Чьи хотела припомнить лица,
Или думала, как-нибудь,
Белым крылышком хоть страницу
Я сумею перевернуть?

Марк Лисянский

В ПОЛЕТЕ

Что-то мне на земле не сидится,
Нынче вновь отправляюсь в полет.
То поет надо мною синица,
То полярная вьюга поет.

Самолет, догоняющий дали,
Нас несет над Сибирью над всей.
То Печора закрутит спирали,
То зигзаги метнет Енисей.

В небе ямы, колдобины, кручи,
Ключья тучи висят на крыле.
Мгла туманная. Ветер колючий.
Всё — как было и есть на земле.

Не хочу без мечты и без риска
Коротать безмянные дни.
В бесконечные ночи Норильска
Заводские уходят огни.

Облака белопенной постелью
Широко разлеглись, как снега.

Мы летим над бездонной метелью,
И, признаться, тревожно слегка.

Все ж тревога — я верю — напрасна,
Луч горит на морозном стекле.
В небе жизнь безусловно опасна,
Но не более, чем на земле.

Через горные льды и отроги,
Посылая сигналы вперед,
По Байкало-Амурской дороге
Первый поезд к Таюре идет.

Славлю недра и славлю широты
В неизмеренном этом краю,
Очистительный пламень работы,
Обжигающий душу мою!

Мы летим мимо Лены и мимо
Братска прямо на город Усть-Кут.
Славлю разнообразие мира
И людей, создающих уют!

* * *

Мы непростительно живем
Тревогою мгновенной —
Мой сад, мой сон, мой сын, мой
дом, —
Забыв о всей вселенной.

Мы непростительно живем
Весь век своей заботой,
Совсем не думая о том,
Что где-то плачет кто-то.

Мы непростительно живем
Сегодняшним разбегом,
Быстротекущим этим днем,
А надо целым веком.

Мы непростительно живем
Под нашим добрым небом...
Нам надо жить во всем живом
И — не единым хлебом.

Милые красавицы России...
Ярослав Смеляков

Милые красавицы России!..
Вот она — святая простота,
И звучат, как будто бы впервые,
Нежность, и Любовь, и Красота,
И Россия... Лучшая из родин!
Дом. Окошко. Материнский свет.
Мы отсюда в долгий путь уходим,
Чтоб оставить в чьем-то сердце след.
Милые красавицы России,
Героини сказок и поэм,
Вас обожествляли и растили
Нам на счастье
И на радость всем.
Вот одна из вас проходит мимо
И бросает вызов: «Я иду!» —
Всей вселенной,
На виду у мира,

У самой России на виду.
Милые красавицы России,
Звезды самых первых величин,
Наши утешения земные,
Женщины, создавшие мужчин!
Поступь неслышна,
Движенья плавны,
Женщины проходят чередой —
От младой княгини Ярославны
До одной москвички молодой.
Статью и душою вы красивы,
Вас лелеют,
Вас боготворят...

Милые красавицы России
Рыцарей своих благодарят.

Майя Луговская

* * *

Заморозки, заморозки!
Точно серебра мазки,
Как седые волоски
На траве. И стужа,
Дальше будет хуже.
Пленочка на лужах.
Застеклились лепестки,
Заморозки, заморозки.
Эта звонкая пора
Прогоняет со двора,
И топить уже пора.
Солнце светит во всю прыть,
Но теплу уже не быть,
Как и мне не полюбить.
Но может быть, может быть?..
Заморозки, заморозки!

Михаил Львов

ФРОНТОВЫЕ БЕССОННИЦЫ

Разве спали на фронте ночами?
Разве можно назвать это сном —
На броне, на соломе качание
Между жизнью и небытием?

На пределе того напряжения,
Смерти с жизнью — впритык —
сопряжения,
На предельном смертельном пути,
В этом беге на опережение
Чистый сон исключался почти.
Напряжение было чудовищно,
Не измерено миром пока.

О бессонницы — снизу и доверху,
До генштаба — от штаба полка!

Воевали — не спали — на совесть
Все солдаты Советской земли.
Утверждаю — без этих бессонниц
До Победы бы мы не дошли.
Продолжается снова бессонница
У меня — фронтовая почти.
Значит, снова живу не бессовестно,
Значит, вновь — я на верном пути.

ЛИЦО ДУШИ

Какое дивное лицо у его души...

М. Горький

Я прочитал у Горького когда-то:
Лицо души, — прекрасные слова.

...Лицо души собрата и солдата
Я видел и в минуты торжества,
В сиянии победного салюта,
И в молниях разрывов фронтовых,
И в светлые и в темные минуты...
Лицо души погибших и живых —
Оно живет в их песнях и деяньях,
Победных лет в сиянье и красе.
В каких — не помним — были одеяньях,
В каких сраженьях — это помним все.

...Тараненное времени ветрами,
В морщинах у ровесника чело.
Трагически стареют ветераны —
Лицо души, как в юности, — светло!

* * *

И песня и стих...

В. Маяковский

На полке — издания военной поры.
Обложки — как корки из грубой коры.
Куда им тягаться теперь с балакроном,
Богатством таким, с мировым эталоном.

И нет там в помине бумаги офсетной,
Хватило б обрывков бумаги газетной...
Чуть жаль их, как плохо одетых людей,
Увидишь — и взгляд свой отводишь скорей.

Душою не беспечные невежды¹,
В себя вобрали трепетно они
И — юности прелестные надежды,
И — поздние трагические дни.
Я в мир пришел не рано и не поздно —
Мне повезло на время и людей.
Мне и в ночи светило, словно звезды,
Лицо души любимой и друзей.

Друзья мои! Люблю я ваши лица!
Я вместе с вами жизнь и век творю.
Люблю я лица, но — готов молиться,
В лицо души всмотревшись, как в зарю.

¹ Сознательная переключка со стихами А. С. Пушкина:
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Пусть — так, но свое они сделали дело!
В них — ярое, грубое время гудело!
И были они нам нужней неотложки.
Им — только такие годились обложки,

Они сочетались с коптилкой, с броней,
С военной порою, суровой страшною.
Спасибо вам, книги в обложках плохих,
В которых хранились и бомба, и стих.

Н. И. Камбулову

Всю жизнь учусь у книг и у людей.
Учусь у стран. Народов. У вождей.
Записываю мысли, наблюденья.
Беру — у них — уроки поведения.
Стараюсь стать и лучше и умней.
Таких записок целый чемодан
Беру с собой и в дальние поездки.

Пишу себе «приказы» и «повестки»
И новых дел набрасываю план,
Стараясь жизнь объять, как океан.
Как будто начерно живу пока,
Как будто это все мне пригодится —
И после — как учеба прекратится —
Как будто жить мне впереди — века!

СМЕРТЬ КОМАНДИРА ПОЛКА

Илье Вергасову

Я был убит седьмого мая —
До Дня Победы за два дня.
В атаке пуля разрывная
Разорвалась внутри меня.

Сойдясь с противником вплотную,
Часть продолжала ближний бой.
Я пал на землю неродную,
По всем приметам, неживой.

Но, видно, крепкое создание,
Я был убит не на века.
Я был семь суток без сознания.
Врачи спасали комполка.

Светила добрые науки
Отстаивали жизнь мою.

И оживляли вновь их руки
Меня, убитого в бою.

Не веря в свой исход летальный,
На зыбкой грани бытия
В палате белой госпитальной
Парад Победы слушал я.

...Флажки за окнами — летучи.
Под светлым сводом потолка
В своей трагедии, как в туче,
Лежит на койке комполка.

...Хоть все положены заплаты,
Не вся опасность — позади.
Я вышел в мир из той палаты
С войной, оставшейся в груди.

Игорь Ляпин

В ЗВЕЗДНОМ

Над землей
сквозь ночную роздымь,
Будто вдруг срываясь с орбит,
Звезды падают.

Ну а в Звездном
Чаще видишь — опять летит.
И захватывает дыханье.
Здесь, увидев летящий свет,
Не загадывают желанье,
А с тревогою смотрят вслед.
От тревоги ли,
от избытка ль
Нежных чувств
холодит в груди.

Звезды, звезды,
какая пытка,
Хоть совсем на вас не гляди!
Сколько раз накреньялось хмуро
Это чистое небо.
Что ж,
Между Звездным и Байконуром
Связь такая,
что душу дрожь
Пробирает.
Всю ночь березы
Так задумчивы у пруда.
Высоко-высоко над Звездным
Покатилась опять звезда.

Новелла Матвеева

К МУЗЕ КОМЕДИИ

Кто смешным боится быть,
Кто в смешные положенья
Не стремится угодить,
Тот боится униженья.

Кто боится униженья,
Кто вкусил от поношенья,
Кто забит и напряжён,
Тот не может быть смешон.

Тот же (храбрый!), кто беднягу
Не страшится оскорбить;
Кто не даст ему и шагу
Без стеснения ступить;

Кто не в меру задается,
Кто над слабостью смеется,
Кто сердечности лишен, —
Тот действительно смешон!

СТИХОТЕРАПИЯ

I

Когда сердце,
С себя сбивая
Скорлупу, одну за другою,
В гадость памяти обрываясь,
Мчится воющими пропастями, —

Ты представь себе
Свое горе
Нарисованным на фарфоре.
Да и то — не все, а частями.

Но... круги и зигзаги ада
На фарфор наносить не надо:
Ведь фарфор и фаянс так ломки!
Против жанра идти не стоит...

(Да и кто ты такой, отучая
Человека от чашки чая?
Если жизнь ты ему отравишь,
Разве это тебя устроит?)

Только маленькие промашки,
Улыбаясь, рисуй на чашке:
Слишком сильное заблужденье
Нипочем под глазурь не ляжет!

Не смешна мне ущемленность
(Если злоба ей чужда).
Мне смешна самовлюбленность,
Не имущая стыда.

...О Комедия святая!
Столь нечасто к нам слетая,
Жалость, милость нам яви:
Путь закрой насмешке злобной,
Хохот изгони утробный, —
Суть вещей восстанови!

С простодушием лукавым
Вещий толк верни забавам,
Слезы вызови из глаз,
О смешливая!
И снова
Острым чувством НЕ-СМЕШНОГО
Наделяющая нас!

Выбирай картинки былого
Наименее все же злого!
(Сердце, рвущееся на части,
Вкус и меру тебе подкажет.)

...Как люблю я фарфор с фаянсом!
С нанесенным на них Провансом!
С их Аркадией!
Как природа их белопенна!
Постараюсь, чтобы страданье
Соскользнуло с них постепенно...
(С целой тучей забот, которым
Повседневность —
не оправданье!)

Есть резон моему пристрастью:
Даже бьется посуда — к счастью.
(Хороша и та, что не бьется:
Уж зато цела остается!)
Есть резон моему пристрастью
И гончарному упоенью:
Знаю: бьется посуда к счастью,
А не бьется — к успокоенью.

И откроется очень скоро
При расписываньи фарфора,
Что грешно малевать кошмары
На прозрачном батисте глины;
Гадость памяти, сил крушенье,
Оскорбленье и поношенье...
В этом случае допустимы
Только розы и маддолины.

II

Как мой вкус изыскан, однако!
А изысканность — грех великий.
Слишком тонкое — снова грубо.
Я эстетов клянчу, каналий!
Но поскольку речь о посуде
(Прикладном, а не главном чуде),
Отчего не любить посуду?
(Табакерок, резьбы, эмалей?)

Над боярышником фаянса
Тени ночи летать бояться.
Никогда Косовщица-стерва
Не взойдет на фарфор из Севра!
Я по свету хожу; я всюду
Разрисовываю посуду,
Чтобы хор ее нежноголосый
Пел анафему ведьме Безносой.

И пускай зоил образцовый,
Принимаясь за пашквиль новый,
Как всегда не обдумав, скажет
(Ведь зоил — человек простецкий!),
Что в расписываньи фарфора —
Ни судьбы, ни с судьбою спора,
Ни отчаянья, ни задора
И ни удали молодецкой.

И пускай питомец зоилов
Носит громы на лирных вилах,
Бурю (якобы) в поле ловит,
Рвет, рыча, на груди рубаху,—
Вот кто пляшет среди фарфора!
Ан заденет его — не скоро:
Порешить свою обстановку
Недостанет ему размаху.

Вообще же... Возвращенному в холе
Скакуну — как не рваться в поле?
Но скакун, испытавший сечу,
Зря не прыгнет ветрам навстречу!
Это бюргеру льстит ужасный
Ураган в байроническом роде.
Но бродяга
Плохой погоде
Не совет панегирик страстный.

Ах, фарфор на старом камине!
Уж не бюргерский ты отныне,
Так как бюргеры изменились:
Практикуются на ураганах.
Но поскольку у них такие
Поразительные стихии,
Что не только не бьют фарфора,
А, напротив, оберегают,

То... позволено мне да будет
Расписать эти несколько блюдец
Сценками
Из моей пасторальной
Жизни,— долине взгляда...
И пока филистеры, с жиру,
Множат скорбь, опасную миру,—
Вы уж дайте мне улыбнуться! —
В память
О последнем обрыве ада.

Михаил Матусовский

ИЗ КНИГИ «ПЕСНЯ О БЕРЕЗОВОМ СОКЕ»

РИО-РИТА

Танцплощадка допоздна открыта.
Я ее законом подчинен.
Хриплая пластинка «Рио-Рита»,
С заводной пружиной патефон.

Пахнет первоцветом, пахнет маем.
Скрипки плачут тонко и навзрыд.
Мы-то ничегошеньки не знаем,
Что кому судьба наворожит.

И под знойный голос патефона,
Счастливы в неведеньи своем,
Затаив дыханье, полусонно
По волнам мелодии плывем.

Вы уж их за это не вините.
Все забыв на несколько минут,
Парни в башмаках на кожимите
Модные движенья выдают.

И партнерши в ситчиках примятых,
Прижимаясь к ним на вираже,
Их волнуют душным ароматом
Массовой продукции ТЭЖЭ.

Да и как, скажите, ухитриться,
Как суметь предвидеть наперед —
Кто из них поляжет на границе,
Кто из них безвестно пропадет.

Кто в крови и глине из атаки
Доползет в ближайший медсанбат.
Кто ничком под танковые траки
Кинется со связкою гранат.

Кто, приняв немислимые муки,
Сгинет от России вдалеке,
Кто в сыром бараке в Равенсбрюке
Номер свой увидит на руке.

Кто к земле прижмется недвижимо,
Загнанный, как волк, со всех сторон...
Но откуда действует пружина
И исправно тянет патефон.

Танцплощадка допоздна открыта.
В спелых звездах южный небосвод.
И на полный голос «Рио-Рита»
Что-то иностранное поет.

ПЕРЕВОЖУ РИЦОСА

Трогаю сток его крепкие бицепсы, —
Только б суметь мне их силу сберечь.
Перевожу я поэзию Рицоса
С греческой речи на русскую речь.

Моря Эгейского плеск и гудение
В общую перевожу я тетрадь,
Если бессонные эти видения
Можно еще переводом назвать.

Так же как глыбы вручную ворочают,
Так же как волоком тянут баржу, —
Перевожу я его одиночество,
Гнев и отчаянье перевожу.

Все, что им было когда-то потеряно,
Все, что однажды он вновь отыскал:

Связь меж корнями и ветками дерева,
Тайну колодцев и тайну зеркал.

Мачты, вдоль берега вставшие чащею,
Город, когда он во сне молчалив.
И по страницам поэта летящие
Смутные тени микенских олив.

Словно сажу за стеною за каменной,
Словно рукой провожу по ножу,
Перевожу я его неприкаянность,
Страх и бесстрашие перевожу.

Горы скалистые в сумраке высятся, —
Ты мне хоть цвет их запомнить позволь.
Перевожу я поэзию Рицоса
С греческой боли на русскую боль.

* * *

Позабыв про мягкую кровать,
В сапогах, при полном снаряжении
На войне я научился спать
Даже в вертикальном положении.

Спал в районе Ржева и Торжка
И на всех колдобинах подплясывал.
Спал, держась за борт грузовика,
Что набит, как склад, боеприпасами.

Спал, успев глаза смежить едва,
На краю воронки иль обочины.

Спал в фанерном ящике «У-2»,
Ремешком к сиденью притороченный.

Стукаясь о доски головой,
Спал на минах, на мешках с картошкой.
Крепко спал, совсем как неживой,
Между артобстрелом и бомбежкой.

А теперь, — на мир нисходит мгла,
Ляжешь спать, а сон тебя сторонится.
Будто с запозданием к нам пришла
Всей войны великая бессонница.

Хулио Матеу

ХИНЕСИЛЬО

Какая новость! Знаете ли вы?!
Вернулся Хинесильо из Москвы...
А правда, что в Москве у стен Кремля
Быстрей в два раза вертится Земля?

Вернулся сын Хинессы, Хинесильо...
Вы все, конечно, помните о том,
Что у него отца и мать убили
И взрывом бомбы развалило дом.

Вы помните: в изодранной одежке
В суровый год, когда пришла беда,
К чужим дверям он жался от бомбежки,
Как воробей, лишившийся гнезда.

Его сегодня не узнаешь сразу!
Он вырос, он премудростью богат.
Каких чудес полны его рассказы,
А говорит совсем как адвокат.

А может быть, в Москве у стен Кремля
Быстрей в два раза вертится Земля?

Он много книг принес с собой в свой дом, —
Недаром обучался он в России.
И жить он хочет умственным трудом,
Сын бедняков, наш мальчик Хинесильо.

Он говорит, что даже ход воды
Там человеку подчинен отныне;
Он говорит, что расцвели сады,
Где раньше был сухой песок в пустыне.

Он говорит... Ах, как он говорит!
Он стал сильнее, выше и красивей,
И кажется, в глазах его горит
Свет новых звезд, зажженных над Россней!

А может быть, в Москве у стен Кремля
Быстрей в два раза вертится Земля?

Перевел с испанского В. Забелышинский

Александр Межиров

* * *

Беда. Но дело вовсе не в беде,
А в том, что — как, а в том, что — кто
и где,

Таясь в тени, красуясь на виду,
Откликнулся — ответил на беду.

Любимый друг! Ухмылочку кривую
Забуду — и на том восторжествую.

Ухмылочку не чью-то, а твою, —
Но никаких обид не затаю.

Любимый враг! Спасибо за подмогу.
Ты оказался другом — слава богу.

Спасибо всем — до Страшного Суда.
Ну, а беда, она и есть беда.

Юрий Мельников

СТАРАЯ ДОРОГА

Началась она в давние годы
От следов пропыленных лаптей.
Торопились по ней пешеходы,
И подводы тянулись по ней.

Были кочки тверды, как мозоли.
И она от села до села
Через луг, через лес, через поле
То домой, то из дома вела.

И на ней той далекой порою
Колея пролегла не одна...

Зарастает колючей травой —
Лебедой да осокой — она.

Только вскрикнет сова над ракитой
Да завоет вдруг ветер во мгле...
Словно этой дорогой забытой
К сердцу тянется грусть по земле.

Со старинной дорожкой рядом
Люди новый большак провели.
Снова осень густым листопадом
Заметает ее колеи.

Алексей Меньков

НА ПОЛУСТАНКЕ

Грустная песня в ночи заблудилась,
Будто бы сдаться готова на милость
Доброму сердцу,
Да ставни закрыты —
Спит полустанок,
Спит как убитый.

Словно десантник, сюда я заброшен.
Грустная песня. Глубокая осень —
Отзвук случайный далеких времен.
Что же так душу тревожит мне он?

Будто осталось, что дорого-свято,
В том далеке. И не будет возврата...

Людмила Мигдалова

СТИХИ СЫНУ

У нас в семье большая перемена —
в семье богатой, по уши в долгу:
родился мальчик — всем богам замена,
родился мальчик и сказал: «Агу!»
«Ага!» — сказала я, и это слово
во весь беззубый ротик у него.
И это слово — всем богам основа,
ведь слово — бог. Начнем и мы с того
свой стих беззубый и вдвойне отважный
тем, что и он в бумаге знает толк.
Родился бог. Рождаются однажды.
«Угу!» — сказал наш папа и замолк.

«Ох, ах», — сказали нам друзья, соседи.
Враги подумали, сказали: «Чепуха!»
Что толку им в подобном домоседе?
Проснулся мальчик и сказал им: «Ха!»
Проснулся мальчик, сладко потянулся.
Вершили в доме настоящий пир...
Сын посмотрел, всем телом улыбнулся
и в окружающий пописал мир.
У нас в семье большая перемена.
Но прозвучал звонок, и вновь — урок.
Родился мальчик — всем богам замена.
Родился мальчик и сказал: «Я — бог».

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ОРЕЛ

Я за столом сидел и ел,
Когда в окно Орел влетел
И сел напротив, у стола,
Раскинув два больших крыла.
Сижу. Дивлюсь.

Не шевелюсь
И слово вымолвить боюсь,
Ведь прилетел ко мне

за стол
Не Чижик-Пыжик, а Орел!
Глядит. Свой острый клюв

раскрыл...
И тут мой гость заговорил:
— Я был в горах, еще птенцом,
Захвачен опытным

ловцом.
Он в Зоопарк меня отвез,
Я в клетке жил. В неволе рос,
О небе только мог мечтать,
И разучился я летать...—
Беглец умолк. И я, как мог,
Его пригрел, ему помог —
И накормил, и напоил,
И в Зоопарк не позвонил.

ЗЯБЛИК

Хотел иметь я птичку
И денег накопил,
И вот на птичьем рынке
Я Зяблика купил.

Сидел мой Зяблик в клетке
И зернышки клевал
И, как в лесу, на ветке,
Все пел и распевал.

Ребята заходили
На Зяблика смотреть,
И каждому хотелось
Такого же иметь.

Я с Зябликом возился,
Хоть было много дел.
А через две недели
Певец мне надоел.

Однажды я за город
Уехал на три дня,
И он на это время
Остался без меня.

Когда же из деревни
Вернулся я домой,—
Лежал в пустой кормушке
Голодный Зяблик мой.

Я спас его от смерти,
Я выходил его
И выпустил на волю
Живое существо.

Хотят ко дню рожденья
Мне подарить щенка,
Но я сказал: «Не надо!
Я не готов пока!»

Лариса Миллер

* * *

На планете беспредельной —
Два окошка над котельной.
Это — дом давнишний мой.
В доме том жила ребенком.
Помню ромбы на клеенке.
Помню скатерть с бахромой.
Скинув валики с дивана,
Спать укладывали рано.
И в умолкнувшем доме
Где-то мыслями витала
И в косички заплетала
На скатерке бахрому.

Мне казались раем сущим
Гобеленовые кущи,
Пруд, кувшинки, камыши,
Где, изъеденные молью,
Меж кувшинок на приволье
Плыли лебеди в тиши.
Стало пылью, прахом, тленом
То, что было гобеленом
С лебедями. Но смотри —
По стеклу стучат ладошки.
А войдешь — стоят галошки
С байкой розовой внутри.

Александр Москвитин

* * *

На окраинах Москвы
снег почти что первозданный:
между улиц, между зданий
пустыри, поляны, рвы.
И такие есть места,
где найдешь под небом синим
чудо-лес в убранстве зимнем
рядом с домом, метрах в ста.
На окраинах Москвы
стиль почти что деревенский:
здесь природа

во главенстве
быта, времени, молвы.
На окраинах Москвы
взор людской ничто не застит:
дали настезь, сердце настезь —
до круженья головы.
И с землей наедине
город любишь свой все так же,
дышишь глубже,
видишь дальше
на родимой стороне.

Людмила Мухина

ОТКРЫТОСТЬ

Весны ликующий пречистый голосок
Звонит, звонит, звонит не умолкая,
Зовет взволнованно — не упusti мой срок.
Я — красота мгновенная земная.
Ах, много ль раз нам встретиться дано!
Спешу, спешу, дела пустые кинув.
Постой на взгорке. Солнечное дно
Блеснет в ледке, что кроется в низинах.

Скользнет ручей, легко качнется ветвь,
Не скованная изморозью колкой.
Чуть замирая, птица будет петь,
Не скрытая березовою челкой.
Все без утайки. Все как в первый раз —
И удивленное мерцанье первоцвета,
И шорохов волнующий рассказ,
И солнце, обещающее лето.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето... Бабье лето —
Самоцветная пора.
Кратки поздние рассветы.
Быстро гаснут вечера,
Но прозрачные мгновенья
Кружат — ясны и легки,

Как подслушанное пенье,
Словно взгляд из-под руки.
Ликованием приветным
С чистой грустью пополам
Догорает бабье лето
По раскинутым кострам.

Сергей Наровчатов

ПЕПЕЛЬНИЦА

Она прошла сквозь пламень гончара
И выросла кустом неопалимым,
Вобрав в себя цветные вечера,
Насыщенные рифмами и дымом.

Когда от папирос невпроворот,
Невпроворот от болтовни постылой,
В ней древняя замазка восстает
И мифотворческой грозитя силой.

И тут окурок, грузный, как циклоп,
Обманом изуродованный, с хода
Расплющивает обморочный лоб
О марку глинобитного завода.

Тогда, назло античности, она
Себя внезапно вспоминает глиной,
Подавшейся под тушей кабана,
Свернувшего в тростник с тропы звериной.

Но и Руссо ей быстро надоеет
С наивным возвращением к природе,
Она его стряхнет в один присест,
Метафоры тасуя на свободе.

В ней вспыхнут спички! И тотчас костром
Она зажжется инквизиционным...
Но мракобеску в руки мы берем
И поступаем по своим законам.

Под краном избавляем от костра
И над ведром не медлим с очищеньем,
Чтоб чеховской чернильницы сестра
Была готова к новым превращеньям.

Но вдруг да перестану я курить, —
Во что ей станет новая затея,
Куда девать воинственную прыть,
Что будет делать глина Прометея?!

РАЗГОВОР О ГРЕХАХ

Нет, не дьявол! Просто черт с рогами! —
Враз запахло в комнате козлом.
На постель залез ко мне с ногами
И вмешался в спор добра со злом.

— Знаешь, — я сказал ему сердито, —
Для меня ты слишком груб и прост.
В умный спор не суй свои копыта,
Убери и спрячь свой дрянный хвост.

Изрекла тогда Его Кромешность:
— Ты опять со мною как с чужим,

Знай одно, хулишь мой ум и внешность,
Будто от тебя я отделим?!

Ты моей лишь скверны отражение,
А она куда как не нова,
Ей еще со дня грехопадения
Облик мой присвоила молва...

Память перечислила уныло
Все мои грехи наперечет.
И над каждым с визгом морщил рыло
Древний и нелепый русский черт.

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

А Спаса-на-крови давно пора на слом,
Который год, как службы нет в помине,
И кладбище бурьяном заросло,
Горчайшей и сладчайшею полынью.

Здесь детство похоронено. И вправду
Каким крестам не распинать Христа.
Не по Христу искавший счастья правнук
Лежит ничком у древнего креста.

Он встанет. И опять в бесчетные чащобы
Не ставших притчей бедствий и досад, —
Уж не с того ль, что притчи узколобы
И что сравненья в воздухе висят.

НАЛОГ С ХОЛОСТЯКОВ

На острове Медном холодные ветра,
Но скинули ребята тугие свитера.
Довольны ребята удачливой судьбой,
Встречают ребята плановый забой.

Никто не поддастся жалостным словам,
До такой работы люди голодны:
Сходная работа — бей по головам,
Славная работа — платят с головы.

А котики плачут — слезы по усам,
Палками их лупят по горестным носам,
Точно оглушат — замертво падут,
Мимо промахнутся — опосля добьют.

Не торопитесь ругать наперебой,
Это не бойня, а плановый забой,
И в котичьей драме, где жертв не счесть,
Толика жестокого юмора есть.

Здесь закон ну чем не хорош,
Самок, детенышей, секачей — не трожь,
Хорошей шубы из них не сошьешь,
На шубу годится только холостежь.

Грузные, гривастые, седые секачи
Смотрят равнодушно на красные ручьи,
И самочки глазеют, — мол, пара пустяков! —
Как бьют их обожателей, бьют холостяков.

Они проиграли брачные бои,
Шансы — балбесы! — проспали свои,
И, вчуже глядя на горький их плач, —
«Так вам и надо! — думает секач. —

Были бы покрепче, позлей да поумней,
Нас бы одолели у острых камней,
И тот, что дубиной сейчас оглушен,
Нежился б сейчас среди ласковых жен.

А на победителях лежит табу,
Спокойны они за свою судьбу,
Год от году грубеет мех,
И люди дают им жить без помех.

Ценного промысла крепкий оплот,
Гарем берегут и множат приплод
И в боях утверждают свои права
Населять неприятные острова.

Но если на гребне удачных атак
Поднимется к ним молодой холостяк,
Его, как равного, примут в круг,
Честь, мол, и место, милейший друг.

А проигравший битву старик
Уйдет, подавив недовольный рык,
Век доживать к другим старикам,
Драным шкурам, тупым клыкам.

Хватит, пошутили, кончать пора,
Крайне мне не нравится эта игра,
Оставить бы в покое котиков нам,
Дать им гулять по морям, по волнам.

Дать им миловаться и драться меж собой,
Дать им разбираться с собственной судьбой
И на берегах привольных островов
Вовсе отменить налог с холостяков.

Командоры — Москва

Анна Наль

МЕТЕЛЬ

...Сгущалось, вьюжило, лепило
в лицо, за шиворот, в затылок,
блуждали тучи над землей, —
и тяжелели небесами
за красногорскими лесами,
и вровень с крышей провисали,
где за окном стоял слепой.
В печи гремело, в рамы дуло.
Он был седой, больной, сутулый.
Ему сказали: «Снегопад».
«Как долго?» — «Пятый час подряд».
Теперь он знал наверняка:
пойдут откапывать калитку,
кустов фарфоровые слитки

все в мелких трещинах, как в нитках,
и ветер выцербил бока.
«Сейчас и шуба студит тело.
Шинель куда была верней.
В окопах, правда, водка грела.
А сапоги и тут нужней».
На километры вся округа
заметена, как этот сад.
Не разглядеть в лицо друг друга.
Слепой подумал: «Снего-пад...»
Ему сказали. Было слово.
Как долго в мире снег идет...
И промелькнуло — лишь бы снова
услышать это через год.

СПАСИБО ЖЕНЩИНЕ ОДНОЙ

Была в далекой стороне
смертельна рана пулевая,
и похоронку обо мне
прислала почта полевая.
Но, не смирившись с той бедой,
она ждала меня упрямо,
и русской женщине одной
я говорю:
— Спасибо, мама!

Я словно чудом ожил вновь.
В то утро польская девчонка
свою мне подарила кровь
и опровергла похоронку.
Сроднился я с ее страной
в годину тяжких испытаний,
и польской женщине одной
я говорю:
— Спасибо, пани!

В мой мир, подаренный судьбой,
явилось вдруг совсем иное
с приходом женщины одной,
что стала в нем моей судьбой.
И, трижды раненный, седой,
за теплоту и за участие
любимой женщине одной
я говорю:
— Спасибо, счастье!

Счастливым выпал мне билет,
весь мир, что сказочен и ярок,
послевоенных тридцать лет —
судьбы негаданный подарок.
И снова молодость со мной
и нежный взгляд из-под платочка,
и юной женщине одной
я говорю:
— Спасибо, дочка!

КОГО-ТО СПАСИШЕ СЛОВА

*Герою Советского Союза
В. Емельяненко*

Была прекрасная погода.
Тот день я помню до сих пор.
Эфир без шифра и без кода
принес нам чей-то разговор.
Я занят был наземной целью,
но посмотрел из-под руки,
как в небе смертной каруселью
шли «мессера» и «ястребки».
Услышал я, на небо глядя,
приказ воздушного поста:
— Спокойно, Вася!
«Мессер» сзади!
Прикрой Гарулина с хвоста!

Вокруг трассировали пули,
упал горящий «мессершмитт»,
а неизвестный мне Гарулин
каким-то Васей был прикрыт.
С тех пор прошло тридцатилетье,
но, как народная молва,
как песня, сохранились эти
кого-то спасшие слова.
Не знаю сам, чего бы ради,
но помню, видно, неспроста:
— Спокойно, Вася!
«Мессер» сзади!
Прикрой Гарулина с хвоста!

Олеся Николаева

СРЕДИ ВЕЩЕЙ

Если жить среди вещей
И при том не жить вещами
И не звякать, как Кащей,
Над их ценностью ключами,
Если просто разместить,
Распахать, придвинуть к стенам,—
Вещи начинают мстить
И готовятся к изменам.
Царевать начнет в дому
Дух враждебный,
Дух чужбинный,
Знать не будешь — почему
Неспокойно ночью длинной.
Не проведешь о том,
Почему твой друг тоскливо
За твоим сидит столом
И тебе так сиротливо.
И подруга вздрогнет вдруг,

Будто от змеи гремучей,—
Вся — смятенье,
Вся — испуг,
Вся — отчаянье заблудшей!
. . . Если жить среди вещей
И при том не жить вещами
И не звякать, как Кащей,
Над их ценностью ключами,
Надо, надо принимать
За кусты и за деревья
Полированную гладь,
Белокрашенные двери.
И тогда пахнет сосной
И полынью в непогоду.
— Ну, домашний,
Ну, лесной,—
Узнавай свою природу!

Елена Николаевская

* * *

Вокруг — бело да зелено
Да ели по пятам...
Не считано, не мерено
Живем, как будто нам
Сто лет, сто зим отпущено,—
Неделями соря...
А все — уже упущено,
По правде говоря.

«Подумаешь, безделица!
Придет еще пора...»
Но время четко делится
На «завтра» и «вчера».

Не на зиму да на лето
Оно разделено,
Хоть и дождями залито,
Листвой занесено.

Сто зим — метет метелица...
Сто лет — гудит пчела...
А время, время делится
На «завтра» и «вчера».
«Да что там! — перемелется!
Напрасно не страшай!..»
Но время, время делится
На «здравствуй» и «прощай»...

* * *

От четверга до четверга
Лил дождь, шел град, мела пурга,
Ложились хлопья, как тоска,
Гася свечение песка.
Слетали белые — и вдруг
Все черным делали вокруг,
Уничтожали всякий след
И смешивали тьму и свет —
Бессонниц свет, покоя тьму —

В мятущуюся кутерьму:
Тьму кинозалов, свет больниц —
И не было меж них границ...
И плач, и смех, и вздох, и стон
В один немой сливались сон...
Жду пробужденья, жду чудес,
Жду — вот он хлынет, свет с небес,
Лучами черноту разя:
Иначе просто жить нельзя...

* * *

Даются человеком имена
Всему на свете —
Январю и маю...
Цветок лиловый,
Свечечка — она
Всю жизнь знакома:
Как зовут — не знаю!

И птицам,
И цветам —
Им все равно,

Как их зовут
И в том и этом веке.
Какое имя каждому дано,
Возникшее вначале —
В человеке:
По случаю, по прихоти,
По праву
Умеющих из слов венки плести...
Черемуха, сирень или купава —
Как ни зовутся —
Дай им бог цвести!

Юрий Никонычев

В МУЗЕЕ ЛЕНИНА

По этим залам не впервые
Часами долгими ходил.
Здесь побывало пол-России,
Я с ними думал, сердцем жил, —

Когда с любовью откровенной
Среди ребят, не впопыхах,
Рассматривал тот почерк нервный
На белых вырванных листках.

Из зала в зал их проводили...
И было видно по всему —
Дела отгрохотавшей были
Понятны сердцу и уму.

Понятны, если пред глазами,
Как Родина в годину гроз,
Старуха с темными руками
Стоит, не сдерживая слез,

И смотрит, смотрит взглядом чистым
На то знакомое пальто,
Где крестиком помечен выстрел
И стерто горькое пятно...

* * *

Идут над Россией дожди
Осенние, затяжные.
Запела гармонь на груди,
Затихли леса огневые.

Россия... Под низким дождем
Приходят высокие мысли.
В безбрежном просторе твоём
Летят раскаленные листья.

В отцовскую юность летят,
В любовь материнскую метят,

Как будто те годы опять
Вернулись при огненном свете.

И вновь на изрытой земле
Под выжженной порохом синью
В стальной искореженной мгле
Отец мой прощается с жизнью.

«Ты выживешь, мой дорогой...» —
Мать снова ночами шептала,
Слезу утирая рукой,
Порезанной жестким металлом.

Николай Новиков

* * *

Участлив ты при встрече: «Как дела?»
«Заботам, — отвечаю, — нет числа.
Мечта — безделье. Сниться началó...»
Но ты уже не слышишь ничего,
Уже шагаешь — ветер полы рвет.
Я понимаю: дел неупорот!

Минует год, минует целых два,
И слышатся знакомые слова:
«Ну, как, — кричишь навстречу. — как дела?!»
«Жена, — кричу, — дочурку родила.
Постой, приятель, в гости заходи
И как дела — на месте погляди...»

В глазах твоих слабеет интерес...
Опять, наверно, времени в обрез.
Уносишься, ответ опередив,
Не человек — скорей локомотив.
Движенья символ — издали видны —
Мелькают локти, словно шатуны.

Гудок ли это, голос: «Как дела?»
Осталась от минувшего зола.
Душа как древо: что ни год — кольцо.
Но вот опять знакомое лицо.
«Ну, как живем?» — «Да как тебе сказать...
Все отыскал, и нечего искать.
Все в гору шел. Казалась высока...
Взошел. Спешить? Ну, будь здоров. Пока!»

Мир в тихие окрасится цвета.
И, опостылев, сгинет суета.
В реторте буду золото варить
И со своей звездой говорить.
Сверчок ли это скрипнул из угла?
«Здорово, старина. Ну, как...»
«Дела?!»
Ах да, дела... Зима глядит в окно.
А все дела закончил я давно.

Нина Новосельнова

ТЫ МЕНЯ ЗАСЛОНИЛ СОБОЮ...

Он писал мне такие слова, —
Вспомнишь — сердце опять томится:
«Лишь бы ты оставалась жива,
А со мной ничего не случится».

А у нас не часто бомбят,
И к тому же не очень метко,
И летает три дня подряд
Только вражеская разведка.

А у нас по-военному — тишь:
Все же зона прифронтовая.
Почему ты, Сережа, грустишь:
«Лишь бы ты оставалась живая»?

Были встречи у нас коротки.
И к тому же всегда на людях.

На прощанье лишь взмах руки:
«Будем живы?» — «Конечно, будем».

А глаза говорят: «В мой дом
Ты придешь отмечать Победу?»
Я киваю, — народ кругом:
«Обещаю. Приду. Приеду».

Вот я здесь, в твоей стороне,
Ничего от нее не скрою.
Как я выжила на войне?
Ты меня заслонил собою.

Но припомнились эти слова,
И отчаянье в сердце стучится:
«Лишь бы ты оставалась жива,
А со мной ничего не случится!»

ЕДЕМ В МОЛОДОСТЬ...

Приходи. Приезжай. Расскажи, —
Не легко мне сейчас без друга.
Залетят на балкон стрижи,
Синий ветер вздохнет упруго.

Приезжай хоть ненастным днем
Или вечером раскаленным, —
Мы с тобою тут же уйдем
Вслед за ветром. Уйдем? А что нам!

Едем в молодость! Я найду,
Я найду ее, верь, не споря.

В кузов вскинемся на ходу
И — завей веревочкой горе.

Вспоминай. Пиши. Расскажи.
Вязьма, Ельня... Леса горели.
Мы сейчас найдем блиндажи,
Где в морозы ладони грели.

...Мы уйдем у всех на виду,
Мы с порога кивнем соседям.
Едем в молодость. Я найду!
Я найду. Если веришь — едем.

Лев Озеров

ИРАКЛИЮ АНДРОНИКОВУ

Ираклий Луарсабович! Сначала
Я хохотал, когда глядел на вас.
В коротких ваших сценках ликовала
Живая характерность без прикрас.

Потом, отхохотав, я понял это:
Природа вас лукаво создала,
Чтобы искусство устного портрета
Не поглотила временная мгла.

Не имитация, не подражанье,
А спор с натурой средствами ее.
Как увеличивается на расстоянье
Поведанное впрок житье-бытье!

Непринужденность дружеской беседы,
Застолье вы на сцену принесли,
И так потешны стали наши беды,
И так забавны горести земли.

Но это — передышка на мгновенье:
Вас позвала железная строка,
Передалось вам давнее волненье
Поручика Тенгинского полка.

И перед вами горная дорога
И таинство, сокрытое от глаз.
Его печаль — не ваша ли тревога?
Не ваш ли это вздыбленный Кавказ?

За Лермонтовым началось другое:
Не сумеречные громады строк, —
Рожки и скрипки, трубы и гобой
И всей настройки вешний ветерок.

За Лермонтовым музыка вставала —
Органом моря, флейтою ручья...
Ираклий Луарсабович! Сначала
Как я смеялся! Как смеялся я!

* * *

За каких-нибудь два-три часа
Наземь ссыпались небеса.
За каких-нибудь два-три дня
Над тропой протянулась лыжня.
За каких-нибудь две-три недели
Налетели на нас метели.
Все в новинку, все как впервой
В этой ярости ветровой.
Как звенит он, ледовый наст!
Он так прочен, он не предаст.
Дует крепкий, ядреный норд-вест.
Жить, как вижу, не надоест!

Сергей Орлов

НА ШЕКСНЕ

Ю. Бондареву

Взъерошенная синяя река
Открылась вдруг с железного парама
Простором, уплывающим в века,
А не в леса за кромку окоема.

Даль не сводила вместе берега
И даже не сближала перспективой.
И словно бы гигантская дуга
Река в нее входила всем разливом.

И горожанам, повидавшим свет,
Давно решившим, что он мал и тесен,

Почудилось, что края свету нет
И не бывать, да он и неизвестен.

В просторе синем белый пароход
Как будто парус засверкал, и сразу
Подумалось, что с вольницей плывет,
Не ровен час, навстречу Стенька Разин.

И даже след дюралевой стрелы
Был в грозном небе след не самолета,
А след стрелы, запущенной из мглы,
Перуна в небе росчерк беззаботный.

* * *

Когда это будет, не знаю,
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что было девятого мая
С утра в сорок пятом году.

* * *

Мне нынче снится край родной ночью,
Воды большие светят. И по ней
Я все плыву в веселье и в печали,
Как в дни далекой юности моей.
Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама.
В воде высокой тонет берег рыжий,
И странные там люди и дома.
Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет.
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет.
Там все не так и все не то, и все же
Над всем душа сжимается моя.

Тревожно и пронзительно похоже
Там все, что твердо знал и видел я.
И все плывет вода, и все струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль. Куда?
Старинные над ней восходят лица,
Как месяцы, как луны, как года.
Зеленые и вянущие травы,
Осенние березы и кусты
Недвижные, как будто бы неправда,
Среди равнины, словно у черты,
Где может все неожиданно оборваться
От шороха, как будто от беды.
И сладко там, и страшно оставаться
И сознавать мне этот сон воды...

* * *

Стерпится — слюбится, все позабудется,
Старая песня не так уж проста.
Строились с песенкой этою улицы,
Да и побольше места.

Крутится, вертится, все перемелется,
Белый, как сказано, свет,
Это давнишняя старая мельница,
Ну а другой-то и нет.

Нету другой и никак не предвидится,
Как ты умом ни раскинь,

Что там меж звездами может увидеться?
В громе безгласных пустынь?

Где там еще неподвижные движутся,
Белая тропка во ржи,
В небе льняном журавлиная ижица
И на Онеге Кижжи?

Разве без них на муку перемелются
Вместе любовь и вражда?
Крутится, вертится старая мельница,
Не устает никогда.

ГАРСИА ЛОРКА

Художнику Андрею Мильникову

Он убит и зарыт
При дороге в Гранаду.
Там и крест не стоит,
Да и, может, не надо.
Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд.
Совершается праведный суд
И не скорый.
Неизвестно деревни название,
Нет холма, где лежит его тело.
Говорят, что в Испании.
Говорят, что в Испании
Было совершено это дело.
Даже имя давно
Там на родине ныне забыто,

И молчит она. Но
И молчит потому, что убит он.
Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд.
Совершается праведный суд
И не скорый.
Не отринув позора,
Бежит ручеек безъязыко.
Поднимаются горы
В молчанье великом.
И беззвучно гитары
Бренчат в кабачках до рассвета.
Не обходится даром,
Никому не обходится даром
Убийство поэта.

Владимир Осинин

* * *

Я всем восхищался сначала,
Доли своей не кляня,
И, может быть, это спасало
От многих несчастий меня.

И был бы по-детски беспечен,
Наверно, до самых седин,
Когда бы не выпал тот вечер
У танками смятых долин.

Пред дотом карабкался в дыме,
По черному брел пустырю...
С тех пор я глазами другими
На землю и небо смотрю.

Все предано было забвенью,—
На радость или на беду?
Осталось одно: ощущение —
Идешь, как по тонкому льду.

Николай Панченко

* * *

Январь. Крещенские морозы.
Изба. Промерзшие углы.
Дубы от снега, как березы,
Белым-белы, белым-белы.

Ни птицы малой.
                    Ни зверушки
Опушку следом не строчит.

Лишь дятла красная макушка,
Мелькая, в дерево стучит.

Идем и мы, не нарушая
Тропы овражную строку,
Где птица белая, большая
Сидит, как дремлет, на суку.

* * *

Дятел — вечная работа! —
Биться в стену головой.
Сойка тенью самолета
Проскользила надо мной.

Елка пырснула синицей.
Проступили снегири.
Ты страницу за страницей
Мне вот так проговори.

Чтоб — ни воров и ни войны,
И про волка — ни гугу! —
Волк и войны...

                    Мне довольно
Стылой крови на снегу.

ГРАФИКА

Стены, проемы, квадратные рамы,
окна и стекла,
и ели, как храмы,
в белое небо растут.
Белые лапы и белые шали,
белки на лапах,
и белые дали —
белые ветры метут.

Что тебе больше об этом, о белом?
Белым, бумажным, обыденным делом
занят: мараю листы.

Черным по белому — если чернее! —
мысли короче и ноги длиннее —
облик земной красоты.

Если белее — по черному надо.
Белым по белому — эка досада! —
все эти полутона.
Черным по белому — это наука.
Белым по черному — вечная мука! —
нам напоследок дана.

Владимир Павлинов

ЖИТЬ, КАК ТЫ

Простимся, милая моя,
моя любовь до гроба!..
Кто виноват? Пожалуй, я.
А может быть, мы оба.
Бежишь — и плачешь на бегу,
платок слезами мочишь.
Но жить, как ты, я не могу,
а ты, как я, не хочешь.

Мрак — на бульварах и в садах,
и листья кружит вьюга.
Большая разница в годах,
нам не понять друг друга.
Я громким голосом шепчу:
— Разбитого — не склеишь,
но жить, как ты, я не хочу,
а ты, как я, не смеешь.

Услады благ недорогих
наш разум омрачили.
Не для себя, а для других
меня-то жить учили.

Тебе я шепотом кричу:
— Разбитого — не сложишь,
но жить, как ты, я не хочу,
а ты, как я, не можешь.

Пускай неплох я, пусть я плох,
десятилетье — бездна.
Мы — дети разных двух эпох,
и плакать бесполезно.
Зубами сжатыми скриплю,
и ты в глазах двоишься,
но жить, как ты, я не люблю,
а ты, как я, боишься.

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Н. К. Старшинову

Что за мысли, не раз изреченные,
нас томят на житейском пути?
До сих пор не открыли ученые,
где от смерти спасенье найти.
Нет такого ума гениального —
что поделаешь?.. Ясно одно:
уберечь от исхода летального
и всевышнему нас не дано!
Жизнь и смерть познаем мы на практике:
грозный бог, неподкупен и сед,
если есть, то — не в нашей галактике,
а верней, и за ней его нет...
Корни веры в душе уничтожены,
нет и трепета перед судьбой,
перед жизнью загробной... Так что же мы
перед смертью попросим с тобой?
Смерть не ранняя лучше, чем ранняя,
а в сиянии черного дня
можно мне загадать три желания?
Три желания есть у меня!
И прошу я у бога — не жалуйся,
боже, просьба не так велика:
уложи меня в землю, пожалуйста,
прежде милой и раньше дружка.
Где очнется душа моя пленная,
все равно мне — в аду ли, в раю:
смертью тело уносится брэнное,
друг — он душу уносит твою...

Честен был, видел грязь повседневную —
и в нее окунался порой.
Потому-то и с болью душевною
приступаю ко просьбе второй:
много будет метелей и гроз, поди...
Но и в свисте неслыханных бед
дай мне подлым не сделаться, господи, —
ты, которого, в сущности, нет!
Третья просьба совсем несолидная:
я — солдат, сух и крепок, как жердь.
Смерть в постели, вот штука обидная!
Жизнь, пошли мне солдатскую смерть...
Смерть, ты — смерч, как пружина закрученный,
вой огня, голубая броня?
Ты же знаешь, я — парень обученный,
за полушку не взять им меня...
Я не верю в судьбу обратимую
и хотел бы — о том-то и речь —
лечь, естественно, в землю родимую:
мне бы только в чужую не лечь!
Я бы лег в эти супеси склизкие
хоть сейчас — вот какие дела, —
лишь бы счастливы были все близкие
да земля моя вечно цвела...
Нужно жить, свою душу не мучая:
нет ни рая, ни судного дня —
смерти нет, если люди при случае,
хоть однажды, а вспомнят меня.

Анатолий Парпара

ВИДЕНИЕ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Хлещет плотный октябрьский дождь.
Неумолимо.
— Здравствуй, мама! Куда идешь? —
Мимо!..
Не заметила... А глаза
Неутомимо
Смотрят, смотрят — помочь нельзя! —
На сына.
Не согреться никак самой
В платье из ситчика...
Ладно, ты бы согрелся, родной
Сыночка!
Сколько дней в твоём не было рту
Крошки хлебушка?
Ты бы кушал, а я обожду,
Деточка!—
Вдруг упала с ребенком в грязь...

— Мина!
Не поднимайся!—
Пронеслась
Мимо!
Встала и, отирая дитя,
Дышит все чаще.
И побрела за сеткой дождя
Дальше.

Сорок первый!
Мой первый год.
С неба сыплет не манна...

Сколько лет так со мной бредет
В моей памяти мама!

Джемс Паттерсон

* * *

Кто его знает, откуда все это берется:
девушка русококая с ведрами возле колодца,
мальчик почти что нестеровский,
сельский пейзаж поленовский шествующий с котомкой,
за барахлящей трехтонкой.
Этот певучий выговор,
луговое спокойствие,
только земле единственной
на целом свете свойственное,
заморозками внезапными
вовсе не обесцвеченное,
что-то в природе русской
явно увековеченное
в этом веке безудержном,
словно гонщик на треке,
в нашем-то веке,
стремительном веке.

Софья Петренко

МАГНИТКА

На рольгангах малиновый пламень,
На рольгангах плывущие слитки.
Хорошо, что мой первый камень
Здесь лежит, в основанье Магнитки.

В тридцать первом — мала и курноса,
Только прыти хоть отбавляй,—
«Майна — вира» — цепляю тросы
За опалубки верхний край.

Я вожу то песок, то щебенку,
От бетономешалок — раствор.

Над грабарками цокот звонкий,
Молотков перебор.

Искры сыплют в темь полночную
Пневматические молотки.
Удивляются клепке точной
Представители от «Мак-Ки».

О Магнитка! Стальная держава.
Небо в отблесках и дымах.
Суховейные хрусткие травы,
Бури черные на холмах...

НЭП НА КАЛАНЧЕВКЕ

Высекают искры из булыжника
Рысаки воронье подковами.
Развалились в пролетках барышники
С белогвардейскими вдовами.

А носильщики к ним навстречу
И хватают поклажу всякую.
Сундуки громоздят на плечи,
Только бляхи медные звякают.

Наблюдает за ними искоса
Инвалид, опершись на палки,

А в ладонях его неказистые
Самодельные зажигалки.

— Глянь, откуда такой с бородищею?!
Будто поп у вокзальных дверей.—
— Славь те господи,
Все отыщется,
Образуется, как у людей.

На швейцара старуха крестится,
Троеперстье с плеча до плеча.
Колокольня ей там мерещится,
Где пожарная каланча.

ПУСТЫРЬ

Найти бы тот детдомовский пустырь!
За флигелем, за старою конюшней.
За бузиной и влажною и душной,
За рвом, окольцевавшим монастырь.

Через репы, крапиву, как-нибудь,
Бегу лишь мной протоптанной тропинкой.
На лопухах упругие росинки
Стекаются, тяжелые как ртуть.

И сняты зонтики, и желтой пижмы шапки,
И в черных ягодах паслен, и белена,
И тишина, такая тишина,
Что слышу:
У жука поскрипывают лапки...

Анатолий Поперечный

ПАШНЯ

Матери

Пашня пахнет вчерашним дождем
И сегодняшним утренним небом,
И еще пахнет завтрашним хлебом,
Что, как новорожденного, ждем.

Сизый, стылый над пашнею дым
Расстилается до окоема.
Вот и снова я дома,
Да, дома,
Где всегда буду я молодым.

Как дитя колыбеля буханку,
Мать внесет ее бережно в дом.
И вздохнет. Я-то знаю, о чем...
«Добрый вечер
И доброго ранку!..»

О земля зоревая моя,
С мокрой пашней и хатюю старой.
Что с тобой, моя ненечко, стало?
Почему голова — как зима?..

Ты стоишь,
Словно стог средь жнивья,
В светлой горнице, в маленькой хате.
Как тебя огорчал я некстати,
Как тебя мало радовал я!

Что ж, порой было трудно и страшно.
Завывала вдовой труба.

И лежала не черная пашня,
А пропащая чья-то судьба.

Это может насниться устало.
Так хоронится птица в дупло,
Потому что в нем птице тепло.
Ну а мне теплоты не хватало.

В этом тоже моя есть вина,—
Я твержу, сжавши зубы упрямо.
Ты одна понимаешь все, мама,
Говоришь, что страшнее — война...

Да, в конце этой пашни —
Могила,
Осененная жесткой звездой.
Мать солдата ее не забыла,
Доживая свой век горевой...

Что же ей придает в жизни силы?!
Может, эта сырая земля,
Может, дух нашей вещей России,
Может, вера в бессмертье сама?!

И, насущным приветствуя хлебом,
Входишь ты, как надежда, в наш дом...
Пашня пахнет вчерашним дождем
И сегодняшним утренним небом.

Сергей Поликарпов

* * *

Где ты, детства зеленая льдина,
Вместе с нею умчавшийся мир,
И тяжелое, точно дубина,
В темя стукнувшее:
— Дезертир!..

...За деревней картошку копали.
С голодухи ль себе не судья,
В робинзоновском, что ли, запале,—
Жгла костер допоздна ребятня.

Резво
Думка про школьные будни
С голубым отлетела дымком.
Расписали печеные клубни
Лица наши как будто углем.

Мы друг друга не враз узнавали,
А когда наступила пора
До родных отправляться завалин,—
Принасупилась вся детвора.

Рисовался в сознание, должно быть,
Тарарамный домашний скандал...
Дядькин взгляд грозовой исподлобья
Навсегда в мою память запал.

Пуст рукав был седой его робы,
В кожу пороха ввелся пунктир...
— Отлынял без стыда от учебы,
Хоть бы бабке помог,
Дезертир!..

С укоризненной этою фразой,
Прозвучавшей не так уж и зло,
Закрутись, словно в паводке,
Сразу
Детство к устью по стрелю пошло.

Терлась жестко зеленая льдина,
Подгоняема ветром войны,
В неумолчной военной стремнине
О железные нужды страны.

Алексей Пьянов

* * *

Лещей серебряные слитки
как четки на суровой нитке.
Бегут сверкающие строчки
в потоках солнечных лучей.
Девчонки в пестренских платочках
не устают низать лещей.
С улыбкой доброй и веселой
вершат они дела свои.
У них передники в рассоле
и в блестках рыбьей чешуи.
Они похожи на русалок,
что из волны явились вдруг,
но от рассола медно-жарок
цвет их проворных нежных рук.

Вадим Рабинович

ПЕТУХ

Доживаю до седин,
доживаю.
Привыкаю жить один,
привыкаю.

Буду у окна скучать,
в темень глядя.
Буду искры получать,
кошку глядя.

Между нами говоря,
к часу ночи
прилетит, как жар горя,
красный кочет.

Прилетит ночной петух —
дрогнет гребнем —
зерна поклевать из рук
клювом медным.

Будет шей помавать,
тонкой выей.
Будет звуки издавать
горловые.

Вдруг, как смерч, пойдет стремглав
по дорожке,
выклюет зеленый глаз
черной кошке.

Стукнет шпорами, звеня:
«Ку-ка-ре-ку!..»
И перенесет меня
через реку.

Через реку — за реку.
Сверху — просинь.
Вольное ку-ка-ре-ку.
Лето. Осень.

Осень... То-то и оно.
Солнца око
утром снова льет в окно
одинокое.

Одиноко среди дня
снова стало...
Это молодость моя
прилетала,

Борис Рахманин

* * *

Ты в лазарете, на кушетке,
родился в день февральский, вьюжный.
За неимением акушерки
командовал майор медслужбы.
А он в дела такого рода
считал себя непосвященным,
когда мальчишка голос подал,
он «Что?» — переспросил смущенно.
...Одежду мальчугану с детства
из гимнастерок крепких шили.
Ему достались по наследству
погоны чересчур большие.

Он знал, что луком пахнет порох
и что не режет штык, а колет...
Его на бронетранспортерах
попутно подвозили к школе.
Был детский быт его всецело
по-военски организован.
Сын занятого офицера,
сын боевого гарнизона.
Лишь для него полки стреляли,
металлом для него блестяли.
Когда он спал, бойцы стояли
с винтовкой у его постели.

ЛАДОНЬ

Не терплю я ни фальши, ни лести,
но не против спасительной лжи.
Погадай по руке мне, Олеся,
только правды гляди не скажи.

Знаю, выпало если на долю —
не минуешь невидимых скал.
Даже если бы кожу с ладоней,
как перчатки в прихожей, содрал.

Знаю, судьбы людские упрямы,
и, едва успокоится кровь,
проступают сквозь свежие шрамы
те же самые линии вновь.

Те же самые грады и веси,
недовольство святое собой...
Но обманывай, лги мне, Олеся,
одаряя счастливой судьбой!

Семен Кирсанов

* * *

Я не скажу:
«Над нами пусть не каплет,
а после нас —
хоть мировой потоп!»

Нет,
я хочу,
чтоб тысяч через пять лет
вели следы вдоль непросохших троп,

чтоб босиком по лужам
мчались дети
на свете без котомки и сумы,
на свете,
где за пять тысячелетий
шли под дождем и обнимались мы.

А если так считать:
мол, безразлично,
что будет с нашей, лучшей из планет,—
не знаю, как кому,
а мне вот лично
тогда и жить на свете смысла нет.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1957»

* * *

Эти летние дожди,
эти радуги и тучи —
мне от них как будто лучше,
будто что-то впереди.

Будто будут острова,
необычные поездки,
на цветах — росы подвески,
вечно свежая трава.

Будто будет жизнь, как та,
где давно уже я не был,
на душе, как в синем небе
после ливня,— чистота...

Но опомнись — рассуди,
как непрочны, как летучи
эти радуги и тучи,
эти летние дожди.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1966»

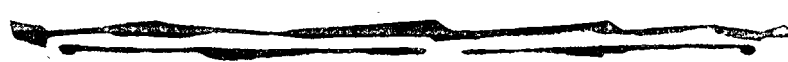
Евгений Евтушенко

* * *

Пахла станция Зима
молоком и кедрями.
Эшелонам
пастухи
с лугов махали кепками.
Шли вагоны к фронту
зачехленно,
громыхающе...
Сколько было грозных, молчаливых верениц!

Я был в испанке синенькой,
кисточкой махающей.
С пленкой коричневой носил я варенец.
Совал я в чью-то руку с бледно-зеленым якорем
у горсада с клумбы сорванный бутон
или же протягивал,
полный синей ягоды,
из консервных банок спаянный бидон.
Солдаты желтым сахаром меня баловали.
Парень с зубом золотым играл на балалайке.
Пел:
«Прощай, Сибирюшка,— сладкий чернозем!»
Говорил:
«Садись, пацан, к фронту подвезем!»
На фуражках звездочки,
милые,
алые...
Уходила армия,
уходила армия!
Мама подбегала,
уводила за фикусы.
Мама говорила:
«Что это за фокусы?
Куда ты собираешься?
Что ты все волнуешься?»
И предупреждала:
«Еще навоюешься...»
За рекой Окою
ухали филины.
Про войну гражданскую
мы смотрели фильмы.
О, как я фильмы обожал —
про Щорса,
про Максима —
и был марксистом, в сущности,
хотя не знал марксизм.
Я писал роман тогда,
и роман порядочный,
а на станции Зима голод был тетрабочный.
На уроках в дело шли,
когда бывал диктант,
«Врачебная косметика»,
Мордовцев
и Декарт.
Ночью,
светом обданные,
ставни дребезжали —
это эшелоны
мимо проезжали.
И писал я нечто, еще неоцененное,
длинное,
военное,
революционное.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1957»

Полина Рожнова

* * *

Как отбившийся от стаи
аист, свет луны влетает
в поле, что росой примято,
в дом, где жили мы когда-то.

И на Сухонских низинах
бабы — рыжие от сена —
спят в стогах, как будто Евы,
ноги вытянув блаженно.

К одуванчиковой чаще
от чердачной синевы
проплывет покой хранящее
отражение совы.

И запахнет солью кадка,
и невольно станет сладок
в мире летнего порядка
в судьбах наших беспорядок.

Раиса Романова

ГРОЗА НА ДОНУ

Над Доном ветры дули долго
И грузно пухли облака.
И ткань суровая наволгла
Каймы небесного платка.

И в нетях молния витала.
Да вдруг опомнилась — легка —
И зацвела, затрепетала,
Как сталь казацкого клинка.

С небесной — кубарем — террасы
Гром прынул шастать по садам!
Зарниц задорные лампы
По обе стороны кидал.

Но, наглумясь, набушевавшись,
Дождь тихо тронул повода —
И ускакал, не попрощавшись,
Как будто не был никогда...

Юрий Ряшенцев

* * *

Наконец-то о главном,
О тоске основной —
Жить с бесстрашием, равным
Только жизни самой.

Но не так, словно стая,
Одинокий ли зверь:
Диких лет не считая,
Не предвидя потерь.

А и четко и резко
Видя каждую связь,
Все предчувствуя трезво,
Ничего не боясь!

Помня чудное чудо:
Башни, ветви, снега.
И в будильнике чужь
Друга, а не врага.

ДЕРЕВО

Мы плохо за домом смотрели.
А он наградил нас за то:
Под крышею птицы запели,
Там ласточки свили гнездо.

Мы зажили тихо и просто,
Как певчие птицы в окне.
И вот на полу между досок
Пробилась трава по весне.

А полка затейливых книжек
Пылилась, дана нам не впрок.
И вырос однажды на крыше
Такой удивительный мох.

В углах и на люстре старинной,
Туманна, заметно для глаз,
Так нежно вилась паутина:
Ее не сметали у нас.

Не знаю, была ли то сырость
Виною, но, нам на беду,
Вдруг клен появился
и вырос,
Да в доме самом — не в саду.

И как-то мой дед сердобольный
Дыру в потолке прорубил,
Чтоб кроной он вышел на волю
И принят деревьями был.

ОСЕННЕЕ КУПАНЬЕ

Последнее осеннее купанье.
Ни дачников, ни школьников вокруг.
Свиданье накануне расставанья
И лето, уходящее из рук.

Песок остывший, и трава сырая,
И полотенце, сползшее с куста...
Но так прозрачна светлая, пустая,
Последняя,
Прощальная вода.

Так льнущая: по икры, по колени,
По пояс — и не страшно ничего.
Закрыв глаза, ты ждешь прикосновенья,
Чтоб через зиму пронести его.

Последнее купанье. Нелюдимо.
Прозрачно. Чисто. Воздух голубой.
Как в памяти прощание с любимым,
Сквозь даль годов утратившее боль.

Владимир Савельев

БУЛЫЖНИК

В рядах камней он часа ждал сурово.
И по нему, отсчитывая дни,
то цокали неспешные подковы,
то шлепали немытые ступни.

Из-под поземки, сквозь дожди косые
негромким звуком откликался он
всем городским событиям России,
всем — от крещений и до похорон.

Но вот мастеровой, задира, книжник,
обламывая ногти и сопя,
вдруг выворотил в ярости булыжник,
чтоб от картечи защитить себя.

И камень чуть помедлил на замахе,
потом скользнул, вращаясь тяжело:
присел филер, драгун отпрянул в страхе —
а там уже пошло, пошло, пошло.

С проклятьями казачьи есаулы
вцепились в гривы вздыбленных коней.
Особняки державные качнуло,
сместило влево панораму дней.

НА ЛЫЖАХ

Положась на зыбкую опору
снега, палок, норовистых лыж,
я упрямо поднимаюсь в гору —
ты с горы навстречу мне летишь.

Оттененная голубизною,
ты летишь дразняще и светло.
И трепещет шарфик за спиною,
точно неокрепшее крыло.

И лыжня повизгивает тонко.
И снежинки сонною гурьбой
в воздухе кружат, как шестеренки
механизма вечности самой.

Я горжусь нелегкою судьбою.
Но навечно, а не до поры
остаётся женщина собою —
женщиной, слетающей с горы.

Горькие тревоги не для виду,
сложные заботы обо мне,
хлопоты, терзания, обиды —
только миг на сдвоенной лыжне.

Иконы на гвоздях застыли косо,
царя снесло порывом в пустоту...
Булыжник, индеева от мороза,
не потерял с годами высоту.

Наоборот. Мерцая в стылой сини
разящей точкой скомканных речей,
он потеснил на поясе России
надменный ряд пицалей и мечей.

Мне мой двойник нашептывал ночами:
живописуй росинки на кустах,
склоняй строку к бесхитростной печали,
тужи о накренившихся крестах.

Пой только осень да печаль заката.
Но надо мною от борьбы к борьбе
летит посланец пролетариата
напоминаям о большой судьбе.

Летит над этим днем,
над этим часом,
летит, расставшись с цепкою рукой.
Летит, летит — и не его ли трассу
я намечаю каждую строкой!

Жертвуемый белому простору
миг приобретений и потерь.
Ты летишь — моя дорога в гору
обрела естественность теперь.

В хаосе рывков, удач, падений
пробирают стынью до костей
и несхожесть наших направлений,
и несоразмерность скоростей.

И шальной поземки мельтешенье
на недаром сдвоенной лыжне:
пусть тебе способствует скользенье,
яростно мешающее мне.

Надо мною небо — точно крыша.
Над тобой, срывающейся вниз,
узкий месяц, как бельчонок рыжий,
в затаившемся прыжке навис.

У висков моих взбухают вены,
на щеках — гуляют желваки.
Но да будут днесь благословенны
каждый вскрик твой,
каждый взмах руки!

УЧИТЕЛЯ

Тревожа высь и вымахами скорыми,
и медленным подъемом от нуля,
могли в сердцах наговорить с три короба
великие мои учителя.

Могли под экипаж шагнуть рассеянно,
себя найти в недорогом вине.
Я знал о них довольно, хоть не все они
имели представление обо мне.

Я с ними примирялся, спорил, ссорился,
я сослепу корил их слепотой.
Но вновь меня кидала к ним бессонница
на перепутьях истины святой.

Да то еще, что виданным и читанным
я то и дело ставился в тупик.
Не следом, а сторонкой за учителем
передвигает ноги ученик.

И верно, потому стезею вязкою
я брел не раз до самого утра
от этого — со школьною указкою —
и до того — с кинжалом у бедра.

Стезей кружной, извилистой, обманчивой
я шел во имя своего лица
от этого — всеведущего мальчика —
и до того — седого наглеца.

Я никого не вопрошал: «А петь ли мне?»
От тихих плесов к тихим облакам
восходят реки дугами и петлями
такими — что куда там ручейкам.

Мои учителя! Бывая судьями
тому, что не ступает за черту,
они платили собственными судьбами
и за ошибки, и за правоту.

Всерьез шутили под косыми взглядами.
И на пороге истины простой
их зря травили славой или ядами,
душили цепью или нищетой.

Им тщетно угрожали пистолетами,
на них впустую тратили елей.
Я в жизни руководствуюсь советами
и опытом моих учителей.

Владимир Семенов

Я ВИДЕЛ, КАК СОЛДАТЫ УМИРАЛИ

Опять — война? Забыть уж не пора ли
О ней? — твердят иные мудрецы.

Я видел, как солдаты умирали —
Совсем еще зеленые юнцы.

В уста, — в миг вожделенного привала,
Впервые в жизни, на краю села, —
Не девушка, а смерть их целовала, —
Она ведь тоже женщиной была.

Им землю бы пахать, идти по свету,
В веселую глядеть голубизну,
А мы их зарывали в землю эту —
В холодный мрак, в сырую глубину.

А им творить бы, им работать, строя
Ту жизнь, что намечалась впереди.
Но руки их — для вечного покоя —
Мы складывали молча на груди.

Давид Самойлов

* * *

Не оставляйте письма
Для будущих веков.
Ужасно любопытство
Дотошных знатоков!

И что они узнают,
И что они поймут,
Когда они не знают,
Как на земле живут!

Они как бы заслоном
Отделены от глаз,
И все равно за словом
Не угадают нас.

Пусть весело стораец
В печи досужий труд,
Пусть вьюги заиграют
И пепел унесут...

* * *

Мне снился сон жестокий
Про новую любовь.
Томительно и нежно
Звучавшие слова.
Я видел твоё платье,
И туфли, и чулки,
И даже голос слышал.
Но не видал лица.

О чём меня просила?
Не помню. Повтори.
Опять с такой же силой
Со мной заговори.

И снова в сновиденье
Случайное вернись.
Не надо завершенья,
Но только повторись!

Ведь в этой жизни смутной,
Которой я живу,
Ты только сон минутный,
А после, наяву, —
Не счастье, не страданье,
Не сила, не вина,
А только ожиданье
Томительного сна.

* * *

В. Б.

И ветра вольный горн,
И речь вечерних волн,
И месяца свеченье,
Как только стали в стих,
Приобрели значенье,
А так — кто ведал их!

И смутный мой рассказ,
И весть о нас двоих,
И верное реченье,
Как только стали в стих,
Приобрели значенье,
А так — кто б знал о нас!

* * *

А слово — не орудье мести! Нет!
И, может, даже не бальзам на раны.
Оно подтачивает корень драмы,
Разоблачает скрытый в ней сюжет.

Сюжет не тот, чьи нити в монологе,
Который знойно сотрясает зал.
А слово то, которое в итоге
Суфлер забыл и ты не подсказал.

* * *

Нам остается жить надеждой и любовью,
Не заносясь, не горячась,
И не прислушиваться к суесловью
Радеющих о нас.

Мы будем жить пустой надеждой,
рады
Глотку любви и доброты,
И слушать о себе издевку злобной правды,
Которая ужасней клеветы.

* * *

Все есть в стихах — и вкус, и слово,
И чувства верная основа,

И стиль, и смысл, и ход, и троп,
И мысль изложена не в лоб.

Все есть в стихах — и то, и это,
Но только нет судьбы поэта —

Судьбы, которой обречен,
За что поэтом наречен.

Николай Сидоренко

ЛЕД СПЛЫВАЕТ...

Лед сплывает по теченью,
Увлекая облака,
И рябит от ветерка
Мглисто-солнечную тенью
Сверху донизу река.

И плывут воспоминанья
С облаками и со льдом.
Год за годом, день за днем...

Сколько было ранней ранью
Весен в сердце молодом!

Время все уносит к устью,
И оно реке под стать —
Течь ему не перестать.
Бросишь взгляд к верховью
с грустью,
Да отсюда не видать.

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ГРОЗЫ

Была гроза нежданная,
Веселая, короткая.
У нас осталась лужица —
Спокойная и кроткая.

Смотри, какая лужица:
В ней небо отражается,
И плавает в ней облако
И заодно качается.

Глядятся в лужу голуби
И пьют лазурь небесную —
Далекую и близкую,
Простую и чудесную.

Крылечко дома нашего
В ее воде виднеется.
Из дома вышла девочка
И на весну надеется...

Владимир Сергеев

ДЕНЬ ПОМИНАЛЬНЫЙ

I

В Польше есть такой обычай:
Раз в году, порой осенней,
День назначен поминальный.
И приходят на кладбища,
В этот тихий час печальный,
Люди разных поколений —
Тысячи

к могилам тысяч...

Поклонившись праху низко,
Зажигают у надгробий
Свечи.

Сколько их пылает,
Озаряя вечер скорби!
И живые

над огниском¹

Все свое припоминают,
Словно тем, кто канул в Лету,
Отдают отчет...

Все больше —

О живом, о настоящем,
О тревогах безответных,
О заботах и о счастье...

И возносится над Польшей
Бессловесное
причастье.

¹ Костер (польск.).

² Организация польской молодежи.

II

Терпкой горечью окрашен
Для меня
студеный вечер —
Сколько спит над Вислой наших
Здесь оставленных навечно!
Не придут к могилам близких
Дети, матери и жены.
Тех солдат, в бою сраженных,
Нет имен

на обелисках...

Я скупил в костеле свечи —
Сколько было их, не ведал, —
Чем иным сейчас отмечу
Павших ратников Победы?
Я спешу туда, на взгорье, —
Километров семь, не боле...

Что я вижу!

Слезы в горле

И от счастья, и от боли, —
У солдатских обелисков
Вахту молча принимают
Пионеры и харцеры².
На ветру огни пылают,
Кроны сосен озаряя...
Опрокинут вечер серый!
О великое огниско,
Не похожее на тризну!

И возносится над Вислой
Клятва братству.

Клятва жизни!

Венедим Симоненко

ОПЯТЬ С ТОБОЙ

Все снова началось.
Как будто мир сначала
Возник
Из ничего.
Стал ощутим и осязаем
Камень улиц,
Ступеней, стен.
И мостовая обрела фактуру, —
И синеву бульжника,
И дребезг красного трамвая,
И гулкий,
Упругий бег машин.

Громоздко, жестко, просто.
Доступно стало все:
И неба смазанная охра,
И деревьев кроны,
Крутые,
Плотные...
Шершавым потянуло ветерком,
Дымком жаровен
И ясным
Жадным духом
Бытия.

Михаил Скуратов

ПРИМОРСКАЯ УЛИЦА

Вдоль варнацкой реки Ангары
Вырастает пахучий багульник,
Полыхают рыбацьи костры,
В горных падах мой голос отгульней.

Ах, не худо пройтись мне пешком
Вдоль сибирского моря Байкала.
Ведь оно — наяву, не тайком —
У Иркутска всю заплескало!

Но когда еще не было там
И в помине Иркутское море,
Я, вернувшись к ангарским местам,
Заприметил диковину вскоре.

Там, где гул новостройки и гром,
Брел по улице — шутка ль? —
Приморской.

Где же море, коль суша кругом
И воды против моря лишь горстка?!

— Море, брат, еще все впереди! —
Речь вели земляки-иркутяне. —
Разольется оно, погоди! —
Не напрасны наш труд и старанье.

Ну, а улица?.. Завтра пора
Вековать при морском ей просторе!..
И гляжу — разлилась Ангара
В самом деле в Иркутское море.

И Приморская улица там
Оправдала сегодня название:
Сам Байкал подошел к тем местам,
Как ему мы велели заране!

Лев Смирнов

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Одни вокзалы помню и жнивье,
Горевшее вблизи аэродрома.
Одно молчанье взрослое твое
И каменистый пепел вместо дома.

И первые блаженные огни,
И весь уют — клубок истлевшей пряжи...
Но в моде лишь военные одни,
И ты — девчонка малая — туда же!

Окончилась великая война,
Но не хватает музыки и света,
И ты еще от голода бледна
И в платье старомодное одета.

Старинной нити песня коротка.
Весна весной, а в детском сердце рана.
И прядь твоя трепещет у виска
Прославленного в битвах капитана.

ДВИЖЕНИЕ ОБЛАКОВ

Скажу без обиняков
и доказать смогу:
движение облаков
нельзя наблюдать на бегу.

Но, возлежа на спине
и на одном из боков,
слѣдить удавалось мне
движение облаков.

Я на спине возлежал,
но я душой воспарял
и от восторга дрожал,
лишь в небо глаза вперял:

,сквозь кислород, азот
и неизвестно куда,
затягивая горизонт,
шли облаков стада.

Отряхивая шерсть,
застрявших рос не щадя,
они вызывали шесть
различных видов дождя,

а разойдясь по углам
небес, по всем четырем,
показывали сверх программ
то солнышко, то гром

или же — синеву
такой голубизны,
что кажется вам наяву
концентрат весны.

Весною даль легка
и до того широка,
что, как ни плывут облака,
не проплывут облака.

ОСЕННИЙ ОТСТРЕЛ СОБАК

Каждый заработок благороден.
Каждый приработок в дело годен.
Все ремесла равны под луной.
Все профессии — кроме одной.

Среди тысяч в поселке живущих,
среди пьющих, среди непьющих,
не беруших в рот ничего, —
не находится ни одного.

Председателю поссовета
очень стыдно приказывать это,
но вдали, километрах в шести,
одного удается найти.

Вот он: всю систему пропорций
я в подробностях рассмотрел!
Негодяй, бездельник, пропойца,
но согласен вести отстрел.

А курортные псы веселые,
вежливые бесхозные псы,
от сезонного жира тяжелые,
у береговой полосы.

Эти ласковые побирушки.
Доля их весьма велика —
хоть по капле с каждой кружки,
хоть по косточке с шашлыка.

Кончилась страда посемиковая.
И пельменная, и пирожковая,
и кафе «Весенние сны»
заколочены до весны.

У собак не бывает историков.
В бывшем баре
у бывших столиков
скачут псы
в свой последний день.

Их уже накрывает тень
человека с тульской винтовкой,
и с мешком,
и с бутылкой в мешке,
и с улыбкой — такой жестокой,
и с походкой такой — налегке.

ВЕЧЕРОМ

Этому надо учиться
целую жизнь напролет,
так же, как учатся рыбы,
тихие рыбы — об лед,

так же, как учатся головы —
при прошибании стен.
Впрочем, в комедии этой
многое множество сцен.

Кажется, что-то я понял:
долго не понимал —
правила жизни запомнил:
долго не запоминал,

вызнал важнейшие темы,
цифры надежные есть.
Впрочем, вечерние тени
мне их мешают прочесть.

* * *

Смерть врага означает, во-первых,
что он вышел совсем из игры,
так сурово плясавшей на нервах
и мои потрясавшей миры.

Во-вторых же,
и в-третьих,
и в-главных,
для меня значит гибель его,

что, опять преуспев в своих планах,
смерть взяла еще одного.

Он был враг не земли и не века,
а какой-то повадки моей.
На еще одного человека
в человечестве
меньше людей.

ВСЕ ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ СОВЕСТИ

Говорят, что огромные многотонные самосвалы
потихоньку проскальзывают
навалы,
обвалы,
кладбища
автомобильных частей,
что доказывает наличие чести
вместе с совестью,
также и с памятью вместе,
даже у машин,
даже в век скоростей.

Совесть с честью, конечно, меняются тоже,
но покуда тебя потрясает до дрожи
не своя,
не жены,
а чужая беда —
не утратили доблести и геройства
человекоустройство
и мироустройство,
а душа — осязаема, как всегда.

А душа — вещественна, когда она есть,
и невидима, если ее замарали,
и свои очертанья имеет честь,
и все три измерения есть у морали.

Алексей Смольников

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Шесть дней мы шли, навьючены, как кони.
Звения, толклась над нами мошкара.
Она была как пытка, как погоня,
Она уже сменила комара.
Мы день и ночь, кляня, ее давили,
И были лица липки и черны.
И — морды в кочки — псы ночами выли,
Бесплодную борьбой изведены.
И лошади в костер совали морды,
В едучий дым, чтоб дух перевести.
Мошка входила в силу зло и твердо,
Готовая хоть черта извести.

Шесть дней мы шли. Еще шесть дней болота
Нас отделяли от земли людей.
Сезонной геологии пехота,
Мы стосковались за лето по ней.
Мы, как о чуде, думали о бане,
О венике на яростном полке,
О пиве в захудалом ресторане
В каком-нибудь районном уголке.
Здесь все нам за три месяца обрыдло —
Утятина, морошка и махра,
И тяжкая, густая, как повидло,
Болотина до вечера с утра.

На день седьмой мы выбрались на берег
Набитой рыбой заспанной реки.
Казалось, и она текла, не веря,
Что не протухнет где-нибудь с тоски.

Она была пустынна и ленива —
Ни бревнышка, ни лодки на волне,
Ее мы оглядели молчаливо,
К ней тоже безучастные вполне.
А впрочем, нет — она была наш данник:
Даст рыбу — ешь, а воду — значит, пей.
Ты перед ней тысячелетний странник,
Забывший что-то поклоняться ей...

Катился день к закату. Надо было
Коням дать отдых, заварить чифир,
Пока еще усталое светило
Лучом остывшим освещало мир.

Мы спать легли. Был полог пестр и красен
От комаров, раздавленных на нем.
Наш труд дневной, он тем уж не напрасен,
Что кончился хоть таким жильем.
Еще возился повар молчаливо
Перед костром. Потом под полог лег.
И долго вверх глядел, где сиротливо
Блуждал звезды какой-то огонек.
И вдруг вздохнул: исполнишь ли желанье,
Падучая? Скорей бы уж домой...
Над берегом рябило мирозданье,
Кончался день творения седьмой.
Горел костер. В реке плескались щуки.
Чесались псы, улегшись под дымок.
А по небу — недавний сын науки —
Шел спутник. Между туч. Наискосок.

12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА

...И когда, метеору подобно,
Распорол он огнем полнебес,
Вдруг внизу проступили подробно
Желтостепье, озера и лес.
И поплыли, сдвигаясь и тая,
Латки пашен, степные колки,
Точно лента в траве голубая,
Заблестела излука реки.
«Волга? Только б не в воду...» —
мелькнуло.

Но уже набегала Земля,
Будто руки навстречу тянула,
Как ладони, подставив поля.

Он не видел, как жухлой стернею —
Лица в небо — по полю бегут

На зависший уже над землею
Марсианский его парашют,
На пятнистый, в окалине рыжей
Внепланетный космический шар.

Он лишь помнил, спускаясь все ниже,
Про последний о землю удар...

Был, наверно, и вправду он странен
В одеянии цвета огня,
В том скафандре

инопланетянин,
Вдруг среди бела явившийся дня.
Он стоял близ упавшего шара,
Словно вышел птенец из яйца,

И лишь ветер дышал в него шало
За стеклом, не касаясь лица.
Где он?
Поле какое-то рядом.
Одаль женщина. Девочка с ней...
Как тревожно следят они взглядом.
Не спугнуть бы — сорвутся, ей-ей.
— Свой, товарищи, свой! — закричал он,
Торопливо сорвав гермошлем.
Но она на колени упала,
Та крестьянка, робея совсем.
Уж давно рокотал над планетой
Левитана ликующий бас,
Но она и не слышала это,
Выгнав в поле теленка как раз.
Лишь увидела шар этот странный
И диковинный этот полет.
— Свой я, свой! Как зовут-то вас?
— Анной...—
А сама и с колен не встает.
А сама все глядит: улыбнулся.
К ней подходит...—
Да кто ты такой?

— Я — Гагарин. На землю вернулся.
Я из космоса, Анна, я свой!..

Где-то в поле пылила трехтонка,
Где-то неся к нему вертолет.
А Гагарин смотрел на теленка
И смеялся: свершился полет!
— Ну, так где же я сел-то хоть, Анна?

— Да Смеловка вон там, у леска.
Закружил ты меня, окаянный!
Ну, пойдем уж, налью молочка... —
Но Гагарин стоял среди степи.
Пахло почками, влагой, стерней,
И ручьишки весеннего лепет,
Как бубенчик, звенел над землей.
Он звенел в той лощине весенней,
Не заботясь нисколько в тот час,
Что уже до окраин Вселенной
Эта песня его понеслась.

Светлана Соложенкина

СНЕЖОК

Когда запевают метели
в безжалостный белый рожок,
мне больно, что мы не успели
запомнить до снега — снежок.

Тот первый, еще несерьезный,
еще не похожий на снег,
скорее — на белые звезды,
слетевшие к нам на ночлег.

И, вместо лебяжьей постели
ложась в незастывшую грязь,
они погибали... Летели,
от тайного счастья светясь.

На радость похожее горе,
на снег не похожий снежок...
А так, на безлюдном просторе —
безжалостный, белый рожок.

Владимир Соколов

* * *

С. Нарочатову

Отбрасываю в сторону стихи.
Я должен видеть то, что за стихами.
Случившееся, даже пустыки
Какие-нибудь... Легкое дыханье,
Стекло запечатленное на миг
В каком-нибудь автобусе... Рисунок
Плюща, ветвящегося по стене,
Как паутинки трещин... Или сумрак
В саду, где жизнь неведомая мне.
Чужая фраза, полная волненья:
«Так и скажите ей или ему!» —
Обрывком чуждого стихотворенья
Упавшая в полуночную тьму.
И шум листвы, и чьей-то спички вспышка.
Или совсем нелепая ослышка,
Когда оглядываешься — и нет,
Нет никого...

Я помню редкий свет,
И дождик сквозь невидимое сито,
И улочки, где не видать ни зги.

КОПРИВШТИЦА

В Копривштице родился и похоронен великий болгарский поэт Димчо Дебелянов.

Копривштица встает перед глазами
И летними, горячими холмами,
И зимним снегом на ветру,
И пеньем птиц январских поутру.

Мне в январе в Копривштице не спится.
Округлая желтеет черепица
Сквозь морозящий утренний туман.
Есть у тумана к путанице склонность,
Он — как неосторожная влюбленность,
Как отрешенность и самообман.

Я выполнил завет — прийти к поэту,
Которого давно искал по свету
И наконец-то все-таки нашел.
Я так хочу быть на него похаживим
На языке и схожем, и несхожем...
Его удел был легок и тяжел.

Здесь путь его когда-то начинался,
Здесь он нежданной музе подчинялся.
Ушел отсюда и сюда пришел.
Большие сосны смотрят исподлобья.
Я посетил старинное надгробье.
Мне легче стало.
Я его нашел.

Я заблудился как-то. И шаги
Меня весь путь преследовали чьи-то.
Я останавливался. За углом
Мой останавливался догоняльщик.
А было это в городе чужом.
И в прятки начал я играть, как мальчик.
Пока не оглянулся. И во тьму
Назад, навстречу, не пошел, как надо.
И вдруг опять услышал возле сада:
«Так и скажите ей или ему».

Как мания преследования ритм
Еще не воплотившейся поэмы.
Не подойдет и не заговорит,
Пока мы трусим и пока мы немы.
Отбрасываю в сторону стихи.
Мне надо видеть то, что за стихами.
Случившееся. Даже пустыки.
Я должен видеть, что — за пустыками.

Сейчас в Москве, наверно, много снега,
А здесь гремит булыжником телега,
Лошадка маленькая — цок-цок-цок.
Как у тебя под окнами твоими,
Где тополя как будто в белом дыме,
Что ранний ветер с веток сдуть не смог.

С горы, где я живу, весь город видно,
Мне хорошо, но все-таки обидно,
Что не могу я сразу рассказать
О том, что вижу, и о том, что снится.
Вот так, в любви не в силах объясниться,
Не может человек двух слов сказать.

Копривштица выходит из тумана,
Как будто из старинного романа
Гравюра знаменитого письма,
Чернея на легчайшем белом фоне...

А воробей, присевший на балконе,
Все облетевший ветки и дома,
Как жизнь сама — пиши иль не пиши —
Чирикает как хочет, от души.

* * *

Крыши намокли. Деревья опали.
Я и мои переулки в опале.

Вот уж которые сутки подряд
С нами не видятся, не говорят.

Это осенней поры перемены.
Вынуты рамы и сдвинуты стены.

Это осенний разлад и разлом,
Производимый добром, а не злом.

Шорох газеты отжившего века.
Вдох потерявшего все человека.

Здесь опадают, на диво легки,
Вместе с деревьями особняки.

Кровли намокли, а кроны опали.
Я и мои переулки в опале.

* * *

Поэму отнесло, как тучу,
А мы ее так долго ждем.
Она вблизи мерцает, муча
Неразразившимся дождем.

Мне внятны все ее зарницы
И что должно случиться впрямь.

Вот уж которые сутки подряд
С нами не видятся, не говорят.

Как-то неловко глядеть на обои.
Видеть, что было за дверью любою.

Только луна, как непростительный гость,
Каждую комнату видит насквозь.

Это же переселение душ!
Может быть, увеселенья к тому ж.

...Но еще память моя не ушла
С улицы той, где так долго жила.

И назначает свидание все ж
То, на которое ты не придешь,

Там, где глядит, как печальный спод-
вижник,
Старый фонарь на опальный булыжник.

На эти белые страницы
Мне душно, милая, смотреть.

Как будто целая деревня,
Где чернозем от жажды плох,
Ждут лица, улицы, деревья,
Ромашки и чертополох.

ВСТРЕЧА

Шутка. Шубка. Взгляд мерцающий.
Монастырские ворота.
Синий, желтый, белый, тающий
Снег осеннего прилета.

И ряды стволов томительных,
Веток, выглядящих голо, —
Словно сонмы существительных
В ожидании глагола.

Владимир Солоухин

ЛОЗУНГИ ЖАННЫ Д'АРК

Звучал с непонятной силой
Лозунг ее простой:
За свободу Франции милой,
Кто любит меня — за мной!

Драпают пешие воины,
Смешался конников строй,
А она говорит спокойно:
Кто любит меня — за мной!

Знамя подьемлет белое,
Его над собой неся,
Как будто идет за девою
Сзади Франция вся.

Истерзана милая Франция,
Проигран за боем бой.
Уже бесполезно драться...
Кто любит меня — за мной!

Шестнадцати лет девчонка,
Носительница огня,
Сменила свою юбчонку
На латы, меч и коня.

Свершая святое дело,
За ударом неся удар,
Едет нежная дева,
Железная Жанна д'Арк.

В стане британцев паника,
В стане британцев вой,
А она поднимается, ранена, —
Кто любит меня — за мной!

Конечно, мне лучше было бы
Цветы собирать в лесу,
Но гибнет Франция милая,
И Францию я спасу.

Девчонка я, мне бы все же —
Жених, ребятишки, дом.
Но если не я, то кто же?
Если не я — никто.

Будут изгнаны бритты,
Все как один уйдут.
Только те, что убиты,
Смогут остаться тут.

Хрупка я, но бог поможет,
Дух укрепляя мой.
Если не я, то кто же?
Кто любит меня — за мной!

В чем силы ее источник,
Загадка не решена.
Но все исполнилось в точности,
Как сказала она.

Победа — ее награда.
Как молния, меч сверкал.
С Орлеана снята осада,
Коронован в соборе Карл.

А дальше? Позор мужчинам.
Людям стыд и позор.
Суд заседает чинно,
В Руане горит костер.

Британцы или бургундцы,
Епископы или князья,
Девчонку мучить? Безумцы!
Отвагу судить? Нельзя!

А что же Франция милая?
Где же она была?
С легкостью изменила,
Походя предала.

И Карл, коронованный Жанной,
Где же тогда он был?
Король, как это ни странно,
Первым руки умыл.

А эти зеваки, толпы
Вокруг костра на ветру,
Почему не бросились, чтобы
Спасти из огня сестру?

Конечно, каре, охрана,
Войско во всей красе.
Но если бы ради Жанны
Бросились сразу все?

В больших городах и малых,
В селах и деревнях,
В харчевнях и пышных залах,
Пешими, на конях?

Труссы? Рабы обмана?
Горем сердца полны?
Не вас ли спасала Жанна,
Бросаясь в костер войны?

Люди, сделайте милость,
Пока не померк еще взор.
Одна за всех — получилось.
Все за одну... Позор!

Вечером под золою
Нашли в углях палачи
Сердце ее, как живое,
Только что не стучит.

Сердце бросили в Сену,
Чтобы стереть и след.
С тех пор прошло постепенно
Полтысячи с лишним лет.

Слава ее окрепла.
И там, где в беде народ,
Дева встает из пепла,
На помощь она идет!

Тогда всех других дороже
Лозунг, зовущий в бой:
Если не я, то кто же?
Кто любит меня — за мной!

Семен Сорин

ПАРОМЩИК

Переправа, переправа...
А. Твардовский

Возле Ржева через Волгу
Ходит взад-вперед паром.
Тем паромом, верный долгу,
Правит старый дед Пахом.

День за днем, а не устанет,
Хоть совсем седоволос.
Берега к парому тянет,
Перехватывая трос.

Берег левый, берег правый,
Люди, лошади, возы,
Крылышки над переправой
Лупоглазой стрекозы.

Мужики, сомлев от зноя,
Развалились вкось и вкривь.
Кормит мать дите родное,
Грудь косыночкой прикрыв.

Тихо-тихо, тихо-тихо
Бревна шлепает вода.
Было лихо — сплыло лихо,
Да и было ли когда?

А когда-то, а когда-то...
Помнит только дед Пахом...
Где вы нынче, те ребята,
Что вступали на паром?

Сколько, сколько из-под касок
На него глядело глаз!
Грохот взрывов, вой фугасок,
И везло не всякий раз.

Что тут смелость да уметость,
Кто тут мертвый, кто живой?
Мчались «юнкерсы», нацелясь
Стрекозиной головой.

Жизнь-злодейка виновата —
Устарел, усох Пахом,
Но погибшие ребята
Не велят бросать паром.

Берег с берегом связавший,
Дед-паромщик мне сказал:
— Тем живу, что день вчерашний
С днем сегодняшним связал.

АВТОПОРТРЕТ

От многолетних зуботычин —
От фигуральных и прямых —
Анфас слегка асимметричен,
И скорбный гнев в глазах моих.

Всего хлебнул Семен Григорыч —
И примесь горькую к ветрам,
И горечь пятиться, ж горечь
Сорокаградусных ста грамм.

Сто тысяч сверху бомб провыло,
По скудам жахая тугим,

Лицо в атаке искривило,
Да и оставило таким.

Лицо осталось кривовато:
Чуть свернут нос и губы вкось.
Уж такова судьба солдата —
Красивей стать не довелось.

Я, свой автопортрет малюя,
Надеюсь — каждый разберет:
То не усмешка чистоплюя
И не брюзги поджатый рот.

Николай Старшинов

* * *

Памяти Алексея Фатьянова

Пусть былое ворвется в беседы...
Хоть оно порастает быльем,
Каждый год, накануне Победы,
Мы солдатские песни поем...

Не случайно совсем, не впервые,
До поры отложивши дела,
Соберутся твои рядовые
У накрытого другом стола.

Снова, песню военную грянув,
Словно новый возьмут перевал.
Тут и выйдет Алеша Фатьянов,
Запевала из всех запевал.

Не его ли в глухом чернолесье
Надрывались всю ночь соловьи?

Не его ли широкие песни
Были самые наши,
Свои?

Меж солдат уживались бывалых,
Пробирались по топям болот,
Согревали на кратких привалах,
Шли в рядах марширующих рот...

Ничего, что сегодня мы седы,
Мы упрямо стоим на своем:
Каждый год,
Накануне Победы,
Те прекрасные песни
Поем...

* * *

Снова сердце распахнуто пастежь,
И добра и привета полно...
Я желаю высокого счастья
Всем, кого обходило оно.

Дорогие и милые люди,
Пусть из вас ни один не скорбит,
Пусть в душе вашей вовсе не будет
Ни забот, ни тревог, ни обид.

Раскрываю объятия зеленым
Удивительным русским лесам.

Уступаю дорогу влюбленным,
Потому что влюбился я сам.

Что ж тужить нам о веснах и зимах,
Если были во веки веков
Даже зимние очи любимых
Голубее любых васильков?

И от этого звонкого счастья,
Принимаясь за дело с утра,
Сердце снова распахнуто пастежь,
И привета полно, и добра...

* * *

Что мне судьба ни готовь,
Вынесу беды любые:
Вера, Надежда, Любовь —
Птицы мои голубые.

Как подобрел чернозем!
Выбросил первые всходы.
Золотобоким язем
Солнце упало на воды.

Никнут колосья во ржи —
Каждый росую обрызган.
И молодые стрижи
В небо врезаются с визгом.

Ветер взъерошил листву,
Дождик закапал — откуда?
Этим дышу и живу —
Это же сущее чудо!

Я и грущу и смеюсь
Меж перелесков и пашен.
Смерти и то не боюсь —
Вот до чего я бесстрашен!

Пусть ежедневно терплю
Я за потерей потерю,
Если я что-то люблю, —
Значит, надеюсь и верю!

ПОЮ ЛЮБОВЬ

Ты и неласковой была,
Не только по головке гладила,—
И леденила ты, и жгла,
И беспощадно лихорадила.

Но ты была окном в зарю,
Ты крыльям помогала вырасти.
И я тебя благодарю
За милости и за немилости.

Была беспечна и вольна.
А где ж теперь бывшая вольница?
Стоишь тиха и смущена,
Как провинившаяся школьница.

Но эту робость ты откинь,
Пусть радость в душу мне запросится.

* * *

Жизнь была и сладкой, и соленой,
А порой и горькою была.
Раненый и трижды исцеленный,
Говорю я:
— Жизнь, тебе хвала!

Ты дарила тишиной мгновенной
И бросала в полымя огня,
Убивала черною изменой,
Воскрешала верностью меня.

Обращалась с материнской лаской
И преподносила мне урок —

Ты распахни такую синь,
Чтоб в небо захотел я броситься.

Ты иволгой свищи в лесу
И таволгой опушки выбели.
Я все равно тебя спасу,
Не допущу твоей погибели.

Пусть вновь, ворвавшись в жизнь мою,
Ты на меня обрушишь бедствия,
Я все равно тебя пою,
Пою тебя, любовь, приветствую.

Кто мы? Друзья или враги?
Великодушна и безжалостна,
Ты лучше душу мне сожги,
Но не оставь меня, пожалуйста!

Била в зубы, награждала тряской
Глинистых проселочных дорог.

Я тебя не пробовал на вырез,
Как хозяйки пробуют арбуз.
Все равно я не утихомирюсь,
Пусть и снова трижды ошибусь!

Жизнь моя!.. Она бывала всякой,—
Пела синевой любимых глаз
И молчала зло перед атакой...
Потому она и удалась!..

Николай Стефанович

* * *

Мой внезапный порыв безотчетен,—
К той, кого никогда не найти,
Я хочу между сотнями сотен
Перекрестков, огней, подворотен
Отыскать наконец-то пути.

Я рванусь к остановке трамвая
Сквозь бульваров ночных забытья,—
Будут звезды, дворы, мостовая,—
И пойму, что, меня создавая,
Не могли не создать и ее...

Алла Стройло

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ

О сказки русские, нерусские,
О их счастливые концы,
Но есть и в сказках место узкое:
На ведьмах женятся вдовцы.
Вообще беда у них со свадьбами:
Соображенья, что ли, нет?
Куда сваты глядят со сватями,
Кому сулят — «любовь-совет»?

Вот гость похмельный разъезжается,
Звенит повозка бубенцом,
Пир кончился, жизнь продолжается —
И окольцованный кольцом
Иван-дурак с принцессой мается:
Ни стряпать баба, ни стирать.
С одними знахарями знается,

Куда ни тронь, все в ней ломается,
Рожать идет, как помирать.

Ивану-дураку бы Золушку
За буйную его головушку,
За удаль, храбрость молодецкую,
Да как исправить сказку детскую?

За принцев Золушки просватаны,
Попробуй принцу угодить,
Им за мужьями франтоватыми
Всю жизнь ухаживать, ходить.
От рук отбились слуги принцезы,
Им, слугам, только в сказках жить.
Не из-за денег, а «из принципа»
Не стали Золушке служить.

Дмитрий Сухарев

ПРОЕКТ ЭПИТАФИИ

Я никуда не опоздал,
Везде поспел, всему воздал
И все, что сердцем возлюбил,
Воспел сердечно.
На диво трезвый человек,
Я твердо знал, что в трезвый век
Не сохранишь сердечный пыл
Навек, навечно.

Огонь, коснувшийся меня,
Был частью общего огня,
Я жил средь вас, я не сидел
В своей халупе.

И плод познания, кислый плод,
Не прежде всех, но в свой черед
Я получил. Не в свой удел,
Но с вами вкупе.

Я норовил прожить без лжи.
Меня рвачи, меня ханжи
И те, которым все равно,
Тянули в сети.
Но вот что важно было мне:
Не выше быть, а — наравне,
Сказать, когда молчать грешно,
И быть в ответе.

Марина Тарасова

* * *

Какой сегодня воздух жгучий
и небо словно ломкий лед.
Сегодня табунятся тучи
в далекий зимний переход.
Стоит предзимнее пространство
в пустом квадратике ворот,
и сельской жизни постоянство
течет, как мед из тяжких сот.
Как долго солнце не садится,
и все мне кажется: вот-вот
журавль, эпическая птица,
крылом темнеющим взмахнет.

Николай Тарасов

КУБА НА КУЗНЕЦКОМ

Спорим, сбиваясь с круга,
ночь напролет

и день.

Надпись в квартире друга:
«Это твой дом, Фидель!»

Выставка на Кузнецком.
Красочный эпатаж.
Самый в Москве не светский —
яростный вернисаж.

Солнечно,
белозубо

и навсегда со мной —
кубарем в море

Куба:
небо над головой!

Линия дышит верой,
жжет красотой огня.

Женщиной Портокоррере
Куба

глядит
на меня.

НА МОСТУ

Словно опустились с высоты,
на мосту ночном

застыли двое.

Свет любви
простерся над Невой
сумрачным виденьем красоты.

С будущим минувшее связал
мост
в остановившемся движенье,

город просквозив соединеньем
друг для друга созданных начал.

Поезда уходят на Москву...
Ночь и мост.
И сердца два на свете.

Пuls земли
по их биению сверьте.
Ночь и мост.
И двое на мосту.

ЧЕРТАНОВО

Заняться радостнее нет:
взглянуть в окно микрорайона
на белый снег и белый свет, —
и отобрать у небосклона.

Маляр работает легко.
Простором дня и света дышит.
И, как в парное молоко,
макает кисть и звонко пишет.

Как облик детства — потолок.
И белый, как в горах неделя.
И как сознания поток
в глазах мадонны Рафаэля.

Ни тени грусти на челе,
ни тучки.
Все равно и вольно.

Пространство белое вчерне.
И перебеливать не больно.

Арсений Тарковский

ФЕОФАН ГРЕК

Когда я видел воплощенный гул
И меловые крылья оживали,
Открылось мне: я жизнь перешагнул,
А подвиг мой еще на перевале.

Мне должно завещание могил
Зияющих, как ножевая рана,
Свести к библейской резкости белил
И подмастерьем стать у Феофана.

Я по когтям узнал его: он лев,
Он кость от кости собственной пустыни,
И жажду я, и вижу сны, истлев
На раскаленных углях благостыни.

Я шесть веков дышу его огнем
И ревностью шести веков изранен.
— Придешь ли, милосердный самарянин,
Повить меня твоим прохладным льном?

ЖИЛИ-БЫЛИ

Вся Россия голодала,
Чуть жила на холоду,
Грамофоны, одеяла,
Стулья, шапки, что попало
На пшено и соль меняла
В девятнадцатом году.

Брата старшего убили,
И отец уже ослеп.
Все имущество спустили,
Жили, как в пустой могиле,
Жили-были, воду пили
И пекли крапивный хлеб.

Мать согнулась, постарела,
Поседела в сорок лет
И на худенькое тело
Рвань по-нищенски надела;
Ляжет спать, я то и дело:
Дышит мама или нет?

Гости что-то стали редки
В девятнадцатом году.
Сердобольные соседки

Тоже, будто птицы в клетке
На своей засохшей ветке,
Жили у себя в аду.

Но картошки гниловатой
Нам соседка принесла
И сказала: — Как богато
Жили нищие когда-то.
Бог Россию виноватой
Счел за Гришкины дела.

Вечер был. Сказала: — Ешьте! —
Подала лепешки мать.
Муза в розовой одежде,
Не являвшаяся прежде,
Вдруг предстала мне в надежде
Не давать ночами спать.

Первое стихотворенье
Сочинял я как в бреду:
«Из картошки в воскресенье
Мама испекла печенье».
Так познал я вдохновенье
В девятнадцатом году.

* * *

Почему, скажи, сестрица,
Не из райского ковша,
А из нашего напиток
Захотела ты, душа?

Человеческое тело
Ненадежное жильё,
Ты влетела слишком смело
В сердце тесное мое.

Тело может истомиться,
Яду невзначай глотнуть,
И потянешься, как птица,
От меня в обратный путь.

Но когда ты отзывалась
На призывы бытия,
Непосильной мне казалась
Ноша бедная моя.

Может быть, и так случится,
Что, закончив перелет,
Будешь биться, биться, биться —
И не отомкнул ворот.

Пой о том, как ты земную
Боль, и соль, и желчь пила,
Как входила в плоть живую
Смертоносная игла,

Пой, бродяжка, пой, синица,
Для которой корма нет,
Пой, как саваном ложится
Снег на яблоневый цвет,

Как возвысилась пшеница,
Да побил пшеницу град...
Пой, хоть время прекратится,
Пой, на то ты и певица,
Пой, душа, тебя простят.

* * *

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Как тот Кавказский Пленник в яме,
Из глины нищеты моей
И я неловкими руками
Лепил свистульки для детей.

Не испытай закала в печке,
Должно быть, вскоре на куски
Ломались козлики, овечки,
Верблюдики и петушки.

Бросали дети мне объедки,
Искусство жалкое ценя,
И в яму, как на зверя в клетке,
Смотрели сверху на меня.

Прислав сердечную тревогу,
Я забывал, что пела мать,
И научился понемногу
Мне чуждый лепет понимать.

Я смутно жил, но во спасенье
Души, изнывшей в полусне,
К а к м и м о л е т н о е
в и д е н ь е,
Опять явилась Муза мне,

И лестницу мне опустила,
И вывела на белый свет,
И леньность сердца мне простила,
Пусть хоть теперь, на склоне лет.

* * *

Тот жил и умер, та жила
И умерла, и эти жили
И умерли; к одной могиле
Другая плотно прилегла.

Земля прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мертвой пыли
Горит печать добра и зла.

Поверх земли мятутся тени
Сошедших в землю поколений;
Им не уйти бы никуда
Из наших рук от самосуда,
Когда б такого же суда
Не ждали мы невесть откуда.

Борис Пастернак

НОЧЬ

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

В пространствах беспредельных
Горят материки.

В подвалах и котельных
Не спят истопники.

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1957»

Вероника Тушнова

* * *

Сто часов счастья...
Разве этого мало?
Я его, как песок золотой,
намывала,
собирала любовно, неутомимо,
по крупнице, по капле,
по искре, по блестянке,
создавала его из тумана и дыма,
принимала в подарок
от каждой звезды и березки...
Сколько дней проводила
за счастьем в погоне
на продрогшем перроне,
в гремящем вагоне,
в час отлета его настигала
на аэродроме,
обнимала его,
согревала
в нетопленном доме.

Ворожила над ним, колдовала...
Случалось, бывало,
что из горького горя
я счастье свое добывала.
Это зря говорится,
что надо счастливым родиться.
Нужно только, чтоб сердце
не стыдилось над счастьем трудиться,
чтобы не было сердце
лениво, спесиво,
чтоб за малую малость
оно говорило «спасибо».

Сто часов счастья,
чистейшего, без обмана...
Сто часов счастья!
Разве этого мало?

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1962»

Александр Кочетков

БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ

Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями —
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольется пламенной смолой.

— Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь нераздвоимы,—
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду,
Ты понесешь с собой, любимый,—
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

— Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
— За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба — я и ты.

— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного,—
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, млечный дым?

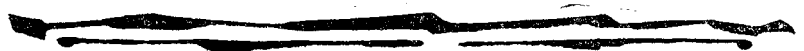
— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном, —
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.

Нечеловеческая сила,
В одной давилъне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них,—
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг.

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1966»

Лариса Тараканова

* * *

Летела бабочка на свет,
Как много раз ее подруги
Летали друг за другом вслед
И в изумленье, и в испуге.

Мы плотно заперли окно,
Своими заняты делами,

Она — летала все равно,
Стекло царапала крылами.

Наверное, как я и ты,
К минуте двигаясь конечной,
Она боялась темноты
Всепоглощающей и вечной.

Дина Терещенко

* * *

А мне б еще десятилетье!
Еще бы чуточку снегов...
Но на запястьях браслеты
звонят в пятьсот колоколов.
Звонят, звонят, напоминают, —
пора, пора тебе, пора.
А где-то астры доцветают,
а где-то в тропиках жара.
А где-то, где-то грозы хлынут
в немытое с весны стекло.
А где-то синеею польнюю
в степях запахло и ушло.
А где-то женщина, похожа
(мы — две слезинки) на меня.

Ей, как и мне, быть может, тоже
колокола звонят.
О как спасти ее, утешить!
Не знаю адреса ее.
Послать бы в сердце ей депешу
от сердца своего.
Пускай она, быть может, мается —
и все-таки пускай живет.
Пускай к душе не прикасается
последний лед. Последний лед.
И мне б еще десятилетье,
еще бы чуточку снегов.
Но на запястьях браслеты
звонят в пятьсот колоколов...

КОМЕТА

Как долгод путь кометы,
как скор ее полет.
И вот на землю где-то
осколок упадет.

Зачем же ты летела?
Летела, чтоб сгореть?
— На землю захотела.
На людях умереть!

Николай Тряпкин

СКАЗ

Ты гуляй не гуляй, ветер северный,
По Руси по великой по северной!
Всех снегов по Двине ты не выметешь,
Всех деревьев по Суре ты не выломишь.

Не пошлешь всех волков ты на скотники!
Не забудешь всех костров у охотников!
И всех ног вдоль дорог, под буранами,
Не обставишь седыми курганами!

А мой-то и вовсе легошеньки,
Потому что голым-то голешеньки!

Только ягель в опорки подкладывай,
Только хлеба на завтра загадывай.

Ты же дуй и колдуй, ветер северный,
По Руси по великой по северной!
Поплывем Лукоморьями пьяными
Да гульнем островами Буянами.

И за что я — зеленый некошенный,
Может, здесь покачнусь, запорошенный,
Завалюсь, не живой и не узанный,
Вот такой-рассякой, необузданный?

ДРУЗЬЯМ

Г. Горностаеву

... Дымок заречный,
Ветер встречный,
Зеленый день, зеленый зной...

Мы не обижены, конечно,
И не обласканы судьбой.

Друзья по возрасту, по силам,
Друзья по песням заревым!
Не жаль, что лето наступило,
А жаль, что молодость не с ним.

Какие сношены шинели!
Какие свалены дубы!
А мы, поэты,
Еле-еле
Ступаем в мир своей судьбы.

Мы горячи в любом сраженье,
Поспорим с мастером любим —

И своего же вдохновенья
Средь общих дел не отличим.

Или в заоблачных высотах
Робеет сокол молодой?
Или его и вправду кто-то
За лапку водит бечевой?

Или нельзя уже иначе:
Подхватит ветер, пропадем?..
В каких заплачках мы проплачем?
В каких былинах пропоем?..

Какие версты пролетели!
Какие радуги зажглись!
А мы, поэты,
Еле-еле
В свою дорогу,
Собрались.

Герман Флоров

ПРОВОДА

А проводам — летящим — слава.
Они — у ветра на груди —
Как богатырская застава,—
Чуть в стороне
И — впереди.
В далеком дне
И в близком то же,
В долине той, у тех высот,
Где, как в мороз
                                ожог на коже,
Монтажный рокот ЛЭП-500.
В рождающемся новом лике —

Уже как прядка седины,
В тайге завьюженной и дикой —
Две жарких жизни —
Две струны.
Да, слава проводам, летящим
От тех высоких берегов,
Где гул турбин животворящий
Включает лампочки жарков.
И все, конечно, только повод
Услышать, как в дали другой,
Светло журча, промчится провод
Над новой жизнью и тайгой.

Владимир Федоров

ВОЛЖАНКА

Звенят трамваи спозаранку,
А ты стоишь у самых круч,
Седая милая волжанка
С глазами ясными, как ключ.

Гремели грозные раскаты,
Шел в бой отец за нашу власть.
Под гром пальбы в тревожном пятом
Отзывчивой ты родилась.

В лицо тебе метель хлестала,
Спалила молния твой дом,
А ты еще щедрее стала,
Сдержав в груди соленый ком.

Ах, юной зелени кипенье!
Ты молча у себя спроси:

Где мера твоему терпенью?
И есть ли мера на Руси?

И порешила в год тяжелый:
«Теперь всем сиротам я мать!»
Война стучалась в окна школы,
Чтоб самых лучших отнимать.

Гремели грозные раскаты,
Твои ребята шли в штыки.
Зовут поныне мамой Катей
Усатые фронтовики.

Звенят трамваи спозаранку,
А ты стоишь у самых круч,
Седая милая волжанка
С глазами ясными, как ключ.

Яков Хелемский

* * *

Не смей от меня отвыкать.
Я был. Обязательно буду.
Ты слышишь? К тебе отовсюду
Взываю опять и опять:
— Не смей от меня отвыкать!

Не смей отвыкать от меня.
Когда возникает разлука,
Мой голос доносится глухо,
Но полон тоски и огня:
— Не смей отвыкать от меня!

Не смей от меня отвыкать,
Встречать холодком отчужденья,

Не рви сокровенные звенья,
Которые трудно смыкать.
Не смей от меня отвыкать!

Не смей отвыкать от меня.
Ты помнишь ли заповедь эту?
Я много бродяжил по свету,
Но не был в отлучке и дня.
Не смей отвыкать от меня!

Не смей от меня отвыкать.
Не будь и работою привычки,
Но знай — мы всегда в переклещке,
Навеки друг другу под стать.
Не смей от меня отвыкать!

* * *

Вставай же, Всеволод, и всем володай...
Э. Багрицкий

В дому деревянном, продутом насквозь,
Под кунцевской временной сенью,
Над мальчиком спящим оно родилось,
Осеннее стихотворенье.

Полночные тени покинули дом,
Развеялся дым папиросный,
И день, проступивший за синим окном,
Над Сетунью высветлил сосны.

«Вставай же, Всеволод, и всем володай...»—
Шептал, задыхаясь, Багрицкий.
Не знал он, что кровью сыновней Валдай
В завьюженный день обагрится.

Что мальчик, не чуждый искусству отца,
В разгаре надежд и попыток,
Получит в каптерке одежду бойца
Под грохот окрестных зениток.

«Вставай же, Всеволод!»
Сверкает восход
Над микрорайоном весенним.
Наследник встает и неслышно идет
Навстречу земным володеням.

Он в сумке походной бессмертье само
Несет по знакомой дороге —
Свое неотправленное письмо,
Стихов недописанных строки.

На месте снесенных недавно халуп,
Среди небоскребов и сосен,
Он ищет флогарку, бревенчатый сруб,
Младенчества давнюю осень.

Неправда, что сломан смородины куст,
Что дом деревянный разобран.

Он светится снова, он вовсе не пуст,
Живой, по-отечески добрый.

Солдат — у калитки. Он кличет отца.
И сорокалетний родитель
Под щебет малиновок сходит с крыльца,
Как признанный кунцевский житель.

Тепло, одолевшее козни зимы,
Победно врывается в бронхи.
И нет ни больницы, ни астмы, ни тьмы,
Ни той фронтовой похоронки...

Друг друга обняв (им встречаться и впредь!),
Стоят Эдуард и Всеволод.
Отец, хоть и сед, не успел постареть,
А сын окончательно молод.

Александр Челноков

* * *

Стою у железной ограды,
Ограда немислима тут —
Пройдут сквозь нее листопады,
Дожди сквозь ограду пройдут.

Кусочек земли сокровенной,
Где ты успокоилась, мать,

Нельзя оградить от вселенной,
У вешнего солнца отнять.

Травинка пробьется: — Не надо
Печалиться больше... Держись!..
За этой могильной оградой
Моя продолжается жизнь.

Андрей Чернов

* * *

За то, что была на другую похожа,
Когда-то, случайно, всего один раз,
Влюбляются тоже и сходятся тоже,
И даже причины не помнят подчас.

И только однажды, в дороге тревожной,
Вдруг вспыхнет, как свет под трамвайной дугой,
Что жизнь была только лишь слепком
с возможной,
Похожей на эту, но все же другой.

В СКВЕРЕ

Вот лежит он из-за лишней крошки.
Неудачник. Сорванец. Плебей.
Вор подбитый. Серый воробей.
Перья врозь — он ждет прихода кошки.

Форма воробья как раз такая,
Чтобы глубже лечь в моей горсти,
Клюв — чтобы потом сказать: пусть!
Крылья — чтоб ударить, улетаю.

Галина Чистякова

«АННУШКА»

Гордости, конечно, не скрываю,
Что в великом городе живу.
Только жаль, перевелись трамваи,
Что возили через всю Москву.

Как он не похож, блестящий этот,
На нелепый дребезжащий тот!
Засыпаю у «Дворца Советов»,
Будит мать у «Яузских ворот».

Свеженькие пахнущие стружки
Мы в вагоне бережно везли,
Стружки, что спасали нас от стужи,
Жаль, от голодухи не могли!

Стружки так стремительно горели!
На машинке зингеровской мать
Шила гимнастерки и шинели
По ночам. А мне велела спать.

Я спала. И столько хлеба было
В этих снах! — бери, да не зевай!
Я и по сегодня не забыла
«Аннушку» — спасительный трамвай!

Может быть, сочтут любовью странной
Мой трамвай, умчавшийся в зарю.
...Маму тоже звали Анной...
Вот об этом я и говорю.

Олег Чухонцев

* * *

...и дверь впотьмах привычную толкнул —
а там и свет чужой, и странный гул —
куда я? где? — и с дикою догадкой
застолье оглядел невдалеке,
попятился — и щелкнуло в замке.
И вот стою. И ручка под лопаткой.

А рядом шум и гости за столом.
И подошел отец, сказал: — Пойдем.
Сюда, куда пришел, не опоздаешь.
Здесь все свои. — И место указал.
— Но ты же умер! — я ему сказал.
А он: — Не говори, чего не знаешь.

Он сел, и я окинул стол с вином,
где круглый лук сочился в заливном
и маслянился мозговой горошек,
и мысль пронзила: это скорбный сход,
когда я увидал блины и мед
и холодец из пороссячьих ножек.

Они сидели как одна семья,
в одних летах, отцы и сыновья,
и я узнал их, внове узнавая,
и вздрогнул, и стакан застыл в руке:
я мать свою увидел в уголке,
она мне улыбнулась как живая.

В углу, с железной миской как всегда,
она сидела, странно молода,
и улыбалась про себя, но пятна

в подглазьях проступали все ясней,
как будто жить грозило ей — а ей
так не хотелось уходить обратно.

И я сказал: — Не ты со мной сейчас,
не вы со мной, но помысел о вас.
Но я приду — и ты, отец, вернешься
под этот свет, и ты вернешься, мать!
— Не говори, чего не можешь знать, —
услышал я, — узнаешь — содрогнешься.

И встали все, подняв на посошок.
И я хотел подняться, но не мог,
хотел, хотел — но двери распахнулись,
как в лифте, распахнулись и сошлись,
и то ли вниз куда-то, то ли ввысь,
быстрей, быстрей — и слезы навернулись.

И всех как смыло. Всех до одного.
Глаза поднял — а рядом никого,
ни матери с отцом, ни поминанья,
лишь я один, да жизнь моя при мне,
да острый холодок на самом дне —
сознание смерти или смерть сознанья.

И прожитому я подвел черту,
жизнь разделив на эту и на ту,
и полужизни опыт подытожил:
та жизнь была беспечна и легка,
легка, беспечна, молода, горька,
а в этой жизни я еще не прожил.

Феликс Чуев

* * *

Катер плыл по Уссури,
азиатской реке,
в пробиваемой хмури,
в скоростном ветерке.

Берег охрой-тайгою
повороты казал.
— Вот целуются двое,
ну а любят? —
сказал.

Молчаливый и добрый,
улыбнулся: — Курнем? —
И на палубе мокрой
мы стояли вдвоем.

— А во что же мы верим? —
он вздохнул веселей,
и с прищуром:
— Наверно,
в землю,
в лучших людей.
Будут сердце и слава
на одной высоте...

И прожектор заставы
нас узнал в темноте.

Вот и светятся в хмури
на стремнине души
катерок вдоль Уссури
и Василий Шукшин.

Варлам Шаламов

* * *

Московская толчея —
Природа особого рода,
Она и моя и ничья,
Особого рода свобода.

Она — синоним тишины:
Как будто лечебной рукою

В жилы мои введены
Микроэлементы покоя.

Московская толчея —
Морскому прибору подобна,
Она и моя и ничья
И очень для жизни удобна.

* * *

Дождь редкий, точный, вертикальный,
Как будто в небе есть отвес
И старый мастер в час прощальный
Сливает капельки с небес.

Земле он перпендикулярен
И растекается не вдруг,
Описывая на бульваре
Почти что совершенный круг.

И в каждом жесте, в каждой точке
Вплоть до кленового листа
Геометрическая точность
Или Эвклида простота.

Екатерина Шевелева

В ГОСТЯХ

В гостях заночевала в непогоду я.
За окнами всюду мела метель.
Муж и жена беседовали, — гордые
Спокойствием, дыханием детей.
А я была некрашенная, страшная:
Я непогоде той была верна;
Замерзшая была я, не домашняя,
Не «вписывалась» в светлые тона.

Но постепенно что-то в сердце таяло,
Как будто бы чужой семьи дела
Напоминали: потрудились, старая!
Не зря, пожалуй, на земле жила!
И чудилось, что всех трагедий омуты,
Борьбы величие, размах страстей —
Все ради света этой скромной комнаты,
Родительской беседы, сна детей.

УГОЛОК РОССИИ

Не пальмовый роскошный лес,
Не кружевной прибор —
Березовая роща здесь,
Над речкой голубой.
Рабочий котелок дымит.
Валяется рюкзак.
Изба — старинная на вид,
Закат — в ее глазах.
Цыплячий майский пух куста.
Тумана пелена.

Ненарушима и чиста
Земная тишина.
Стою, не глядя на часы,
Бог знает сколько лет:
Такой невиданной красы
Нигде на свете нет!
И почему-то в горле плач.
И почему-то жаль
Прямых высоковольтных мачт,
Идущих строго вдаль.

Михаил Шлаин

* * *

Дай вам бог! — выходящие замуж
Одинокие вдовы войны.
Ни единая веточка вам уж
Не нашепчет, что вы неверны.
Двадцать лет!.. В среднерусскую Лету
Опускались одно за другим
Лица... Платья... Стеклярусный дым...
Все обеты прошли, все обеты!
Пусть судьба виноватая сладит
Вашу жизнь с уваженьем к летам.
Уж какие тут свадьбы! Без свадеб.
Уж какие тут тайны! Без тайн.
И пускай — с непривычки пьяны —
По-хозяйски смеются супруги
И, участием к вам пронзены,
Не завидуют ваши подруги.
Повенчает вас тихо земля
Из такого простого расчета,

Что вдвоем незаметней зима
И милее по дому забота.
Знаю, крепкою будет семья,
Разговор старомоден и вежлив...
Настоящие ваши мужья
Не ревнуют вас к памяти прежних.
Пожилые они. Старички.
Не способны на задние мысли.
Нацепив роговые очки,
Вместе с вами читают их письма.
Фотографии их изучают.
Долго смотрят на лица ребят.
Не пытаются, ничем не корят.
Ну, а вам вспоминать разрешают.
Да и сами вздохнут в свой черед.
И откуда здесь ревность придет? —
Если первые ваши мужья
Вам годились б теперь в сыновья?

Владимир Шлёнский

НА ПИСКАРЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ

Реквием качался над березами
и кружил над миром, словно снег.
Видел я — смахнул украдкой слезы
старый, незнакомый человек.
Время здесь переплетает тропы,
и в глаза друг другу смотрим мы.

Братские могилы — как сугробы
той далекой, роковой зимы.
Очередь за хлебом спозаранок.
Как снежинка, девочка легка.

Шрамами бегут следы от санок,
полосуют белые снега.
И над разведенными мостами
самолетов ошалевший рев.
Окна перечеркнуты крестами.
Мертвых хоронили без крестов.

Мы стояли под свинцовым небом,
я и тот, кто это пережил.
И старик кусок ржаного хлеба
тихо на могилу положил...

Александр Шпирт

* * *

Он грядущего появленье,
Он сверхновой звезде под стать,
Он четвертое поколенье,
Если первым меня считать.

Дни я счастьем тревожным мечу:
Он — к весне пришел, я — к зиме.
Но спасибо ему за встречу
На прекрасной нашей земле.

Пусть недолгий мне век отпущен,
Но с потомком моим родным
Не расстаться мне и в грядущем —
Где-то рядом мы будем с ним.

Он воспримет мои стремленья,
Он продолжит наш славный путь.
Он, четвертое поколенье,
Станет первым когда-нибудь.

Лев Щеглов

* * *

Великое таинство мира,
Великое чудо Земли —
Гляжу изумленно, как мимо
В коляске его провезли.
Как все непростительно плоско,
Как непоправимо легко,
Как просто сквозь красную соску
Сосет он свое молоко.
Владелец земель и заводов,
Властитель орудий и бомб,
Венец всемогущей природы
С бессмысленно сморщенным лбом...
...Какого огромного роста
Младенцев коляски везут!
Какие огромные соски
Они непрерывно сосут!
Как много им надо игрушек!
Какие вздувают шары!
С какой беззаботностью рушат
В младенческих играх миры!

Людмила Щипахина

КОК-ЧАЙ

Скажи, а ты не пожалел поклона
Тому столу, где этот чай пивал,
Как молоко зеленого дракона
В горячем полнолунии пиал?

И вспомнил ли, что мудрый чаевод,
Пославший ощущение привета,
Добавил в листья — не щепотку света,
А растворил зеленый небосвод?

Как он узнал, что нужен языку
Веселый вкус крепчайшего настоя?

И это ощущение простое,
Одобренное нами на веку?

Отпив глоток, увидел ли на дне
Двух глаз знакомых пристальные тени?
Принес ли благодарность тишине,
Пролившейся на скатерть и колени?

И не забыл ли подсластить уста
Халвой хвалы? И не пришел ли к мысли,
Что жизнь сложна лишь в переносном смысле,
А в основном — прекрасна и проста.

Нина Эскович

ГОРЯЩАЯ ВЕСЬ

Всей воды земной не хватит
погасить хотя б одну
здесь пылающую хату,
здесь, у памяти в плену.

Всех богатств ума и сердца,
горько выложенных здесь,
мало этим погорельцам, —
с ними выгорела весь.

Не ладонь, скорей пригоршня
обессиленной руки —
водоем чуть воду морщит...
Капли свежие редки...
И монетки всех достоинств
тут же стучаются: «Дзинь!»

Словно мир идет, опомнясь,
на огни твои, Хатынь!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Александр Иванов

АЛИ Я НЕ Я?

Окати меня
Алым зноем губ.
Али я тебе
Да совсем не люб?
Борис Примеров

Как теперя я
Что-то сам не свой.
Хошь в носу ширяй,
Хошь в окошко вой.

Эх, печаль-тоска,
Нутряная боль!
Шебаршит мысля:
В деревеньку, что ль?

У меня Москва
Да в печенках вся.
И чего я в ей
Ошиваюся?..

Иссушила кровь
Маета моя.
И не тут я,
И не там я...

Стал кумекать я:
Аль пойтить в собес?
А намедни мне
Голос был с небес:

— Боря, свет ты наш,
Бог тебя спаси,
И на кой ты бес
Стилизуисси?..

Александр Николаев

НЕУДАЧНЫЙ РОМАН

А думать дальше было лень...
Б. Азмадулина, «Дачный роман»

Вот вам роман о прошлом лете.
Начало — явный пустячок:
у нас на даче в туалете
протек какой-то там бачок.

О, для чего, господь, поэтом
меня ты создал?
Целый день
я только думала об этом,
а думать дальше было лень.

К водопроводчику, однако,
пришла любовная хандра,
и он валялся, как собака,
с душой, исполненной добра.

Нет, я не то сказать хотела.
Сравнение было бы верней,
что он, к земле прижавшись телом,
лежал, как сказочный Антей.

В пантомимическом спектакле
вокруг него мы обошли,
мечтая только о Геракле,
чтоб смог поднять его с земли.

Чтоб наши силы не иссякли,
тут пригласил нас на обед
полумифический Иракий,
сосед, литературовед.

О, мне признаться неудобно,
что я пришла в сей славный дом,
но вовсе не соблазн съедобный
весь день владел моим умом,

а мысль про бедного изгоя,
что на сырой земле лежит,
не как звезда с другой звездой,
а сам с собою говорит.

Вот так текла у нас беседа,
пока не принесла обед
жена литературоведа,
сама литературовед.

Она восторженно глядела,
воскликнув:
«Друг мой дорогой!
Зачем же Лермонтов, о Белла,
писал о Бэле о другой?»

Как в этом мире все непрочно,
когда корят нас все подряд!
Я не люблю, когда заочно
моих товарищей корят.

Но все окончилось отлично.
Мы вновь к Антею подошли,
Ираклий и стакан «Столичной»
Антея подняли с земли.

Была полна народу зала,
а кто-то звал меня в Москву.
«Не плачьте, — гордо я сказала, —
теперь и здесь я проживу!»

Потом остались мы втроем:
хозяин, я и управдом.

И мне сказала эта дама,
что любит слесаря, а он
патологически, упрямо
в одну столичную влюблен.

Вот так, столетия подряд,
все влюблены мы невпопад,
и странствуют, не совпадая,
два сердца, сырых две ладьи,
не ямбом слух наш услаждая
в великой горечи любви.

Потом Антей сел между нами
и, указав на дверь рукой,
послал нас всех к какой-то маме,
я не расслышала, к какой.

Виктор Завадский

ВЗВОЛЧЕНИВШИСЬ...

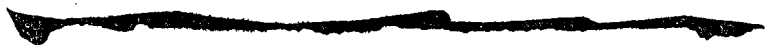
(Иван Лыцов)

Внедрять язык мово села
В людях — проблемка и задачка.
Надысь, кажись, пошли дела,
Намедни — вышла неудачка...

Зато я всех перепугал
Селянским словом самовитым!
Союз писателей дрожал,
Когда я баял, шибист видом:

В нембчыце омміли всклёнь
И в согре вѣтули задрбги,
А слётенью напрбснѣй спѣнь,
Взволчѣнившись, склонѣлся в слоге!..

Вот так тверезый я пишу
И в набруневшем виде тоже.
А квелых слов не выношу.
И вам их выносить — негоже!

В 1969 году «День поэзии» провел анкету «Сегодня и завтра нашей поэзии».

Редколлегия нынешнего выпуска решила снова обратиться к критикам, принявшим участие в том обсуждении, с просьбой прокомментировать и развить свои, семилетней давности, прогнозы и оценки.

Что, с Вашей точки зрения, подтвердилось и что Вы хотели бы сегодня уточнить?

Какие явления в нынешней нашей поэзии представляются Вам наиболее значительными?

Вот ответы, которые мы получили.

Лев Аннинский

В 1969 году я писал, что легкая, подвижная, острая и переменчивая лирика 50-х годов, отодвинутая в 60-е годы на второй план, уже не поднимется.

Писал, что «тяжелые» поэтические волны, отодвинувшие эту легкую лирику, тоже недолго продержатся, потому что «процессы компенсации» в литературе недолговечны, а решит дело — совершенно новый герой.

Писал, что этот новый герой придет в 70-е годы и принесет в поэзию резкую, жесткую, холодную силу.

Первое подтвердилось: кумиры 50-х годов не поднялись. Хотя старались. Сегодня их попытки — или неглубокая поэтическая публицистика, лишенная оригинальной внутренней идеи, или театральное буйство, потерявшее прелесть наива, или, наконец, музейная чистота отрешенного словесного изящества. Все три варианта есть декоративная духовность.

Второе тоже подтвердилось. Лирики «дере-

венской волны» так и не создали нового стиля, который обновил бы поэтическую ситуацию.

Третье — не подтвердилось. Новый герой не пришел в поэзию. Я убежден, я всеми чувствами, всем опытом — *знаю*, что этот жесткий молодой характер есть в реальности. Но в поэзию — не пришел. Юрий Кузнецов — фигура достаточно спорная, и о нем, конечно, спорили бы в ситуации поэтического взрыва; но сегодня о нем не спорят — его, к сожалению, только хвалят.

Характерно и другое: то хлопотливое усердие, с каким самые молодые критики под руководством журнальных «меценатов» стараются организовать «поэтическое поколение» из самых молодых, едва взявших в руки перо стихотворцев. Эти хлопоты — плохой признак: яркие новые творцы никогда не являются в поэзию по приглашению: они в нее вламываются.

От дальнейших прогнозов воздержусь.

Иосиф Гринберг

Прекрасное предложение — вернуться к «прогнозам», высказанным семь лет тому назад, и проверить их точность, меткость в свете сделанного, созданного нашей поэзией за последующие годы!

Что ж, обращаясь к анкетным строкам «Дня поэзии 1969», убеждаешься прежде всего в правоте тех, кто, опираясь на доказательства раз-

личного порядка, отказывался от предсказаний и пророчеств, зная, что поэзия радуется и поражает нас озарениями неожиданными, непредвиденными.

Конечно, бывает так, что и сами раздумья о будущем искусства становятся звеном образного развития, способствуют новым поискам и свершениям. Но так происходит обычно, ког-

да размышления эти оказываются достаточно пронизательными, просторными, свободными от какого-либо догматизма и односторонности. Между тем, как это ни досадно, «футурологические» изыскания семилетней давности в значительной своей части сводились к противопоставлению «любимых» поэтов — «нелюбимым», и конечно же первым был обещан успех и расцвет, вторым — деградация и забвение.

Итак, еще раз подтвердилась малая плодотворность такого «прогнозирования», связанного со склонностью к ограничительным представлениям о возможностях нашей поэзии, да и о нынешнем ее состоянии, нередко характеризующем как «переходное».

Странное дело — даже Ю. Н. Тынянов своей статье о стихах Маяковского и Есенина, Ахматовой и Пастернака, Тихонова и Асеева дал название «Промежуток», хотя в ней характеризовались произведения, ценность которых очевидна и устойчива. Должно быть, по самой природе своей поэзия побуждает нас ожидать от нее нечаянного-негаданного, ощущать обаяние предстоящих открытий. Может быть, это свойство и имел в виду Александр Блок, говоря о *пути*...

Все это так... Однако вместе с предчувствием «завтрашних» стихов нам дана и возможность переживания, осмысления того, что уже стало нашим достоянием сегодня.

Нынешний день... Как растяжимо это понятие! Незадолго до того как оставить нас, Ярослав Смеляков дал нам наглядный урок, составив свой «День России» из стихотворений и о наших соотечественниках, современниках, и о Лумумбе, и о Меншикове, о Петре и Алексее, и о Рихарде Зорге... Вот так же обширен и наш постоянно делящийся день поэзии. Действующие лица его — не только здравствующие, работающие мастера стиха, но и ушедшие из жизни, и те, чьи голоса доносятся через горы времени, нимало не утрачивая своей чистоты, силы, способности рождать ответный отклик... Именно такое восприятие поэтического наследия — живое, непосредственное, отзывчивое — и дает право говорить о верности Пушкину, разумеется исключаяющей какую-либо узость взгляда, предвзятость, недружелюбие ко всему, что не укладывается в заранее приготовленные схемы.

Разумеется, радость обладания накопленными, неподвластными влиянию времени образными ценностями не избавляет нас от заботы об их умножении. Иначе говоря, о «текущих делах» стиха. Не перестает тревожить и обилие рифмованных строк, оказывающихся явлениями «стихосложения», а не поэзии, и замед-

ленное созревание тех, кого будут называть — поколение 70-х годов. Первая из упомянутых забот может считаться постоянной: сколько может окинуть глаз, всегда версификаторы пытались слыть поэтами, и тут решает дело взыскательность и стойкость издательских и журнальных редакций. Что же касается дебютантов — их судьба в собственных руках, — мы же, сочувственные и, как ни трудно, терпеливые читатели, продолжаем внимательно прислушиваться к многоголосому «хору» молодых, надеясь, что в нем будут прорезываться новые и новые «солевые партии».

Своеобразие поэтических дарований позволяет с особенной отчетливостью ощутить общность нынешних поисков нашей поэзии.

Одно из примечательных ее устремлений — потребность познания жизненных глубин. Она побуждает поэтов вводить в свой стих образы сказочные, мифологические.

Николай Рубцов однажды сказал: «Есть какая-то жгучая тайна в этой русской ночной красоте». Он переживает очарование живой таинственности мира, проступающее и в очевидном, доступном глазу, и в подспудном, лишь проблескивающем. И вместе с тем в стихах его — жажда обостренного, драматически-напряженного постижения сокровенных недр бытия...

Она присутствует в творчестве и других поэтов различных поколений и национальностей. В том можно убедиться, обратившись к Морису Чакайсу, с его любовью изображать «странные вечера», когда «ничто не поздно», и «приходит ясность», и «как на карточках, в рамках дверей видят матери сыновей, не пришедших с войны».

Или — к Ивану Драчу, которого ночью посещает удивительная «человекоптица»... «Почему летишь во тьму? Что в гнезде тебе не спится? Сердцем к сердцу моему что так льнешь ты, крошка птица?» — спрашивает поэт, и нетрудно понять, что на этот «вопрос-то простоватый» не так легко найти достойные ответы...

Или — к Леониду Мартынову, доверительно сообщаящему, что у него стоит «в сарае небольшой, но мощный звездолет», готовый перенести нас в «небесный край»...

Или... но достаточно.

О том, как необходима поэзии *сказка*, совсем недавно написали и Владимир Луговской, и Ярослав Смеляков, и Михаил Светлов — поэты, считавшие своим призванием раскрытие реальных противоречий и сложностей и уверенные в том, что волшебная свобода чудесных совмещений и преображений здесь дает прекрасные плоды.

И, точно как и в прежние годы, поэтика ска- зочных представлений и мотивировок, озаря- ющих жизненные пласты, сокрытые от повер- хностного и беглого взора, сегодня входит не только в лирические стихи, но и в многослой- ные, широкоохватные поэмы. Тому свидетель- ство работы Юстинаса Марцинкявичюса, Егора Исаева, Давида Самойлова. Разбирать их, от- вечая на анкету, невозможно. Но можно ска-

зать о том, какую пищу они дают уму и сердцу, как продолжают они, вместе с другими обогащающими нас стихами, постоянное дви- жение поэзии.

Прошлое входит в настоящее, в настоящем рождается будущее. Истины эти хорошо извест- ны. Но строки, еще вчера не существовавшие и вдруг ставшие частью нашего душевного су- ществования, опять и опять обновляют их.

Юрий Идашкин

1. Предложение прокомментировать свои, семилетней давности, прогнозы и оценки меня одновременно удивило и обрадовало. Удивило потому, что у нас в критике как-то не принято всерьез возвращаться к прошедшим дискуссиям, а если это и делается, то с высокомерной снис- ходительностью сегодняшней мудрости к вче- рашней наивности. Обрадовало потому, что ред- коллегия нынешнего «Дня поэзии», вопреки сложившейся практике, которая мне всегда ка- залась неверной, решила вернуться к анкете 1969 года, вызвавшей в свое время много споров, и дать возможность ее участникам выска- зать свое отношение к собственным позициям. Такая публичная защита своей давней точки зрения или, напротив, публичный отказ от нее, по-моему, весьма полезны, ибо способствуют улучшению литературных нравов.

Итак, что же в моих тогдашних оценках пред- ставляется мне верным, подтвержденным жиз- нью и что — неверным, опровергнутым литера- турной практикой истекших семи лет?

Думаю, что высказанное мною тогда мнение об «угасании» той поэзии, которую условились для краткости называть «эстрадной», подтвер- дилось. Сложнее обстоит дело с оценками твор- чества конкретных поэтов. Я не склонен ме- нять свою точку зрения на творчество, напри- мер, А. Вознесенского и Б. Окуджавы. Мне представляется, что сделанное ими за истекшие семь лет не опровергает мои тогдашние оценки. А вот в отношении поэтической работы Б. Ах- мадулиной, Евг. Евтушенко, Р. Рождествен- ского я, как мне теперь думается, был прав да- леко не во всем. Впрочем, это вовсе не означает, что я намерен взять назад свои оценки того пе- риода. Я хочу лишь признать, что реальное поэ- тическое развитие трех этих авторов пошло по пути, который не может быть оценен только в рамках тогдашних моих суждений и прог- нозов.

Так, Евг. Евтушенко расширил тематичес-

кий диапазон своего творчества, его интонации стали более раздумчивыми, хотя не могу не ска- зать, что чисто профессиональный уровень мно- гих его стихов, к сожалению, понизился. А мо- жет быть, это просто стало заметнее, подобно тому как дефекты речи становятся заметнее при обычной ее громкости, нежели при крике. Думаю также, что без достаточных оснований семь лет назад упрекал я Р. Рождественского в «подражании» Маяковскому. Но больше всего «виноват» я перед Б. Ахмадулиной. Нет, я не отказываюсь от основного замечания, высказы- ванного тогда: ей и сегодня можно и нужно поже- лать большего внимания и интереса к актуаль- ным событиям окружающей жизни. Но, требуя большей общественной значимости ее творчес- тва, я недостаточно учитывал индивидуальные особенности таланта поэтессы. И конечно, прав Е. Сидоров, написавший в «Литературной га- зете», что «Ахмадулина выработала свою поэти- ческую систему, и в нее может войти далеко не все из того, что нам хотелось бы там увидеть». Поэзия Б. Ахмадулиной за истекшие годы, не- сомненно, стала и глубже и гражданственнее. Надо только иметь в виду, что поэзия ее ори- ентирована не на сопереживание, а на «со- творчество», и потому читать ее часто трудно, но почти всегда — радостно.

Помнится, после анкеты 1969 года меня упре- кали, в частности, в том, что я положительно оценивал творчество слишком многих «разных» поэтов, что в моем перечне не видно было «кон- цепции», или «тенденции», или еще чего-то та- кого... Перечитываю сейчас этот перечень и по- жилих и молодых, и ныне здравствующих и ушед- ших от нас за эти годы. Нет, ни от одного имени не отказываюсь и думаю, что не разошелся с жизнью.

Что же касается тогдашнего прогноза... Не все поэты, названные мною в числе тех, от кого я ждал наиболее серьезных результатов, оправдали мои надежды. Кто именно не оправ-

дал — уточнять не стану: во-первых, это было бы бестактно, а во-вторых, любой из них находится в расцвете сил и может в ближайшее время сделать то, на что я надеялся еще семь лет назад.

2. Теперь о наиболее значительных поэтических явлениях последнего времени.

Я не думаю, что есть смысл снова называть имена. Но вовсе не потому, что опасаясь «Дня поэзии» 1983 года, где придется что-то уточнить и от чего-то отказываться. Мне представляется, что за эти годы не появились такие значительные явления, которые стоило бы «пер-

сонифицировать». Другими словами, реализация предсказания А. Тарковского и С. Наровчатова о появлении гения, подобного Пушкину, откладывается, вероятно, еще лет на пять.

Но если говорить о наиболее значительных явлениях, присущих всей современной советской поэзии, то их я кратко охарактеризовал бы так: заметное повышение гражданской ответственности, углубление философского начала, дальнейшее развитие творческих индивидуальностей, несомненный рост общего уровня профессионального мастерства.

Вадим Кожинов

Семь лет назад спор шел в основном между приверженцами так называемой эстрадной поэзии и сторонниками классических традиций. Мне представлялось тогда, как и теперь, что спор этот имеет ложное основание, ибо «эстрадную поэзию» — одну из форм стихотворной беллетристики — нужно судить по ее собственным законам (недавно это продемонстрировал Вяч. Куприянов в статье «Поэзия в свете информационного взрыва» — «Вопросы литературы», 1974, № 10), принципиально отличающимся от законов поэзии как таковой.

Я писал тогда, что и в период расцвета эстрадной поэзии «продолжалось гораздо менее заметное «серьезное» поэтическое дело». Хочу привести здесь замечательное стихотворение Владимира Соколова, созданное во времена «взлета» эстрады, в 1959 году, — стихотворение, которое не затеряется на фоне русской поэзии XX века в целом:

Паровик. Гудок его глухой.
Ночь. Платформа. Думы об одном.
Снег метался, тонкий и сухой,
Над железнодорожным полотном,

Извивался в свете фонаря,
Шел в порывах. Дрогнул паровик,
Белый дым, волнуясь и пари,
Снизу вверх окутал мост на миг.

Мост был выгнут через полотно,
Кто-то шел по этому мосту.
Шел незримо в клубах дыма, но
Сбоку луч вонзился в темпоту.

И на дым летучий, на ничто
Пала человеческая тень.
Тень людская: кепка и пальто.
Дым качнулся, свет умчался в темь,

Паровик прогрохал под мостом,
Электричка встречная прошла.
И исчезла в воздухе пустом
Тень, что дымом поймана была.

Я не знал, что делать мне с тоской
О часах текущих... А кругом
Снег метался, тонкий и сухой,
Задыхался и бежал бегом.

Только я запомнил не его.
Свет, и дым, и чью-то тень навек.
И не знал об этом ничего
Тот, мостом прошедший, человек.

«Эстрадная поэзия», как говорится, приходит и уходит, а такие стихи остаются. Впрочем, уже и семь лет назад было более или менее ясно, что «эстрадная поэзия» (об этом говорили да же и ее приверженцы) находится в упадке; ныне это вполне очевидно. С другой стороны, я писал тогда, что для множества пишущих стихи «классический стиль — это своего рода ступенька эскалатора, утвердившись на которой они рассчитывают легко подняться к вершинам поэзии». К сожалению, этот прогноз оправдался. Сейчас сплошным потоком публикуются «добротные» стихи «классического» склада, слегка усложненного теми или иными приметами поэзии XX века, — но стихи явно пустые и безжизненные.

Что ж, значит, сегодняшнее положение в поэзии оставляет желать лучшего? Думаю, это не так. Во-первых, в творческом сознании и поэтов, и критиков, и читателей все прочнее утверждается *объективное* представление об истинных поэтических ценностях. Приведенные стихи Владимира Соколова в 1959 году, по сути дела, вообще не могли быть «замечены»; в 1969 году их могли оценить немногие; ныне же настал их черед.

Именно за последние годы была действительно воспринята уникальная по своей художественной подлинности поэзия Николая Рубцова. Еще совсем недавно эта поэзия была прежде всего знаменем одного определенного направления (так называемой «деревенской поэзии»). Теперь же она воспринимается как всеобщее достояние. Так, на вечере памяти Николая Рубцова, состоявшемся в январе 1976 года, о нем в самом высоком плане говорили самые разные по своему «направлению» писатели — Евтушенко и Передерев, Ю. Кузнецов и Межиров, Битов и Шириков и т. д.

Именно за последние годы обрели настоящее признание такие поэты, как Н. Тряпкин и Ф. Сухов, Д. Самойлов и Вл. Соколов, С. Куняев и В. Казанцев, — поэты, которые сейчас работают очень плодотворно.

Наконец, нельзя не сказать здесь о поэзии Юрия Кузнецова. В анкете 1969 года, пытаюсь объяснить отсутствие новых, молодых голосов в поэзии, я высказал предположение: «Может быть, сегодняшние молодые поэты создают стихи настолько новые и необычные, что печатать их еще не пришло время». Это вполне можно отнести к поэзии Юрия Кузнецова. Он сложился как поэт к середине 1960-х годов, но до выхода книги «Во мне и рядом — даль» (1974) стихи его почти не публиковались. Ему не пришлось походить в молодых поэтах, поскольку в книге он предстал уже как безусловно зрелый художник.

Стихи Юрия Кузнецова в самом деле проникнуты новизной, — только не той поверхностной модной новизной, которая быстро становится старомодной, но глубинной, коренной новизной, которая даже не сразу осознается, хотя сразу ощущается. Именно поэтому стихи Ю. Кузнецова при первом соприкосновении с ними обычно вызывают некое чувство сопротивления (так было и со мной).

Думаю, что существенная новизна — конечно, та новизна, которая помнит весь путь культуры, — поистине необходима сегодня для дальнейшего движения поэзии. В особенности это относится к молодым поэтам.

За последнее время в печати появились (это связано, в частности, с недавними Всесоюзным и Московским совещаниями молодых писателей) десятки новых имен. Но в подавляющем своем большинстве стихи, подписанные этими именами, слишком «литературны». Они исходят не столько из жизни и, с другой стороны, из вековых пластов художественной культуры, сколько

из непосредственно предшествующей им поэзии — поэзии последнего двадцатилетия.

В течение этих двадцати лет поэзия развивалась очень интенсивно, в разных направлениях и имела более или менее тесные связи с жизнью. Это еще не значит, что в этот период были созданы выдающиеся поэтические ценности; на мой взгляд, высоких достижений не так уж много, и, кроме того, они до сих пор еще не заняли в общем мнении подобающего им места. Я говорю лишь о том, что в поэзии этих лет были реальные страсти, искания, сдвиги. Даже ее поражения имели жизненный смысл и значение.

Между тем стихи современных молодых авторов сплошь и рядом почти лишены жизненных корней, почти целиком исходят из поэзии предшественников. Я не хочу сказать, что молодые авторы выступают как прямые подражатели или эпигоны того или иного поэта; такого рода эпигонство слишком бросается в глаза, и стихи, им отмеченные, нелегко опубликовать. Речь идет об эпигонстве по отношению к предшествующей поэзии вообще, в целом.

Сегодняшнюю ситуацию в молодой поэзии можно сравнить (памятуя, что любое сравнение односторонне и отнюдь не означает тождества) с ситуацией конца 1920-х годов.

В то время, между прочим, также издавался своего рода «День поэзии» — альманах Всероссийского союза поэтов «Новые стихи», в котором печатались главным образом молодые авторы. Вот, скажем, выпуск этого альманаха за 1927 год. В нем около пятидесяти имен, и почти все стихи предстают как явно эпигонские по отношению к поэзии конца 1900-х — начала 1920-х годов. За редчайшими исключениями, имена авторов ничего нам сегодня не говорят. Предшествующая бурно развивавшаяся поэзия словно задавила их, они так и не смогли создать ничего своего. Но на рубеже 1920—1930-х годов выступил ряд поэтов, которые в том или ином плане преодолели власть предшествующей поэзии, начали как бы заново, исходя, в частности, из сырого материала жизни, — Заболоцкий, Прокофьев, Павел Васильев, Смеляков, Твардовский. Только благодаря этому поэзия двинулась вперед.

Как мне представляется, примерно та же задача стоит и перед нынешними молодыми поэтами: начать как бы заново, освободившись из-под власти стихотворной культуры предшествующего двадцатилетия.

1. Составители «Дня поэзии 1969» в своей анкете поставили два вопроса, один из которых был сформулирован так: «В каком направлении будет, на Ваш взгляд, развиваться поэзия 70-х годов и от кого из поэтов Вы ждете наиболее серьезных результатов?»

Отвечая на этот вопрос, я высказал, в частности, и такое мнение: «В осмысленном стремлении обрести цельность мы вновь будем обращаться к Пушкину, и вовсе не потому, что он величайший поэт. Для нас Пушкин не просто поэт... *Пушкин — это наша античность*».

Жанр анкеты не предполагает обоснованных ответов (анкета лишь выявляет мнение), а потому я был немало удивлен, когда вдруг мне, а точнее, моему мнению начали активно возражать. И многих почему-то не устроила именно фраза: «*Пушкин — это наша античность*». Так, В. Огнев стал вдруг меня обвинять в том, что я ратую за «золотые сны поэзии». Еще определеннее высказался Ал. Михайлов: «Но дело в том, что критик при этом отдаляет от нас поэзию Пушкина, уподобляя ее античности, определяя ее значение эстетическими и абстрактно-гуманистическими категориями и полностью игнорируя гражданский пафос, вознесший поэта на вершину общественной жизни России».

Но при чем тут «золотые сны поэзии», при чем тут «абстрактно-гуманистические категории», если я даже ни полсловом о них не сбормылся. Я готов все здесь списать на недоразумение, однако недоразумение отнюдь не случайное, а вполне закономерное, ибо оно обусловлено слишком неодинаковым пониманием нами исторического процесса и слишком неодинаковым его толкованием. И в этом мнении я особенно укрепился, когда прочитал статью А. Туркова «Ясности ради» («Вопросы литературы», 1971, № 2).

«Во всяком случае, — писал А. Турков, — представление о Пушкине как о некоем беспечальном эллине, наслаждающемся «звуками сладкими и молитвами», — старо, нелепо и странно».

Абсолютно с этим согласен. Только не менее «старо, нелепо и странно» видеть в каждом эллине «некоего беспечального» человека. Неужели совершенно беспримерная по своему напряжению работа философской мысли античного мира свидетельствует лишь о беспечности самих эллинов? Или же в пользу того что-либо

говорит, к примеру, трагическая судьба Сократа?

Признаюсь, я тогда надеялся (и, как выяснилось, весьма опрометчиво) все же на большее понимание. Для меня античность — это прежде всего напряженнейшая духовная и умственная жизнь гениального народа древности, давшего всему и все начала; та корневая система, на которой затем произросла вся общеевропейская культура; и, говоря, что Пушкин это наша античность, я подразумевал всеначалие Пушкина (о чем, кстати, в свое время говорил и Достоевский).

Да, в духовном наследии античности и в поэзии Пушкина присутствуют и «золотые сны», однако гармония античной культуры и пушкинской поэзии как раз и определяется удивительной соразмерностью всех составляющих частей, поэтому сводить поэзию Пушкина или духовное наследие античности лишь к «золотым снам» или вообще к чему-то единичному — значит исказить главный смысл того и другого. И уж тем более не следует, при всей нашей любви к Пушкину, как-то «поднимать» его за счет античности.

Отвечая на тот же вопрос, я еще сказал: «Памятуя, что поэзия предпочитает дружить с молодостью, и учитывая пугающую статистику средней продолжительности жизни крупных поэтов, я не возьмусь связывать «серьезные результаты» будущего с конкретными именами ныне работающих поэтов».

Распространяя свой ответ дальше, я упомянул имя только одного современного поэта — Николая Рубцова. К великому и не только моему огорчению, оговорка эта оказалась не напрасной. Таковы мои уточнения сказанному раньше.

2. В своей статье о последнем сборнике Б. Ахмадулиной Е. Сидоров писал о поэтессе: «Она последовательно отстаивает достоинство русского гармонического стиха. С ранней юности Ахмадулина верна его культуре...»

И если говорить о явлениях последних лет, на чем настаивает нынешняя наша анкета, то, на мой взгляд, дело здесь не столько в отдельных именах (хотя тут, по-моему, уместно упомянуть имя молодого поэта Юрия Кузнецова), сколько в тех критериях, что устанавливаются нынче в нашей литературной практике: «Достоинство русского гармонического стиха...», «Верность его культуре...» Это уже не произвольные критерии, когда и недостатки могут

порой выглядеть достоинствами, это уже стремление к синтезу, которое свидетельствует не только о философской зрелости нынешней критики, но и каких-то глубоких положительных сдвигах в духовной жизни народа. И я не случайно вновь возобновил разговор о Пушкине, значение которого в нашей духовной жизни возрастает с каждым годом. Нынче, кажется, никакие тиражи произведений Пушкина не могут удовлетворить читательского спроса на его произведения. Пушкин сейчас самый читаемый поэт. Авторитет Пушкина вновь стал высшим поэтическим авторитетом. И не только поэтическим. На мой взгляд, это самое значительное явление в нашей духовной жизни последних лет, и именно с ним связано другое важное явление, о котором я говорил раньше, — это истинность и универсальность эстетических критериев, что стали вырабатываться в последние годы.

В самом начале нынешнего десятилетия Лев Аннинский высказал такое предположение: «Похоже, что тишина в нашей поэзии кончается». На что я тогда ответил статьей, название кото-

рой говорило весьма откровенно о ее направленности, — «Шума» не будет». Видимо, теперь Л. Аннинский со мной согласится, что мой «прогноз» оказался более верным, хотя, возможно, из положения, что *шума* не состоялось, он делает логический вывод: не состоялись и *явления*. С этим я позволю себе заранее не согласиться, поскольку многие книги последних лет поэтов среднего и старшего поколений являются настоящим поэтическим событием наших дней, пусть некоторые включенные в эти книги стихи и принадлежат дням отдаленным.

Но об одном *явлении*, принадлежащем нашим 70-м годам, конкретном *явлении*, я бы все-таки хотел сказать, не прикрываясь словами «многие» или «некоторые». Я имею в виду опубликованную в нынешнем году поэму Егора Исаева «Даль памяти». Анкета не предполагает подробного разговора, поэтому я здесь и ограничиваюсь лишь констатацией факта, пусть очевидного только для меня. На то она и анкета, и в этом ее преимущество перед другими жанрами.

Станислав Лесневский

В живом движении поэзии нет, мне кажется, стены между «серьезной» поэзией и «эстрадной», между «беллетристической» и «высоким искусством». Да и понять пути развития поэзии невозможно, если пренебречь ее исторически конкретным своеобразием.

Помимо прочего, есть силовые линии, порой естественные, а порой и непостижимо связывающие явления поэзии.

К поэзии Бориса Пастернака, например, разными путями шли и Андрей Вознесенский, и Владимир Соколов, и Олег Чухонцев.

Вне явления поэзии Александра Твардовского, я уверен, нельзя ощутить широкого магнитного поля, в котором становились собой и Николай Тряпкин, и Егор Исаев, и Владимир Соколов, и Евгений Евтушенко, и Николай Рубцов, и Анатолий Жигулин. В поэзии всегда есть лучи всепроникающие.

50—60-е годы создали новую ситуацию во взаимоотношениях между поэтом и читателем. И эта ситуация в основе сохраняется, причем не только для тех, кто может собрать на свой вечер Дворец спорта. Она сказывается вообще на отношении читателя к книгам поэтов, вовсе не «эстрадных», но имеющих солидную, еще не изученную аудиторию. Есть устойчивый ореол такого признания вокруг совершенно разных поэтов.

Исследование могло бы показать, что 50—60-е годы в поэзии проложили дорогу проблематике следующего десятилетия. Без огромной работы 50—60-х не было бы ни нынешней поэзии, ни споров о ней.

При несходстве мнений мы говорили в 1969 году о переломе в поэзии. И вот, как все понижают, этот перелом вполне обозначил себя. А мы — опять на пороге нового.

Мы тогда оглядывались на миновавшее десятилетие: середина 50-х — середина 60-х. Десятилетие — не просто «круглая» цифра; пронизателен, я думаю, Б. Эйхенбаум, именовавший это число «сакральным» и полагавший, что столько времени отпускает история для самоопределения одному поэтическому поколению, одной поэтической «волне». Но «десятилетия» поэзии не совпадают с календарными; это обстоятельство было отмечено мною, как и другими критиками, в ответе на анкету 1969 года.

Мы тогда были «внутри» периода: страсти кипели. Сейчас, можно сказать, позади и следующее десятилетие: середина 60-х — середина 70-х.

Трудно рассуждать о том, что резко не обозначилось. В середине 60-х полемически выявились две «противоборствующие» тенденции, относящиеся к двум разным периодам. Взаимо-

действие этих тенденций, этих течений дало общую картину следующего десятилетия вплоть до наших дней. А сегодня... новые «веяния» еще отчетливо не заметны, хотя прежние успели заявить о себе во весь голос. Момент для ответа по-своему более сложный, чем семь лет назад.

Кроме того, «ни один крупный поэт своей судьбой не повторяет календарные сетки», и, «фразмышляя о логике десятилетия в поэзии», мы видим в первую очередь «характерное», а не «ценное». Об этом напомнил в 1969 году Л. Аннинский; сходные мысли были у Ст. Рассадина, Евг. Сидорова. И «специфический угол зрения» заметно подвел участников тогдашней анкеты. Формулировались тенденции, веяния, позиции. Спорили, как И. Гринберг, «о широких устремлениях». Защитники одного «устремления» отрицали другое, «противоположное». Поэтические индивидуальности волей-неволей рассматривались суммарно, а нередко распределялись на «своих» и «чужих».

Анкета есть анкета. В анкетном, статистическом подходе есть свой смысл. Не упускаем ли мы при этом что-то важное? Это станет понятным лет через десять. Например, «устремление» охарактеризовали верно, а поэта... не заметили.

Эти опасения и упреки я обращаю также к себе. Увы, я не могу повторить вслед за Станиславом Куняевым: «горжусь, что был рационален».

Сложность, на мой взгляд, заключается в том, что «синтеза» не дало нам ни одно из последних десятилетий, ни одно из «веяний». Но не только в этом дело; защитники и того и другого периода развития поэзии обладали — каждый — своими запасами иллюзий.

Александр Михайлов

По сути дела, мне нечего добавить к тому, что было сказано в «Дне поэзии 1969». Времени прошло немного, достаточных мотивов изменить или даже откорректировать свои тогдашние суждения и оценки не возникло. Тут, как говорится, я стою на своем.

Второй вопрос сформулирован так, что позволяет варьировать ответ: говорить и о тенденциях и о конкретных явлениях поэзии 70-х годов. В самых общих словах можно сказать, что поэзия сегодня продолжает развивать тенденции, возникшие в ней десятилетие назад. Именно тогда, к середине 60-х, обозначился поворот поэзии к исходности, к традициям,

«Громкая» поэзия — витийственная, учительная, тезисная. В ней социальность выступает открыто. Перелом к «тихой» поэзии был воспринят мной, да и не только мной, как снижение «активной тенденции». Может быть, это и не так. Скорее всего, что не так. Ибо в своих лучших образцах «тихая» лирика развивает духовную активность — «самую жгучую, самую смертную связь» с жизнью.

Много сказано о «возвращении» к классическим традициям, к «гармонии» великого русского стиха. «Взрыв» интереса к классике был подготовлен, на мой взгляд, и творчеством Сергея Наровчатова, Евгения Винокурова, Давида Самойлова и других, отнюдь не «тихих» поэтов, отстаивающих традиции наследия. Легко и просто «вернуться» было только эпигонам. Серьезные поэты шли к традициям через современность: «Волной воздушной и стих задело». Вот почему в стихах Николая Рубцова, Владимира Соколова, Николая Тряпкина, Федора Сухова, Николая Старшинова, Сергея Дрофенко, Анатолия Жигулина, Василия Казанцева, Станислава Куняева, Алексея Прасолова я слышу «подземный гул» нашего грозного и великого XX века.

Глубокая и неподдельная лирика Николая Рубцова останется, быть может, как наиболее значительное явление русской поэзии наших дней.

Рядом с ней — и прекрасные стихи Владимира Соколова.

Назову в заключение также имена замечательных поэтов — Арсения Тарковского и Александра Кушнера.

Истинных поэтов объединяет главенствующее — чувство Родины.

к испытанным временем эстетическим ценностям. Тогда же началась продолжающаяся и ныне критическая «кампания» по развенчанию плеяды молодых поэтов 50—60-х годов, тогда же выявилась сила и слабость «деревенского» крыла поэзии, где наряду с талантливыми Н. Рубцовым, А. Жигулиным, О. Фокиной и несколькими другими, органично выразившими мир сельского жителя, появились стихотворцы, утверждавшие принципиальную замкнутость человека в деревенской сфере.

Сложности и противоречия переходного периода вносили немало путаницы в умы поэтов и критиков, делавших торопливые выводы насчет

поэтического ренессанса на сельской ниве. Словом, поворот к традициям, к исходности, отразившей косвенно процесс стабилизации общественной жизни страны, проходил небезболезненно.

Сегодня многие острые углы выравниваются, истинные ценности выявляются более отчетливо, хотя нельзя сказать, что некоторые сопутствующие явления околотературного характера еще не оказываются на поверхности и не принимаются в расчет и даже не выставляются в качестве образцов кое-кем из критиков и поэтов.

Все острее ощущаются проблемы, выдвигаемые НТР как в области психологической, нравственной, так и эстетической. Урбанист Вознесенский, молитвенно склоняющийся перед красотой березы, ночных озер, всей земли нашей, — с одной стороны, и Николай Рубцов, который лишь в сельском покое, на лоне природы ощущал раскрепощение души, оберегал свой сельский приют, как, бывало, Есенин от «железных врагов», — от «вокзального дыма», но в то же время мучительно искал сопряжения двух форм бытия, городской и сельской, — с другой — вот полюсы, которые обозначают нравственные и духовные искания сегодняшней поэзии, хотя, конечно, тематически она далеко не однородна, не сводима к обозначенным выше направлениям.

Попутно скажу, что Н. Рубцов оказал заметное влияние на молодых поэтов 70-х годов, но далеко не все из них правильно поняли противоречивый характер творчества этого весьма одаренного и на редкость органичного поэта. Некоторых завороживала элегическая интонация Рубцова, его ностальгия ухода, прощания. Действительно, неуютно чувствовал себя в скором поезде современности Николай Рубцов, но он не пытался выскочить из него на ходу, искренне стремясь адаптироваться в условиях многолюдья и быстрого движения.

Эпигонское повторение элегических мотивов, как правило, демонстрирует не душевную драму, не противоречия внутреннего развития, а элементарное непонимание происходящего в мире, скудость чувств, консерватизм мышления. К приятию современности, перемен в укладе жизни, вызванных НТР, молодое поколение психологически подготовлено гораздо больше и лучше, чем старшее поколение. И для него естественнее открыться навстречу новому, попытаться художественно осмыслить его, почувст-

вовать новый стиль и ритм жизни, отразить эволюцию характера и весь комплекс духовной и нравственной жизни современника. Но именно на этот путь молодые поэты встают робко и неуверенно.

«Деревенская» лирика 70-х годов дала немало проникновенных стихов о родине, о русской природе, она обострила ощущение «малой» родины, откуда и начинается познание большого мира. Но на этом пороге — в предощущении всей сложности постижения нового и стремительно обновляющегося большого мира — она как бы приостановилась, боясь сделать смелый и решительный шаг вперед.

Отчетливее, слышнее, откровеннее зазвучала городская тема в стихах таких поэтов, как В. Соколов, О. Дмитриев, Г. Горбовский и некоторые другие. В их стихах еще трудно обнаружить урбанизм современного обличья, их городские мотивы прерываются мотивами сельской ностальгии, им, как и всем городским жителям, хочется насытить свой организм кислородом, подышать воздухом полей и лесов родины, но поэзия их в последние годы заметно раздвинула тематические границы, она не чурается острых проблем современности, жизни современного города, центра цивилизации.

Хотелось бы два слова сказать о том, что в 70-е годы вновь вернулись к своему боевому прошлому поэты фронтовой плеяды. Было время, когда им начинало казаться, что свои возможности в раскрытии духовных и нравственных начал подвига народа в Великой Отечественной войне они уже исчерпали. Оказалось — нет. Большим эмоциональным стимулом стало тридцатилетие Победы, отмечавшееся как всенародный праздник. Поэзия ветеранов-фронтовиков словно помолодела, и стало ясно, что вторая мировая война остается и, по-видимому, надолго останется предметом художнического внимания.

В конце повторю то, что не раз говорил устно и письменно: поэзия 70-х не радуется эстетическим многообразием. Она обогащается новыми талантами, новыми заметными произведениями, но в целом, как проявление эстетического сознания общества, народа, мне думается, отстает от своего времени. Долго ли это продлится? Думаю — не долго.

Станислав Рассадин

Я сейчас в несколько двусмысленном положении.

Семь лет назад я написал: «с недоверием отношусь к прогнозам» — и сегодня могу повторить лишь то же самое. Не из пессимизма, — напротив, из оптимизма.

Поясню.

Прогнозирование — это, мне кажется, вольная или невольная попытка сконструировать или переконструировать течение поэзии по-своему. Загадать что-то свое. Как у детей: «Дождик, дождик, перестань!»

Вспоминаю прелестное стихотворение Николая Глазкова, в котором поэт — в угоду любимой — велит дождю перестать. И дождь слушается, как будто подтверждая правоту младенческой самоуверенности. «Тогда любимая, смеясь, спросила вдруг: — Какая связь между дождем и словом? — А я хотел ответить ей, что я, поэт, сильнее дождей... Но дождь закапал снова».

Как кому, а мне приятнее видеть, что стихи меня не слушаются. Интереснее встречаться с неожиданным. Даже обманываться — интереснее.

На поэзию сердятся: проза хорошая, поэзия плохая. Или даже: критика поэзии, по слухам, лучше самой поэзии. Последнее куда как лестно (смущает только, что это утверждают сами критики), но такие сопоставления, по моему, не очень плодотворны. У всего на свете свое место, и лучше уж сравнивать поэзию с поэзией.

А может, эта сердитость как раз от пристрастия к прогнозированию? Делали ставку на кого-то, эти кто-то себя не оправдали, — как не рассердиться?

Не утверждаю, просто спрашиваю.

Семилетие назад Вадим Кожинов с отеческой добротой пожурил меня за робость: «волков бояться — в лес не ходить». Волков я вроде бы не очень боюсь; просто неохота заводить личный плановый отдел и загодя подсчитывать, какая группа лесной фауны (если уж развивать метафору) победит через энное время. Или, без метафор цитируя коллег, что возобладает — поэзия «тихая» или «громкая», «эстрадники» или «традиционалисты»...

Повторяюсь: поэзия создается «вне школ и систем», в одиночку, а не в стройных шеренгах. А пристрастие к спискам и когортам самой поэзии не помешает, — но может подорвать интерес читателя.

Мандельштам писал:

«Ничто так не способствует укреплению снобизма, как частая смена поэтических поколений, при одном и том же поколении читателей. Читатель приучается чувствовать себя зрителем в партере, перед ним дефилируют сменяющиеся школы. Он морщится, гримасничает. Наконец, у него появляется совсем уж необоснованное сознание превосходства — постоянно перед переменным, неподвижного перед движущимся».

Может быть, мой оптимизм поддерживает именно то обстоятельство, что я предпочитаю считать не на дюжины, а на единицы. И в этом смысле числю себя счастливым читателем поэзии.

Недавно в «Советском писателе» вышла книга Семена Липкина, всего вторая у поэта. Книга, ставшая для меня событием. Не стану — здесь — обосновывать оценку: в отличие от стихов, анкета не располагает к «размышлениям и разборам».

Не просто обрадовали, но восхитили меня стихи Олега Чухонцева и Инны Лиснянской, «Струфиан» Давида Самойлова, новые песни Булата Окуджавы...

Из добросовестности ставлю многоточие.

Можно ли было ждать от них удач? Еще бы. Но астрологически предугадать характер этих удач, предвидеть, какой поворот совершит творческая судьба, все равно не удалось бы.

А вот и еще причина, по какой не до прогнозов.

Передо мной книжка, вышедшая в Москве, в «Современнике». Егор Самченко. Без дальних слов цитирую:

И спросил поэт французский:
— Лгу или правду говорю? —
Говорили мы по-русски,
Я пассажей не люблю.

— Правду! — я ответил звучно.
Желчно он молчал, глядел,
Но зато нам стало скучно
И ко мне оп охладел.

Это не обрывок, это все стихотворение.

Оставляю любопытным удовлетворение копаться в этой таинственной картинке и гадать, что же на ней изображено; экономя место, спешу цитировать дальше, дабы звучное восьмистишие не выглядело типографской оплошностью. Вот наш стихотворец трогательно братается с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым:

«И сердце бьет тревогу — за возрастом слежу и слова на дорогу один я выхожу». Вот рассказывает... Но вновь мне недостает любознательности разбираться, о чем именно рассказывает: «Так прозаически я нервно свое лирическое гнул, в пальто широком равномерно, в которое меня впихнул, встревожив пальмовой веткой покроя пыльного покой, большой поэт, живущий крепко за нашей Средней полосой».

Уф...

Вот так-то. Прогнозы прогнозами, но когда видишь такое, тут не до романтического телескопа. Тут нужнее злсе увеличительное стекло.

Упрекать Егора Самченко не за что. Каждый вправе писать, как он может. Но к двум редакторам книги у меня претензия. И к третьему, к автору восхищенного предисловия Игорю

Шкляревскому, который, ни много ни мало, пишет вот что: «Книга написана уверенной рукой, видно, что автор многое вычеркивал, правил, не «калел» себя».

Наконец и во мне пробудилось дьявольское любопытство: если все это — гордый результат самоотверженной безжалостности, то что же, черт возьми, там было до вычеркиваний?

Маршак говорил:

— Надо честно раскладывать свой костер. А огонь все равно упадет с неба.

Да, пусть падает неожиданный огонь, пусть идет неожиданный дождь (тоже неплохо), но, если наш издательский костер будет разложен вот таким образом, никакие прогнозы нам не помогут.

Михаил Синельников

В той, семилетней давности, анкете я не решился на персональные прогнозы (и, как потом выяснилось, оказался в этом не одинок). Такая позиция, вероятно, выглядит более легкой, безопасной — избавляет от риска ошибиться. Но суть не в этом. Мне всегда казалось, что невозможно выводить футурологические формулы из фактов, характерных для замкнутых — и достаточно коротких — отрезков литературного движения. Другое дело, когда речь идет о работе крупных художников, работе, не вмещающейся в те или иные временные рамки. Я писал в той давней анкете: как ни стараюсь, не могу отделить для себя Смелякова 60-х годов от Смелякова — автора прежних своих книг. Действительно, и Я. Смеляков, и О. Берггольц, которых я назвал тогда и которых, увы, уже нет сегодня в живых, войдут в историю советской поэзии не только, разумеется, как авторы прекрасных книг «День России» и «Узел», появившихся в 60-х, а как поэты, пронесшие верность своим высоким принципам через всю творческую жизнь, и в безоблачные дни, и в жестокие бури.

Да, побеждает и остается как духовное достояние людей именно это: способность большого таланта брать жизнь крупно, в решающих ее связях и закономерностях, жить гражданскими страстями века.

И в 60-е годы, и ныне проявления этого, душается, во многом связаны с таким свойством

художественного мышления, как историзм. Движение к углубленному историзму совершает вся наша литература; это особенно видно в прозе, но это не скрыто и для внимательного читателя поэзии. Чувство историзма в огромной степени было присуще и «Дню России» и «Узлу»: собственно, здесь-то, в этом чувстве, и коренится социальный оптимизм поэтов, умевших видеть глубинный смысл разнотипных и разновременных событий и глубины духа человека-борца. Сегодня, отвечая на анкету «Дня поэзии 1976», мне также хочется назвать произведения (разумеется, лишь некоторые), отмеченные подлинным историзмом и потому способные многое открывать читателю и в истории, и в сегодняшней действительности.

Впечатляет в этом смысле ряд стихотворений последних лет Н. Тихонова, Л. Мартынова, стихотворений, за которыми стоит огромный опыт размышлений над временем. Наполнены острой современной мыслью поэма С. Наровчатова «Василий Буслаев», драматические поэмы Ю. Марцинкявичюса, исторические произведения Д. Самойлова. Можно ожидать, что заметным явлением станет, когда она увидит свет полностью, новая поэма Е. Исаева «Даль памяти». Хочу назвать также С. Васильева — его стихи последних лет жизни (из цикла «Эхо»), и поэму о Кюхельбекере; Д. Ковалева — на мой взгляд, одного из самых напряженных, «нервных» наших лириков; В. Цыбина, у которого особенно ценю его психологический драматизм.

Симптоматично широкое признание, которое получил украинский поэт Б. Олейник, умеющий лирически-доверительно «подать» самую что ни на есть прямую публицистику; закономерным кажется мне и интерес к Ю. Кузнецову, в лучших стихах которого удивительно естественно воплощена живая, человеческая, каждодневная суть философского размышления о Времени.

Историзм, гражданственность, безусловно, задают тон в нашей поэзии. Это — фарватер выверенный, принесший нам славу и честь.

Но вот что при этом необходимо сказать. Отдавая должное всему достойному, ценному в многонациональной советской поэзии, нельзя не видеть и другого: огромного количества публикуемых и в периодике и в сборниках стихов, не вызванных к жизни решительно никакими серьезными поводами. Налицо явный разрыв между тем самым фарватером и — бурными потоками, текущими никуда и ниоткуда.

Мы давно узаконили, кажется, термин «самовыражение». Узаконили — исходя из естественного предположения, что самовыражение поэта — это мир, пропущенный через его сердце, это мысли и чувства, важные для многих, для всех. Но, увы, нередко бывает, что самовыражение понимается как возможность говорить ни о чем, возможность пользоваться правами, начисто забывая об обязанностях.

Может быть, это и не вполне уместно для анкеты, требующей определений, а не разборов, но мне хочется привести одно недавно прочитанное в газете стихотворение. Уж очень характерно оно. Уж очень подходяще предмету, о котором я говорю. Стихотворение называется «Воображение». В первой его строфе поэт сообщает, что он может быть «вечно старым» и «вечно новым», может «летать на журавле», «на звезде», «на игле». «На дождевой». «На листе кленовом». Ну ладно, думаешь, — тут, возможно, какое-то лукавство скрыто, улыбка...

Следующие три строфы позвольте процитировать полностью.

Я могу взлететь за облака.
Заглянуть в багровый глаз вулкана.
К женщине прийти через века.
Распахнуть шатер у Чингиз-хана.

Вычерпать ладошкой океан.
Солнце зацепить зимой за ветку.
И любой на свете ураган
Посадить в свою грудную клетку.

Это оттого, что у меня —
В сложной гамме самовыраженья —
Не было еще, пожалуй, дня
Без мечты и без воображенья.

Да нет, оказывается, все всерьез! Это — о том, как он, поэт, необыкновенно сложен. Какое удивительное богатство ему от бога дано...

Все трогательно в этом стихотворении. И глубоко ретроспективный — а оттого особенно пикантный — поход «к женщине». И совершенно уж пародийный ураган в грудной клетке (чем не буря в стакане воды?). И словечко «пожалуй», которое, конечно, вставлено в строку ради соблюдения размера, но в то же время невольно несет на себе оттенок этакой милой скромности: и у поэта выпадает, оказывается, денек без «сложной гаммы самовыраженья». Как у простых людей.

Остается пожалеть, что не в такой именно денек взялся автор за написание своего крайне пустого и претенциозного стихотворения. А еще больше стоит пожалеть о том, что автор этот — С. Островой, поэт, у которого ведь немало удачных произведений гражданского звучания.

Мы часто сетуем на искусственность, мнимую философичность в стихах молодых поэтов, на отсутствие в них серьезного, насущного содержания. Увы, это, как показывает, в частности, и пример с С. Островым, — удел не одних только молодых.

Поэзия не прощает подобной игры с ней. Не прощает «самовыраженья», при котором решительно нечего сказать людям.

Нет, отнюдь не только о достижениях следует нам помнить, говоря о состоянии поэзии последних лет.

В. Чалмаев

«Я на днях думал о музыке вот что, — писал Л. Н. Толстой жене 17 января 1905 года. — Музыка есть стенография чувств. Когда мы говорим, понижаем, возвышаем, силой, быстротой или медленной последовательностью звуков выражаем те чувства, которыми сопровождаем то, что говорим, вырабатываемые словами мысли, образы, рассказываемые события. Музыка же передает одно сочетание и последовательность этих чувств без мыслей, образов и событий».

Вероятно, вся тайна писательства, неизбежность поэзии и обусловлены этим стремлением возрождать в неожиданных комбинациях полузабытые чувства и образы, жизнеощущения и былые ожидания, тревоги. И конечно же жизнеощущения не обыденные, не «конечные», не предметно-замкнутые. Короче говоря, не «практические» чувства и порывы! Подлинная поэзия в настоящее время и особенно в будущем будет стенографировать не житейски приятные «коротенькие» жизнеощущения и наблюдения — типа:

И сердце мое одинаково радо
Стакану вина и стакану воды.

(О. Алексеев)

Я тебе, мой край лесной,
Шлю поклон свой поясной.

(В. Боков)

Наш вологодский аист в перьях
Стрелу из Африки принес...
В моих крылах — стрела России,
Моя любовь и боль моя...

(Е. Евтушенко)

Такие несложные жизнеощущения — стереотипы, так сказать, поверхностного освоения мира. Они, эти шаблоны, могут быть и «громкими», как у того же Е. Евтушенко, по-прежнему стремящегося «охватить стихом» все пестрые прослойки читателей, «учесть» всяческий психологический комплекс, — скажем, комплекс ожиданий и чувств тысяч матерей-одиночек (для Евтушенко — Нюшка с дитем от подлеца с транзистором из «Братской поэмы») и т. п. Эти стереотипы могут быть и «почвенными», похожими на самоуверенные вещания, и даже «раздумьями» как бы на стыке между апологетикой «околицы» и соблазнами «европеизма»:

Вся Европа счесть не может
Русских праздничных стогов:
У нее не хватит ложек
Кашку выхлебать с лугов.

(В. Шошин)

И мысли в черепа загускли (!)
И лоб раздумьем испещрен:
Один сует мне в руки гусли,
Другой сует мне саксофон.

(В. Яковченко)

Но, к счастью, подлинная поэзия все активнее ищет выхода мысли и чувства к тем жизнеощущениям, которые означают возрождение духовного мира в человеке, помогают уяснить отношение человека к каким-то более важным ценностям или предпосылкам его бытия на земле, нежели стакан воды, гусли или саксофон. И справедливо замечание С. Лесневского о главном моменте в развитии современной поэзии: «Если и есть ныне «кризис» в поэзии, то это кризис всякой гордыни, «тихой» или «громкой»... Вновь и вновь решается, может ли поэзия жить на основе «конечного» представления о ценностях? По-видимому, нет. Но где взять силы для воплощения «бесконечного?» («Вопросы литературы», 1975, № 2).

Где же взять эти силы? Как к тому же преодолеть ту языковую «засуху», которая сковывает ныне и прозаиков?

Наблюдая за героическими усилиями Е. Исаева, создающего поэму «Даль памяти», я вижу с радостью резко возросшую роль ассоциативной переклички образов, повышение нагрузки на слово-эмоцию, слово-жест. Тот же мотив дороги в поэме, тема российского косного «гака», цепляющегося за все новое, отягощающего любой подъем, наконец, парадоксальный образ «кремень-слезы» как окаменевшего трагического опыта народа — это все образы и мелодии, рожденные в мучительном труде на основе общенно-философского подхода к народной истории. И как много дает автору его позиция, стремление видеть предмет, явление, переживания не в покое, а в особом переходе:

На самом том *извечном перетоке*
Земли и неба, мысли и души...

Современный лирический герой — это, бесспорно, «конкретный человек», то есть человек, созданный делом, потоком текущей информации, сиюминутными обстоятельствами жизни. Но это и человек, созданный историей, памятью, множеством событий, психологическими реальностями, находящимися и вне его нынешней житейской практики... Как говорится, «богаты мы еще из колыбели» (Лермонтов). А потому он испытывает массу жизнеощущений странного плана, не вытекающих из ударов и впечатлений дня бегущего:

Ночью слышатся колеса,
Длится гул земли,
Это где-то вдоль откоса
В русле колеи.

Ночью отсветы-пожары
Мечутся в окне.
Это город гонит фары
Где-то в стороне.

(А. Пердреев)

Возвращение к музыке — это прежде всего преодоление одномерности, жесткой логичности, «детерминированности» мысли и чувства, это жажда случайности, естественности, даже каприза эмоций в поэзии. Поэзия — это все же сверхэмпирический, небесный язык человеческого общения, она не повторяет уже существующий мир, а творит новый. И сами стихи в будущем — это в наибольшей мере, как сказал В. Шаламов:

Стихи — это кристаллы,
Кристаллы нашей речи.

Поэзия будущего — это, видимо, уже в наибольшей мере не сочинение на избранную тему, не прямой отклик, а собирание образа мира, создание в привычном мировосприятии *перерыва*, паузы, неожиданного угла зрения.

Подобный язык, передающий многосложное, развивающееся сознание, чуждое самодовольства и легковесного оптимизма, основанного на случайном подборе удобных впечатлений, я встречаю и у С. Куняева, искренне мечтающего «не завершиться, растянуть тоску о жизни до предела», и у Вас. Федорова, осознающего ответственность за судьбу и пеню родников, и у Б. Ахмадулиной, правда иногда не умеющей преодолеть некоего жеманства и «выделки» самоиронии.

Подлинная поэзия — всегда предвкушение, предчувствие новых форм духовной жизни, утверждение новой системы нравственных ценностей. Ее открытия неожиданны, зачастую странны. Поэзия — не голая информация о жизни, а ее движение — не прямолинейные рывки к элементарным идейкам и нравоучительным выводам. Движение поэзии — это скорее зигзагообразное, спутанное, сам путь настоя-

щей поэзии всегда осложнен тем, что на него как будто бросает свою дразнящую, загадочную тень грядущее, во многом неведомое. И память поэта — это не отчет, не список, а память, насыщенная переживаниями, звуками, видениями. Она изранена переживаниями, взаимосвязи впечатлений и образов зачастую не включены в единую логическую цепь. Из явлений и образов привычного плана она вдруг рождает ступеньку в новое измерение.

«Когда-то слова были новыми и светились рядом друг с другом благодаря своей неустанной природной интенсивности. Но постепенно от частого употребления создалась фразеология... Логически стакан относится к столу, звезда к небу, двери к лестнице. Поэтому эти предметы мы не видим. Необходимо было звезду положить на стол, стакан поставить вблизи пианино и ангелов, а двери поместить по соседству с океаном. Речь шла о том, чтоб сорвать маски с действительности, придать ей светящиеся формы, как в первый день творения. Ассоциация — это алхимия, еще более быстрая, чем радио. И совершенно естественная, как обмен крови. Искры, перескакивающие со звезды на звезду» — так писал об извечной заботе поэта — как бы не притерпеться к обесцвеченной фразеологии! — великий чешский поэт-коммунист Витеслав Незвал.

Эти же заботы — укрепить в поэзии поэтическое, музыкальное начало — становятся главными и в современной поэзии. Гипноз стандарта преодолевается еще нелегко, но признаки обновления поэтического мышления уже очевидны. Увеличивающееся тяготение человека к сложным духовным взаимосвязям с миром, забота об этическом фундаменте цивилизации, борьба с «одномерностью» стремлений и надежд в оглушенных потребительским бумом сердцах — все это создает благотворную атмосферу и для новаторства в поэзии.

Евгений Сидоров

Семь лет назад я писал: «А пока — наивная жажда Тютчева, Пушкина, Фета, которая делалась почти повальной и очень шумной, вместо того чтобы быть естественным и нормальным состоянием профессионального русского литератора, делающего *свои* стихи. А пока — поспешные, похожие клятвы родным небесам и нивам, холодные слепки с Баратынского и Есенина, неприязнь «формотворчества» и обилие поучающих критических статей, принадлежащих перу поэтов».

Семь лет назад больше говорили не о стихах, а о направлениях. Так всегда бывает, ког-

да утрачивается ощущение свежести, новизны, необходимости поэтического слова. Когда предыдущий этап внутренне завершен, а новый только брезжит.

Семь лет назад критики спорили о поэзии гораздо громче, ожесточеннее. «Шума» не будет!» — утверждали одни. «Тишины» не будет!» — возражали другие. Кажется, сегодня крайности сходятся. «И сам, покорный общему закону, переменялся я».

Но «минувшее» не зачеркнешь, оно в тебе, и ты в нем, без него нет и будущего. Большинство из нас — участников анкет «Дня поэзии» 1969

и 1976 гг. — вышли из 50-х. Двадцать прошедших лет — время истории нашего поколения, его гражданского и художественного самоопределения. Дальше уже ничего не будет, кроме осуществления истории в личных судьбах. Причем эта зрелость вовсе не обязательно означает гармонию, она может быть и драмой.

Молодая поэзия 50-х начинала с броских манифестов, стремясь как можно скорее утвердиться в сознании читателей. Ей, конечно, помогла эстрада; казалось, сам стих тех молодых лет не мог существовать без звучания. Но прежде всего подкупал гражданский и нравственный пафос этой, внутренне разнообразной, лирики, смелость поэтического взгляда, который отрицал полинявшие истины и возвращал личность творящего человека в центр вселенной: «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек».

В это время пришел Булат Окуджава, грустно и старомодно напомнив каждому из нас о поэзии благородства. Это поэт удивительный тем больше, чем меньше мы ощущаем его присутствие в некоем литературном ряду. Он «снял» условность стиха, превратив его в романс, песню, и так вернее достиг души и слуха миллионов. Песни Окуджавы, строго говоря, живут вне критического суждения, потому что представляют собой не литературу, а как бы обнаженные человеческие настроения, независимые от этикета словесных значений и всегда пронизанные нравственным током нашего времени.

Поэзия 50-х стала демократичней. Важные черты общественного сознания находили в ней своего глашатая и пропагандиста. Надо также подчеркнуть, что в середине века по-новому раскрылись замечательные дарования художников старшей генерации, протянувших руку молодым. Прежде всего речь идет об Александре Твардовском, Владимире Луговском, Ярославе Смелякове, Леониде Мартынове.

Сейчас, по прошествии двух десятилетий, отчетливо видишь многие несовершенства молодой поэзии тех лет. Она жадно захватывала участки, ранее казавшиеся заповедными для лирики, однако ей часто не хватало глубины и сосредоточенности. Но это была разведка боем, когда потери стоят иных побед, потому что вслед за первопроходцами идут основные силы, решающие исход сражения.

Эта поэзия прокладывала пути в наше время, и без нее уже невозможно представить историю советской литературы. Рискну заметить, что достижения современной прозы с ее углубленным вниманием к нравственно-философским ценностям бытия были в определенной мере обеспечены и поэтической работой того поколения, о котором идет речь.

Оно смолоду ощутило себя звеном *советской* истории — это чувство надо было претворить

в поэзию высокой судьбы, и стоит ли удивляться, что ошеломляющая тяжесть ответственности и славы не всегда оказывалась ему по плечу.

Поэтому я вполне согласен с С. Лесневским и никогда не разделю мнения тех, кто теперь, задним числом, радостно бросает камни в молодую поэзию тех лет и попутно создает новые кумиры, которые, разумеется, вовсе не виновны в критическом буме, время от времени возникающем вокруг их имен.

Сначала Владимир Соколов. Потом Николай Рубцов. Теперь Юрий Кузнецов.

Надо разобраться.

Скажу честно, мне глубоко претит какая-то сектантская манера некоторых критиков и поэтов печатно утверждать одни имена за счет принижения других. Не так уж тесно здравому благородству в наши дни. Я не к эстетической всеядности призываю, но именно к спокойной взвешенности суждений, к трезвому пониманию, что никакой *один* духовный, а стало быть, и стилевой путь творчества не может быть признан единственно верным или главным.

Слава богу, читатель это понимает и голосует за поэзию не по подсказке критики. Для него (убеждался в том неоднократно) нет непроходимой пропасти между Рубцовым и Евтушенко, как не существовала она и для них самих, поэтов очень разного характера и традиций.

Чего нам действительно сегодня не хватает, так это эстетического разнообразия в поэзии. Праздничности формы, молодой дерзости побужившись. Здесь я присоединяюсь к Ал. Михайлову. Попытка генерализовать тютчево-фетовское направление в нашей лирике ни к чему хорошему привести не может. Равно как и решительное разделение *всей* советской поэзии на два лагеря: беллетристов и поэтов. Это Маяковский — беллетрист? Что-то не верится.

Читая Вадима Кожинова, так и представляешь себе выжженную, голую равнину русской советской поэзии после татаро-монгольского нашествия «утилитаризма». Я, конечно, утрирую, но лишь в ответ на его собственные преувеличения.

Можно пойти по этому пути еще дальше. Когда В. Чалмаев несколько раздраженно пишет о «стереотипах поверхностного освоения мира» и приводит в качестве примера «Нюшку» из «Братской ГЭС», то я начинаю думать, что понятие «нравственность» у нас утрачивает свое первоначальное абсолютное значение и становится синонимом вкуса. Но о вкусах не спорят, здесь можно только выбирать, и я решительно не приемлю витиеватую «нравственность» В. Чалмаева, проступающую со страниц его ответа. Никакие ссылки на мистический «небесный язык человеческого общения» не скроют от меня того факта, что критик резко про-

тивнопоставляет общественной, гражданской функции поэзии — ее «чистую» духовность, которую, кстати, еще никогда и никому не удалось в «чистом виде» ни определить, ни обнаружить.

Возвращение к традициям благотворно лишь тогда, когда оно создает *новое* качество содержания и стиля. Об этом же пишет В. Кожин. Однако здесь, по-моему, не обойтись и без «формотворческого» опыта многонациональной советской и мировой поэзии нашего века. Пока же, за малым исключением, молодые стихотворцы демонстрируют «припадение к истокам» — неважно каким — беллетристическим или поэтическим, если воспользоваться уже известной терминологией. Но ведь пора и самим утолить чью-то жажду.

Красота, гармония, музыкальность — пустые слова, если они не вмещают в себя трагизм и героику нашего мира, правду современного человеческого существования. Юрий Кузнецов, написавший несколько сильных стихотворений, это понимает. Тут угадывается глубокий

характер, но одновременно нельзя забывать, что поэт, по существу, только начал свой путь к читателю. Даже из самых лучших побуждений рано еще аттестовать его творчество как «этап», «новое направление» и т. п.

Что для меня несомненно, так это поворот нашей поэзии к углублению стиховой мысли. Пространство и время обретают новую глубину, поэт, опираясь на традицию и живую современность, стал явственней ощущать свои связи с людьми не только по горизонтали, но и по вертикали с прошлым и будущим. Быт в стихах не отменяется, но постигается как отзвук народного и личного *бытия*. Зреет эпическое чувство, поэзное мышление. Не случайно новая, еще не оконченная работа Егора Исаева вызывает сегодня интерес многих. ¶

Редколлегия «Дня поэзии» поручила мне провести эту анкету, однако подведение ее итогов не входит в мою задачу. Да и рано подводить итоги: ведь мы, как было верно замечено, — «внутри периода».

Время все поставит на свои места.

3

Муса Джалиль

1905—1944

Исполнилось 70 лет со дня рождения Героя Советского Союза Мусы Джалиля.

Весной 1942 года Джалиль — в то время корреспондент армейской газеты «Отвага» — прислал с Волховского фронта в Казань на имя своего друга, критика и литературоведа Гази Кашшафа литературное заветование. В нем говорилось, в частности, что поэт успел опубликовать примерно треть из того, что им было написано.

До войны Муса Джалиль издал десять книг стихотворений и поэм, создал несколько драматических произведений, оперных либретто, выступал в печати и как критик. Однако при составлении собрания сочинений поэта-героя Гази Кашшаф обнаружил в архивах тысячи строк, действительно составляющих большую часть наследия Мусы Джалиля.

Стихи, извлеченные из архивов, дополняют наше представление о замечательном советском поэте, раскрывают его как проникновенного и тонкого лирика.

В «Дне поэзии» публикуются новые переводы двух стихотворений из довоенной лирики Джалиля.

Рафаэль Мустафин

* * *

Похитила радость у сердца,
Просила не злом поминать.
В глаза не успел наглядеться,
Не мне их теперь целовать.

И звезды на небе, как прежде,
И те же поют соловьи,
Лишь глаз твоих синих безбрежье
К моей не причастно любви.

Замкну твоё имя губами.
Замучаюсь. Перелюблю.
Как раньше терпел твоё пламя,
Так лютую стужу стерплю.

Но время ещё нас рассудит,
Настигнет, ударит тоской
И долго казнить тебя будет
Над каждою этою строкой.

1935

Перевод с татарского Ю. Кушака

* * *

Быть может, роза так не любит солнца,
Как я любил, живой огонь терпя.
Мое признание эхом отзовется
Тех прежних, кто — боготворил тебя.

Не виновато солнце, что, даруя
Свой нежный свет слепым цветам полей,
Всегда — одно. И все же я ревную
Тебя к другим, прости любви моей.

О, если можно было бы такое:
Забыть про все, на свет родиться вновь
И знать, что нас под небом только двое —
Твое сиянье и моя любовь!

Дата неизвестна

Перевод Ю. Кушака

ЗАМЕТКИ О МАЯКОВСКОМ

1. К истории литературного дебюта

В феврале 1912 года восемнадцатилетний ученик Московского училища живописи Владимир Маяковский сблизился с обучавшимся там и уже известным художником Д. Бурлюком, который ввел его в группу «будетлян», возглавлявшуюся Велимиром Хлебниковым.

Литературный дебют Маяковского состоялся в декабре — в сборнике «Пощечина общественному вкусу», где помещены два его стихотворения, написанные осенью того же года. Однако первые опыты Маяковского-поэта следуют отнести к лету 1912 года.

Привожу краткие, записанные мною в 1939 году, воспоминания А. Крученых:

«Летом 1912 года я, по приглашению Маяковского («вдвоем будет дешевле»), снял с ним комнату на даче в Петровско-Разумовском: проезд Соломенной сторожки, дача Осипова, № 7.

Мы жили на мансарде. Маяковский при въезде нашем сказал:

— Вы живите в комнате, а я на балконе...

Через дорогу, напротив, снимали комнату летчик Г. Кузьмин и музыкант С. Долинский, издавшие в конце 1912 года «Пощечину общественному вкусу».

К ним Маяковский часто заходил и играл с ними в преферанс».

Воспоминания А. Крученых можно дополнить устным сообщением С. Долинского, с которым я встречался в 30-х годах. С будущими «издателями» первого боевого сборника «будетлян» Маяковский познакомил его друг скульптор Л. Кузьмин (брат летчика).

По свидетельству С. Долинского, Маяковский в то время часто читал вслух стихи Игоря Северянина. Особый интерес представляет сообщение С. Долинского о том, что в Петровско-Разумовском Маяковский написал ряд «экспериментальных» стихотворений, которые были им признаны малоудачными и уничтожены.

2. Первоначальная редакция стихотворения «В авто»

Сохранился уникальный сверстаный экземпляр неизданного сборника Маяковского «Кофта фата» (1918). В этот сборник поэт включил ряд «сатирических» стихов 1915—1917 гг., стихотворение «Уличное» (1913) и два стихотворения («В авто» и «Мысли в призыв»), которые и сейчас озадачивают комментаторов Маяковского. До настоящего времени не удалось установить, были ли эти стихотворения напечатаны до включения в неизданный сборник, где «В авто» помещено после стихотворения «Уличное», а «Мысли в призыв» в соседстве со стихами 1916 года.

В последнем ПСС «Мысли в призыв» предположительно датировано 1914 годом. Эта датировка может быть освобождена от каких бы то ни было сомнений: она вполне подтверждается тематическими параллелями в статьях Маяковского, напечатанных в ноябре 1914 года.

Что касается стихотворения «В авто», то оно примыкает к циклу ранних «городских пейзажей» Маяковского и по ряду признаков («вывесочные образы», разорванные рифмы и т. п.) может быть отнесено к вещам 1913 года.

Мне удалось обнаружить корректурный текст первоначальной редакции этого стихотворения. Под текстом фамилия автора «Вл. Маяковский», свидетельствующая о том, что перед нами — вырезка из корректурных гранок сборника или журнала.

Первоначальный текст «В авто» сохранил друг и соратник Маяковского Василий Каменский, вклеивший вырезку в рукопись своей лекции о поэзии и живописи, прочитанной в середине июня 1916 года в Перми (а затем в ряде городов Кавказа). В рукописи В. Каменского вырезка снабжена кратким комментарием: «Разрывность впечатлений города В. Маяковский выразил в стихотворении «В автомобиле» (ЦГАЛИ).

С большой долей вероятности можно предположить, что корректурный текст Маяковского находился у В. Каменского с 1915 или с 1914 года, то есть года за четыре до включения «В авто» в неизданный сборник «Кюфта фата».

Привожу первоначальную редакцию стихотворения (опечатки неавторизованного текста мною исправлены):

«Какая очаровательная ночь!»
«Эта, что была вчера — та?»
Выговорил на тротуаре
«Почь-
Перекинулось на спины
-та».

Город вывернулся вдруг.
Пьяный на шляпы полез.
Вывески разинули испуг,
Выплывали и О и S,

А на горе, где плакало темно
И город робкий прилез,
Поверилось: обрюзгло О
И гадко покорное S.

Не считая мелкой поправки в четвертой строке второй строфы, существенные изменения внесены только в первую строфу. Замена слова «спины» на «шины» установила более тесную связь первой строфы с системой динамических образов городского пейзажа. При переработке вторая строка была разбита на отдельные отрезки вставленной в нее «жестикוליционной» ремаркой, вследствие чего строфа получила большую интонационную силу.

3. Рифма Минаева

Связь Маяковского с культурой русского сатирического стиха (поэты «Искры», поэты-«сатириконцы») уже достаточно изучена.

Составные каламбурные рифмы, которые впоследствии были развиты Маяковским, впервые в русской поэзии широко применял Д. Минаев. Но, в отличие от произведений «искровцев» и «сатириконцев», у великого поэта Маяковского комические гиперболы и каламбуры органически входят в высокую лирику.

До сих пор сохраняется слава «минаевских» рифм, названных им самим «трехсаженными».

На устраиваемых поэтами «Искры» турнирах «трюковых» рифм Минаев находил полные созвучия к таким словам, как «колокол» («молоко лакал») и «окунь» («конь-о-конь»).

Пример минаевского экспромта, целиком построенного на омонимических рифмах:

Обстоятельствами суженный,
Изменил вам, Даша, суженый,
Но забудете о суженом:
Ждет пикник вас нынче с ужином.

Еще один пример:

Мечтаю я, лежа на сене:
Не видел я женщин Италии,
Не видел красавиц на Сене,
Но женские лица и талии
Прекрасны у нас, точно Грѣза
Под кистью ожившая грѣза.

Одна из рифм этого экспромта повторена Маяковским в стихотворении малой «гейнеобразной» формы «Пустяк у Оки» (1915):

«...Вы прекрасно картавите.
Только жалко Италию...»
Она: «Ах, зачем вы давите
И локоть и талию...»

По своему эмоциональному тону и по неожиданному заострению финала «Пустяк у Оки» предвосхищает еще более компактные стихотворения Маяковского — «Гейнеобразное» и «Отношение к барышне» (1920).

4. Шуточный экспромт

В статье «Как делать стихи» (1926) Маяковский приводит ряд поэтических заготовок, использованных им в различных произведениях 1926, 1928 гг. Среди заготовок, оставшихся неиспользованными, наибольший интерес представляет шуточное двустишие с ценным авторским комментарием: «Есть крепко кроеные аллитерации по поводу увиденной афиши с фамилией «Нита Жо»:

Где живет Нита Жо?
Нита ниже этажом.

В ПСС двустишие оставлено без примечания, отсутствуют и сведения о датировке.

Мне удалось установить, что двустишие было напечатано в московском альманахе «Эпоха», изданном летом 1919 года (участники: Л. Андреев, В. Брюсов, Б. Пастернак, Г. Чулков, М. Шагинян и др.). Двустишие находится в полемической статье А. Хромова «Судьбы русской литературы» и воспроизведено, вероятно, по памяти:

Здесь живет ли Нитта Жо?
Нитта ниже этажом.

Однако не исключена возможность, что здесь зарифмовано первоначальное чтение эстрадно-го экспромта, который следует отнести к периоду выступлений Маяковского в кафе «Питтореск» (1918).

5. «Любимейшее» двустишие

Об этом двустишии, написанном в конце 1917 года и обращенном «к остаткам фе-шенебельного и богатого Петербурга», Маяковский подробно рассказал в очерке «Только не воспоминания» (1927): «В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двустишие:

Ешь ананасы,
рябчики жуй,
День твой последний приходит, буржуй!..»

«Разухабистый» источник сатирического экспромта Маяковского — популярная в свое время песня об «Ухаре-купце».

Первый автокомментарий к двустишию дан годом ранее в статье «Как делать стихи», где сказано, что «эти строки усыновила петербургская улица» в дни Октября.

По свидетельству современников, Маяковский многократно читал свое «любимейшее» двустишие с эстрады московских литературных кафе («Кафе поэтов» и «Питтореск»).

Как это ни странно, ни в одном из своих упоминаний о двустишии Маяковский не указал, что оно было напечатано: 24 декабря 1917 года, в № 1 малоизвестного петербургского журнала «Соловей». Печатный текст, впервые обнаруженный В. В. Трениным и мною, мы опубликовали в 1936 году («Тридцать дней», № 11).

Кроме того, мною обнаружены ранние публикации двустишия, зафиксированного «по памяти». Впрочем, есть основание предполагать,

что, читая свое «любимейшее» двустишие, Маяковский его варьировал.

Один из вариантов опубликован в журнале «Мой журнал» (М., 1918, № 5), где двустишие использовано в качестве эпиграфа к анонимной статье «Великие обжоры», иллюстрированной изображениями Пантагрюэля, Гримо, Сарварена и Монселэ:

Жри ананасы и рябчиков жуй,
День твой последний подходит, буржуй!

Другой вариант находится в «Письме из Петербурга» малоизвестного поэта Вл. Пруссака, напечатанном в тифлисском журнале «Ars» (1918, № 1):

Ешь ананасы, рябчика жуй,
Последний твой денечек приходит, буржуй!

Дальнейшее развитие темы экспромта мы находим в двух стихотворениях Маяковского.

Начальные строки агитационного стихотворения «Эй, уралец, без твоего рудника не победить разруху никак» (1921):

Жуя ананас,
забавляясь винцом,
буржуй расселся на теле.
Буржуев шарахнули
вашим свинцом
и к черту буржуи слетели...

«Вандервельде» — один из памфлетных шаржей «Маяковской галереи» (1923):

Развлекается ананасом
от прочего буржуя
да рябчиком-дичью:
отличить не очень.

В 1924 году двустишие, которое «усыновила» улица революционного Петрограда, вошло в качестве автоцитаты в поэму «В. И. Ленин».

Александр Яшин

1913—1968

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

ЛЮБО-ДОРОГО

Любо-дорого, как мы бегали,
Как мы скатывались с горы,
По теченью —
Двины, Онеги ли —
Уходили вплавь от жары.

Как по елям на небо лазили,
Белок стаскивали за хвосты,
Босоногие,
Большеглазые,
Захмелевшие от высоты.

Соком ягодным перемазаны
В час, когда не видать ни зги,
Возвращались мы с неба на землю —
В избы дымные из тайги.

В темный ельник,
В луга метельные,

На заснеженные пустыри
Лыжи гнутые
Самодельные
Уносили нас до зари.

Подрастали —
В полях работали...
Широко, но горько жилось:
Елок с праздничной позолотою
Нам увидеть не довелось.

Но привычка к жаре и к холоду,
К переходам в лесах,
В снегах —
Все, чему научились смолоду,
Пригодилось потом в боях.

1946

* * *

Лес. Темно. Скрипят ботинки.
Хвойных лап переполох,
Ни травинки, ни тропинки,
Только ягодник да мох.

Даже пенья птиц не слышно.
Днем иду, как при луне.
Словно я нездешний, лишний
И ничто не радо мне.

Оборвался ельник темный —
День воскрес,
И я стою
Посреди степи огромной
У пшеницы на краю.

Сразу — солнце, сразу — вечность,
И с земли и с неба свет,
И такая бесконечность,
И от песен спасу нет.

1948

* * *

А когда же будет снег?
Ведь уже конец зимы.
И когда же от телег
Отказаться сможем мы?

Если ветер в тополях,
Если он сады иссек,
Что ж творится на полях,
Где летит один песок?!

Ведь морозы рвут углы,
И без шубы ни за дверь...
А поля голым-голы —
Что-то с озимью теперь?

1948

В ЦИМЛЯНСКОМ МОРЕ

Когда весною лес рубили
И из-за гнезд
Деревья кое-где падали —
Расчет был прост:

Авось грачи еще слетятся
Со всех концов
И в старых гнездах приютятся
И выведут птенцов,

Авось, пока начнут скрываться
Верхи дубов,
Птенцы окрепнут, оперятся,
Покинут кров...

И чуть луга зазеленелись
То здесь, то там —
Грачи действительно слетелись
К родным местам.

Но поднялась вода неожиданно,
Речная гладь

Росла и явно океаном
Решила стать.

Все ближе к гнездам подходила,
Шипя, она,
Уже с размаху в небо била
Ее волна.

И птичьи крики, птичье горе,
Смятение птиц
Не ведало, как это море,
Своих границ.

Тогда и мы не находили
Спокойных мест,
За мягкий нрав себя корили:
Зачем жалели,
Не рубили
Весной тот лес?

1952

Стихи впервые опубликованы в журнале «Наш современник», 1975, № 1.

Вера Инбер

1890—1972

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Размышляя над записными книжками своих собратьев по перу (П. Павленко, М. Пришвина, И. Ильфа, Эффенди Капиева), Вера Михайловна Инбер писала: «В таких книжках сам писатель и его время отражены порой точнее и полнее, чем в больших литературных произведениях. Вот почему они драгоценны».

Свыше шестидесяти лет своей жизни В. М. Инбер отдала литературе. Служа ей пером поэта и прозаика, критика и публициста, переводчика и драматурга, она заняла прочное место в ряду подлинных мастеров и деятелей советской литературы.

Многие произведения Веры Инбер близки к дневниковой форме. Достаточно вспомнить ее широкоизвестный ленинградский дневник «Почти три года». Книга эта, как и поэма Веры Инбер «Иулковский меридиан», заняла свое прочное место в ряду лучших произведений о подвиге блокадного Ленинграда.

Дневники и записные книжки занимают немалое место в литературном наследии Веры Инбер. На их основе возникли книги «За много лет» (1963), «Страницы дней перебирая» (1967), изданные при жизни автора.

С публикуемыми в «Дне поэзии» страницами записных книжек Веры Михайловны Инбер читатель знакомится впервые.

27 июня 1927 года

Работаю, да как... По целым дням. Кончала книгу о Франции, которую, наконец, сдала. Это был настоящий праздник. Я давно уже, с дней экзаменов, не испытывала такого счастья. Кончила я книгу в Крыму...

Если в такой жизни, как моя, мало счастья, зато она значительна. По крайней мере я хочу верить в это. Это настоящая жизнь, за которую мне не будет стыдно в день смерти. В ней есть творчество...

4 мая 1936 года

Самое главное — не выпасть из собственного душевного ритма. Чем меньше счастья притекает извне, тем строже должен быть душевный порядок. Таким образом, можно почти быть счастливой.

Моруа пишет про Байрона, что он не умел удалять из своей жизни то, что попало туда случайно. А это надо уметь.

24 марта 1943 года

Читатель и писатель, поставленные лицом к лицу в осажденном городе. Мы были в кольце. Ничто не отвлекало нас друг от друга.

9 января 1945 года

В этом доме есть внутренняя лестница с прекрасной дубовой резьбой, камин и галерея. Здесь некогда собирались масоны. Дом принадлежал московскому богачу Олсуфьеву. В этом зале сохранились еще ложи из резного дуба, где заседали члены Братства...

Теперь в этом доме московский клуб писателей. Здесь происходят лекции, собрания, доклады, диспуты. Но по понедельникам у камина собирается небольшой круг людей: одни только писатели и их близкие друзья. В камине ярко горят дрова.

Мне хотелось бы, дорогие друзья, чтобы вы легко представили себе наш недавний понедельник.

За затемненными окнами морозная московская зима. Улицы уже частично освещены: конечно, еще не довоенное сиянье фонарей, но уже и не полный мрак 1941—1942 года. По силе света можно судить о победах нашей Красной Армии.

Перед нами за небольшим столом двое. Второго незначем вам представлять. Вы и так все его знаете. Это Илья Эренбург, чье имя известно всюду, где существует газетный лист и газетные шрифты.

И все же не все знают Эренбурга такого, какого видим в этот вечер его мы. Эренбурга не публициста, а поэта.

Много лет назад начавший свою литературную деятельность со стихов, Эренбург, уже немолодой, перегруженный газетной работой, все же время от времени возвращается к поэзии, как возвращаются к первой любви.

Эренбург-поэт... И память моя с быстротой, превосходящей стратостатную, переносит меня в город моей юности, в Париж, накануне первой мировой войны. И Эренбург, юный, оживленный.

Теперь и Эренбург не тот, и Париж не тот

При свете московского камина видно, как утомлен Эренбург, какие тени лежат у него на лице, тени горечи, боли.

Он читает цикл стихов, названный им «В зоне пустыни». Это те из районов нашей страны, где побывали немцы. Все сожжено, уничтожено, превращено в обломки. Вот плодовые деревья, яблони, бессмысленно срубленные под корень. Они еще пытаются цвести. Но это предсмертное цветенье: никогда им не дать уже плодов.

Эренбург читает, а мы слушаем его в глубокой тишине. И одно и то же чувство рождается в нашей душе... Нет, зона пустыни не будет длиться вечно. Фашистская свастика, впившаяся своими когтями во все светлое и живое, будет уничтожена. Она уже на пути к уничтожению. Усилия всех свободолюбивых народов направлены на это.

«Зоне пустыни» положен предел. Срубленные яблони не воскреснут, но «дерево мира» разрастется на европейской почве. И вскоре оно начнет радовать нас своими плодами.

Эренбург кончил читать. Аплодируя ему, мы думаем: «Нет, он все тот же, прежний: молодость сердца, свежесть ума, острота взгляда».

24 января 1948 года

За последнее время нам часто приходится слышать о том, что читатель охладел к поэзии и неохотно читает и присбретает стихотворные сборники. В таких случаях мы обрушиваемся на ОГИЗ, упрекая его в нерадивости и затоваривании наших стихов. Отчасти есть и это. И все же надо прислушаться к этим сигналам. Этот «отлив» читательского внимания — неспроста. Мы, поэты, видимо, утомили читателя большим количеством сборников «на уровне». А он хочет «выше уровня».

4 января 1949 года

Итак, еще новый год!

Встретила его в Малеевке хорошо, с легким сердцем, с желанием работать, а это самое дорогое, что только есть в жизни.

Старый год подарил мне окончание (но не окончательное) поэмы. Физическую слабость, усиление болезней. Из общественных промахов — мое выступление против Д. Шостаковича, о чем я не перестаю сожалеть. И не потому, что Э. почти перестал со мной раскланиваться за это. А потому, что я сама не раскланиваюсь с собой, вспоминая это свое выступление.

21 августа 1949 года

Окончательная проверка человека — это час его смерти. Тем, как он умирает, проверяется то, чем он был при жизни. Жаль только, что этот «экзамен» наступает так поздно...

23 декабря 1969 года

Я люблю перечитывать «Казаков» Л. Толстого. Особенно волнует меня в них один образ — горы. Бесконечность и громадность гор почувствовал Оленин в своем пути на Кавказ. Что бы ни увидел он, все заслоняют для него горы. «А горы...» — рефреном завершаются для него все впечатления и мысли: «Взглянет на небо... Солнце восходит и блещет на виднеющемся из-за камыша Тереке, а горы... Из станции едет арба, женщины ходят, красивые женщины, молодые, а горы... Абреки рыскают в степи, и я еду, их не боюсь, у меня ружье и сила, и молодость, а горы...» Горы как символ высоты, чистоты, громадности и красоты...

Что бы я ни делала, о чем бы ни писала, я всегда проверяю себя: «А Ленин...» Что сказал бы, как отнесся бы к событиям, волнующим мир, страну, партию, меня, писателя, — Ленин...

Не каждый из нас ощутил громадность событий в начале их свершения. Но, раз ощутив и включив себя в них, все проверяем мы одним: «А Ленин...»

Публикация Ц. Е. Дмитриевой.

Михаил Шевченко

ДВА СЛОВА

Умирал мой дед. Умирал на девятом десятке — похудевший, осунувшийся... Только вьющиеся густые волосы да насмешливый взгляд напоминали прежнего Якова Ивановича. Да, в свое-то время... «Высоченный, слегка сутулый, дед, бывало, с пьяной руки, чуя силушку, свертывал в дули николаевские пятаки. Он портняжил. Случалось, суток не пройдет (лишь поставь магарыч!), дед сошьет мужику полушубок! Да такой, что носи — не хнычь! Был насмешлив и непреклонен, многодетный, не гнул от бед. Но давили его иконы. На коленях пред ними, в поклонах, становился маленьким дед. А когда сыновья и дочери в комсомольцы разом пошли и однажды февральской ночью всех угодников божьих пожгли, дед оставляет дом. «Я с безбожниками не могу!» Долго скитается по России, а умирать приходит в родную краину...

В день возвращения, за ужином, дед заводит разговор о похоронах. И мать моя ему говорит: «Шо я скажу, батя... Хоронить вас будутъ уси диты и внуки, а воны ж пошты уси и партийни... и креста вам не поставлять...»

Дед замолчал. Долго сидел молча. А потом ответил: «Шо ж... Хай ставлять звезду. Вона тепэр всьёму мыру свитэ!..»

Это были стихи. И я написал их спустя годы после того, как услышал рассказ об этом от матери.

Принес я стихотворение в редакцию областной газеты. Завотделом культуры прочитал его, небрежно отодвинул в сторону и сказал:

— Тоже мне Чайльд Гарольд в лаптях!.. Печатать стихотворение не стали.

Вскоре я узнал, что журнал «Подъем» готовит к публикации большую подборку стихотворений поэтов Черноземья. Я отослал стихотворение о деде в «Подъем», и оно было напечатано.

Я торжествовал.

Но торжество было недолгим. Рукопись моего сборника маринвали в писательской организации. В ней не последнюю роль играл завотделом культуры. Обсуждали раз. Обсуждали два. Пересоставляли. Казалось, конца этому не будет.

И в один из декабрьских вечеров бродил я по городу. Зябко, мокро и мерзко было на улице.

Выхожу к стадиону «Спартак». На его заборе — витрина «Литературной газеты». Вспоминаю, что не просматривал последний номер. Подхожу. И вдруг... Правду говорят — свое далеко видно...

Едва подошел к газете, чувствую и в ту же минуту вижу свою фамилию. На второй полосе. Почти в центре. Пригибаюсь вплотную к газете — уже спускаются сумерки — и читаю: «...очень неплохие стихи... М. Шевченко из Тамбова...»

Что за статья? Кто написал?

Начало — на первой полосе, с переходом на вторую и третью. «Молодая русская поэзия». Автор — Ярослав Смеляков.

Отхожу от витрины. Передо мной — огни неоновых реклам. Они радужно отражаются в асфальте и, кажется, освещают весь город.

Бегу в редакцию, в отдел культуры. Там подшивки газет. Нахожу «Литературку». Оказывается, статья эта — сокращенный доклад Ярослава Смелякова на совещании молодых поэтов в ЦК ВЛКСМ. Ярослав Васильевич, готовя доклад, прочитал подборку в «Подъеме». И вот «очень неплохие стихи...».

Показываю статью заву. Слышу в ответ: «Мне некогда читать это... Я даже Пушкина не читаю...» Жалею, что показал.

Но зав берет подшивку и все-таки читает статью. И что же? «Подумаешь!.. Всего два слова!..»

И радость моя пригасает. Снова я на прозябшей улице. В самом деле. Почему лишь два слова? Ну хотя бы еще несколько словечек! Да, но ведь в статье с полсотни имен! Столько же и в подъемовской подборке, а ты назван в числе троих!..

И все же я вновь возвращен на грешную землю.

Не знал я тогда, что значат два его слова.

С утра следующего дня начались звонки мне. Они продолжались весь день.

— Мишка! Поздравляем!..

— Слушай! Сам Смеляков!..

— Да плюнь ты на этого зава!..

— Ты понимаешь — молодая русская поэзия!..

Черт возьми! Я снова счастлив!

...Я сидел на работе один и вспоминал литинститутские годы. Тогда я часто видел его — этого рабочего человека в простом поношенном полупальто, в толстой кепке блином, в которой он ходил и осенью и зимой, сутуловатого, с усталым молчаливым взглядом. Мой товарищ по курсу Василий Недогонов, брат известного поэта, рассказывал, что Алексей Недогонов дружил со Смеляковым, любил его и как необыкновенно талантливого поэта, и как человека необыкновенно трудной судьбы.

Иной, пройдя такую жизнь, мстит за свои горечи другим. А он, Смеляков, радуется даже малой удаче молодого и совсем неизвестного ему стихотворца. Зная беды, он помогает ему обойти их...

Ярослав Смеляков понимал, что значили его слова. Недаром же он считал своей обязанностью искать и находить людей, которых он мог бы поддержать.

Два слова...

И у меня «пошла» книжка. Не совсем такой,

какой бы хотелось ее видеть, но «пошла».

Этой книжкой я защитил диплом в Литературном институте.

С этой книжкой я вступал в Союз писателей.

Спустя годы, уже в Москве, я много раз видел Ярослава Васильевича. Такого же заботливого и такого же прямого в скупой похвале.

Потом я стоял у гроба его. Вокруг было много товарищей, имена, которых он назвал в той давней статье и во многих-многих других...

Ирина Снегова

1922—1975

Передо мной лежат девять сборников Ирины Снеговой — девять книг, которые успели выйти при ее жизни. И я думаю о том, что, может быть, не случайно главной, сквозной темой всего творчества поэтессы было — время. Оно материализовано в ее стихах, уплотнено — до осязаемости: «время — хлеб, отрезаешь ломоть». Ирина Снегова всегда ощущала себя в стремительном, упругом, жестком и жестоком потоке времени:

Бьют часы...

Бьют не в бубен, бьют в набат, бьют тревогу грозно...

Торопитесь, говорят, завтра будет поздно...

Она понимала мгновенность жизни и спешила, спешила. И всех вокруг ей хотелось заразить той же жадной жизни, даже азартом.

Не спите поздно. Подымайтесь сразу.

С трамваем первым. С первой птичьей фразой.

Вставайте раньше. Пейте кофе крепкий.

Займитесь вместе с солнцем кладкой, лепкой,

Формовкой, краской — сотвореньем мира...

Даже прошлое, в которое Ирина Снегова часто и любовно вглядывается, подчас предстает не как безвозвратно минувшее, а как фундамент, составная часть будущего, как взлетная площадка, где все нацелено в наше сегодня, а порой и в наше завтра. Таково само детство, к которому обращается память поэтессы.

Из стихов Снеговой мы узнаём, что революция была верой, страстью, идеалом ее родителей.

...Среди мечты о совершенном
В пустой квартире я жила,
В ней пыли не было и брани,
Ковров и золоченых рам,
Лишь гул горячих партсобраний
В нее входил по вечерам,
Да лампа до свету горела,
Да рано начинался день...

Юность Ирины Снеговой совпала с войной. Ее родной мирный Арбат «сквозь войну тянул пустынную длину под вой сирен, в крестах окон, в прощальном промельке погон».

На долю поэтессы выпало много тяжелого и много прекрасного. И всю жизнь, всегда над горестями и над радостями Ирины Снеговой горел ровный свет ее поэзии, ее творчества:

Ночной огонь в зеленом абажуре,
Настольной лампы негасимый свет...
Не спишь? Не сплю.
Дежуришь? Да, дежурю:
Несу за человечество ответ.

Ее возмущало потребительское отношение к жизни, безответственность, стремление переложить вину на кого угодно и что угодно, хоть на «год беспокойного солнца», а моя-де хата с краю. Ирина Снегова всегда была на другом полюсе, там, где звучит беспощадное «сама виновата!».

Сердце болит у меня ни с того ни с сего.
Сердце болит у людей — отчего? — От всего.

Она призывала понимать юность — «болезненное время жизни», шадить старость. Она училась и сама учила точной науке — чувствовать. У нее был дар сопереживания, проникновения. В ее коротких напряженных стихах оживают друзья, соседи, случайные встречные, каждый со своим взглядом, жестом, судьбой:

Женщина углом косынки
Слезы с мокрых щек стирает,
— не забудь, пирог в корзинке...
— не забуду, дорогая...—
А в глазах его тревожный
Серый, серый дым дорожный.
Что-то будет, что-то будет?
Он уедет и забудет...

Ирина Снегова относится к тем поэтам, о которых у нас принято говорить «поэт с негромким, но чистым голосом». Этот штамп, к сожалению, не объясняет ни причин, ни результата. Чистым бывает ручеек, но бывает и полноводная река. Негромкость — это либо слабость, бессилие, либо сдерживаемая сила, страстность. Ведь общеизвестно, что у берега волны бывают выше и громче, чем в открытом море.

И в радости и в горе Ирина Снегова благородна, немногословна. За внешней сдержанностью — глубокое, искреннее чувство. Строки ее стихов всегда напряжены, сама поэтическая ткань плотна и добротна.

Они еще долго будут жить, эти стихи...

ГАЛИНА ГАМПЕР

* * *

Разомкнулось удушье асфальта,
И дохнула в нас на верхотуре
Мастерская художника Фалька
В подчердачной прохладе и хмури,
Где ребрятся, век полкам доверя,
В хвост полотна. И лица, и травы
Как тома, или тени в Преддверье,
Или очередь у переправы.
Но когда обращают их к свету,
К вам — смотрите — как с окон короста!
Мастерская... А мастера нету.
Мастерство да не знает сиротства.
Сквозь коричневость с серым — оттенок
Розов, желт. И серебрян и скрытен.
Не дает и не ищет оценок,
Только просит: смотрите, смотрите!
Гость отметил: «Да, пластика с темой
Не в конфликте... Локальность сюжета...»
Вы смотрите! — содвинула стены
Многоугольная комната эта.
Где нелепость — рассесться, судача,
Перед тишью холстов этих тусклых,
Где так славно жила неудача,
Покровительница искусства...
Над Москва-рекой, на голубятне,
Где не знали морей по колено,
Где, сочувствием кисти объаты,
Вздых и стебель уходят от тлена.
Где сам Фальк, как Ламанчский идалго,
На стене, близ Некрасовой Ксюши...
В мастерской у художника Фалька
Тишина. Я ее не нарушу.

ДРУГУ

И белый свет — не свет,
И задыхаясь дышишь?
Э, друг, каких клевет
За жизнь не переслышишь!

Заряд в заряд, подряд...
Иди, не жди идиллий.
Каких поклепов, брат,
На нас не возводили!

Со скуки мрет дурак,
Пойми, певец, создатель,—

Ты должен слышать, как
В глушь постучался дятел,

Как шорхнул и отсох
Последний лист на вишне,
Ты должен слышать вздох,
Ничьим ушам не слышный,

И век, и белый свет,
Успей им всласть напиться!
А клевета клевет —
Презри!.. Оставь — тупице.

* * *

Когда предстанет вам на суд,
Всем скопом, дней моих абсурд,
Забот нагроможденье,—
Явите снисхожденье!
Не обрубайте круто: бред!
Так век не мог прожить поэт —

Тащить, взвалив год на год...
Без пирамид и пагод!
Поэт — он *над*, поэт — он *вне*...
Внутри прожить досталось мне.
Уж вы меня простите,
Не торопясь прочтите.

* * *

Врач меряет глазное дно
И утверждает: все нормально.
Глазное дно, но что оно,
Измеренное не формально?
Где — на мели, во глубине,
Чьим глазом донный мрак измерен?
Глазное дно — внутри, вовне...
Слаб акваланг и труд безмерен.
Глазное дно... Страшней всего
Разбиться взглядом об него!

Исаак Борисов

1923—1972

Поэт Исаак Борисов долгие годы работал в Московской писательской организации, в должности, как это ни странно, ответственного секретаря секции прозы. Впрочем, объяснялось это, может быть, тем, что одно время он регулярно писал очерки. Это были по преимуществу спортивные очерки. Еще не будучи знаком с ним, я читал его документальные книги о тяжелоатлетах и конькобежцах. Они были написаны хорошо, живо, со знанием дела. Борисов сам был близок спорту, занимался в молодости борьбой и штангой.

Он был человеком исключительной физической силы, весь сплетенный из стальной прочности мышц. И, как многие очень сильные люди, он был сдержан, скромнен, немногословен. Его любили. Умер он, поразив многих, в одночасье, как тоже случается с очень сильными, никогда не болевшими людьми.

Но главная его сила была в силе его характера, в силе его таланта.

Многие его коллеги долго не знали, какой он поэт! Но потом узнали. Он начал выпускать книги — одну за другой, одну лучше другой. Он был настоящим лириком философского склада, тонким, глубоким, изящным.

Он умел пронизать точно увиденную картину живым чувством, отточенной мыслью. Он писал на «вечные» темы: любовь, природа, жизнь, смерть. Но окрашено это все было по-своему, в присущей только ему манере. У него немало стихов о войне, которую он прошел солдатом, а потом офицером и которая тоже прошла сквозь него.

Исаака Борисова переводили, разумеется с подстрочника, поэты-сверстники и люди гораздо моложе или значительно старше его. Это говорит о многом, и прежде всего — об интересе к нему. Его переводили М. Петровых, В. Звягинцева, Д. Самойлов, В. Соколов, Я. Хелемский, Ю. Левитанский, О. Дмитриев, В. Цыбин, Н. Матвеева, Р. Казакова, А. Кафанов, Ю. Мориц... Такие разные поэты, а по-русски он звучит очень цельно, что, разумеется, свидетельствует в пользу его индивидуальности. Мне тоже довелось когда-то перевести несколько его стихотворений. Одно из них мне бы хотелось привести здесь. Автор пометил эти стихи тяжелейшим сорок вторым годом, а сколько в них внутренней силы, достоинства, душевной красоты и нежности!

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

КОНЬ

Стал конь среди заснеженных лугов.
Но что сумело ритм походной рыси
Прервать? Иль этот ровный блеск снегов?
Иль этот странный холод звездной выси?

Иль на снегу волокна сена он
Заметил — и увидел полдень душный,

И в памяти его соткался сон
О ласточках, о крыше над конюшней?

И я сидел, не понукал коня,
Чтоб он забыл, что шпора есть стальная.
Он это оценил. И нес меня
Потом всю ночь. Усталости не зная.

1942

Перевел Константин Ваншенкин

* * *

Как мною может быть покой храним,
Когда о берег волны бьются с шумом,
И шум и шорох в грохоте угрюмом
С молчанием рифмуются моим.

Пройдя сквозь свет, пройдя сквозь мрак ночной,
Понять причину я хотел напрасно
Той дикой ярости, той силы властной,
Высокомерно губящей покой.

Перевела Елена Городнева

* * *

День захмелел: забыв узду, в отваге,
Он жар метет вдоль поля наугад,
И ветерки, как трепетные флаги,
Палящий август чествовать спешат.

И лишь в лесу, оставив поневоле
Всю солнечность, увидишь, злись не злись,
Как на пшеницы зреющее поле
Слетает гость осенний — желтый лист.

Перевела Елена Городнева

Владимир Львов

1926—1961

Владимир Львов со школьной скамьи ушел на фронт добровольцем. После войны работал слесарем, учился в Литературном институте, преподавал. Он успел выпустить лишь одну книгу — «Без отдыха» (1957). Вторая книга В. Львова — «С начала жизни до конца» — была издана уже в 1963 году после смерти поэта. В предисловии к ней Виктор Боков писал: «С волнением и чувством благодарности поэту читаешь стихи Вл. Львова. В них вырисовывается сильный, мужественный характер, очень чистый и искренний человек, слышится наше время. В них сталкиваешься с правдой личности, правдой больших чувств, правдой раздумий о себе, о времени и о своих товарищах...»

Стихотворения, публикуемые ниже, сохранились в архиве поэта.

Е. ЛЬВОВА

* * *

До корней земля сожжена.
Слэпит закат, кровав.
Бой смолкает, и тишина
Вступает в свои права.

Ветер, волосы теребя,
Заволокнул закат.

Пулю пальцами из себя
Выцарапал солдат.

Он откинулся и увидел
Небо перед собой.
Это значило, что солдат
Вынес и этот бой.

1949

* * *

Той песни петой-перепетой
Мотив преследует меня,
Маня далекою победой:
«Вперед, на линию огня!»

И, на зашарканном перроне
Остановив средь бела дня,
Цыганка на моей ладони
Увидит линию огня.

А может, вьюга поле взмылит,
Сугробами похороня,

И грудь мою пробьет навывлет
Стальная линия огня.

Но прежде чем в глазах сольется
Земля и небо для меня,
С уст остывающих сорвется:
«Вперед, на линию огня!»

И по подхваченному знаку
Промчится ярая броня.
Друзья мои пойдут в атаку,
В бой через линию огня.

1949

* * *

Не до художества мне было:
В тебя вкопался я, земля.
Вся вздрагивая, ты хрипела,
А скольких нас похоронила,
В траншеях взрывом завала.
Ты вздыбилась и распласталась,
Стал черноземным небосвод.
Стихов ни строчки не писалось,

И даже смертная усталость
Была не в счет, когда вперед...
Летающих дней не замечаю,
Корплю подобно муравью,
Сижусь сейчас за чашкой чаю
И вдруг по-новому читаю:
«Есть упоение в бою...»

1955

Марина Цветаева

1892—1941

МАРИНА

(Из цикла)

*

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты — гордецу своему
Не родившая сына...

В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты, гордецу своему
Не махнувшая следом.

На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты, гордеца своего
Не покрывшая телом.

В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту.
— Ты, гордецу своему
Не отершая пота...

— Своекорыстная кровь! —
Проклята, треклята будь
Ты, — Лжедмитрию смогшая быть
Лжемариной!

*

— Сердце, измена!
— Но не разлука!
И воровскую смуглую руку
К белым губам.

ВЕСТНИКУ

Скрежещут якорные звенья,
Вперед, крылатое жилье!
Покрепче, чем благословенье,
С тобой — веление мое!

Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше, нежели Фортуну, —
Ты сердце Цезаря везешь!

Смирит лазоревую ярость
Ресниц моих — единый взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!

Краткая встряска костей о плиты.
— Гришка! — Димитрий!
Цареубийцы! Псе́ кровь холопья! —
И — повторенным прыжком —
На копыа!

*

— Грудь ваша благоуханна,
Как розмариновый ларчик...
Ясновельможная панна...
— Мой молодой господарчик...

— Чем заплачу за щедроты?
Темен, негромок, непризнан... —
Из-под ресничного взлету
Что-то ответило: — Жизньью!

В каждом прищельце гонимом
Пану мы Иёзусу — служим... —
Мнет в замешательстве мнимом
Горсть неподдельных жемчужин.

Перлы рассыпались, — слезы!
Каждый ресницей нацелясь,
Смотрит, как, в прахе елозя,
Их подбирает пришелец.

28—30 апреля 1921
Москва

Обветренные руки стиснув,
Слежу. — Не верь глазам! — Всё ложь!
Доподлинный и рукописный
Приказ Монархини везешь.

Два слова, звонкие, как шпоры,
Две птицы в боевом грому.
То зов мой — тысяча который? —
К единственному одному.

В страну, где солнце правосудья
Одно для нищих и вельмож
— Между рубахою и грудью —
Ты сердце Матери везешь.

20 июня 1921
Москва

* * *

От гнева в печени, мечты во лбу —
Богиня Верности, храни рабу.

Чугунным ободом скрепи ей грудь,
Богиня Верности, покровом будь.

Все сладколичие сними с куста,
Косноязычием скрепи уста...

Запечатленные кости в гробу,
Богиня Верности, храни рабу!

* * *

Некоторым — не закон.
В час, когда условный сон
Праведен, почти что свят,
Некоторые не спят:

Всматриваются — и в скры-
тнейшем лепестке: не ты!

Некоторым — не устав:
В час, когда на всех устах

* * *

Не надо ее окликать:
Ей оклик — что охлест. Ей зов
Твой — раною по рукоять.
До самых органных низов

Встревожена — творческий страх
Вторжения — бойся, с высот
— Все крепости на пропасть! —
Пожалуй — органом вспоеет.

МАГДАЛИНА

1

Меж нами — десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отшатывает,
Ты мне — чужая кровь.

Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь — желаннейшая
И чуждейшая из всех!)

Дабы без устали шумел станок,
Да будет уст ее закон — замок.

Дабы могильного поверх горба:
«Единой Верности была раба!»

На раздорожии, ребром к столбу,
Богиня Верности — распни рабу!

*11 октября 1921
Москва*

Засуха последних смут —
Некоторые не пьют:

Впытываются — и сти-
снутым кулаком — в пески!

Некоторым, без кривизн —
Дорого дается жизнь.

*25 июня 1922
Берлин*

А справишься? Сталь и базальт —
Гора, но лавиной в лазурь
На твой серафический альт
Вспоеет — полногласием бурь.

И сбудется! — Бойся! — Из ста
На сотый срываются... Чу!
На оклик гортанный певца
Органною бурей мщу!

*7 февраля 1923
Чехия*

К тебе б со всеми немощами
Влеклась — стлалась — светла
Мать! — очесами демонскими
Таясь, лила б масла

И на ноги бы, и под ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть, по купцам распроданная,
Расплеванная — теки!

Пеною уст и накипами
Очес и потом всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.

Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!),
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!

2

Масти, плоченные втрое
Стоимости, страсти пот,
Слезы, волосы, — сплошное
Иструение, а тот,

В красную сухую глину
Благостный вперяя зрак:
— Магдалина! Магдалина!
Не издаривайся так!

3

О путях твоих пытаться не буду,
Милая! — ведь все сбылось.

ПОБЕГ

Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроюсь,
— О завтра мое! — тебя
Выглядываю — как поезд

Выглядывает бомбист
С еще — сстрасеньем взрыва
В руке... (Не одних убийств
Бежим, зарываясь в гриву

Дождя!) Не расправы страх,
Не... — Но облака! но звоны!
То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона

Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос —
И слез.

Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены масла.
Я был наг, а ты меня волною
Тела — как стеною
Обнесла.

Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.

В волосах своих мне яму вырой,
Спеленай меня без льна.
— Мироносица! К чему мне миро?
Ты меня омыла,
Как волна.

*26—31 августа 1923
Чехия*

Пропавшего... Бог! Благой!
Бог! — И в дымовую опушь —
Как об стену... (Под ногой
Подножка — или ни ног уж,

Ни рук?) Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду

В Бессмертье...

*14 октября 1923
Чехия*

В 1938—1939 гг., перед возвращением из-за границы на родину, в СССР, М. Цветаева внимательно пересмотрела рукописи своих поэтических произведений — изданных и неизданных. Многие она, исправив, переписала в новые тетради, а в другие беловые тетради внесла уточнения.

Все эти тетради (как и основная часть архива Цветаевой) хранились у дочери поэта, А. С. Эфрон, до ее смерти в 1975 году. Ныне они находятся в ЦГАЛИ. По ним, то есть в последней авторской редакции, и печатаются стихи М. Цветаевой, впервые предлагаемые вниманию советского читателя.

Публикация подготовлена А. А. Саакянц.

* * *

Дорогою ценой и нежданной
Я узнала, что помнишь и ждешь,
А быть может, и место найдешь
Ты — могилы моей безымянной.

1946. Август
Фонтанный Дом

* * *

Что нам разлука? — Лихая забава...
Беды скучают без нас.
Спьяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час,
Или забыты, забиты, за... Кто там
Так научился стучать?
Вот и идти мне обратно к воротам
Новое горе встречать.

[РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК А. ТАРКОВСКОГО]

Сборник стихов Арсения Тарковского «Перед снегом» — неожиданный и драгоценный подарок современному читателю. Эти долго ожидавшие своего появления стихи поражают рядом редчайших качеств. Из них самое поразительное то, что слова, которые мы как будто произносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облеченными в тайну и рождают неожиданный отзвук в сердце.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц: я пел со всеми вместе
И не покину пиршества живых...

Как вечно и в то же время современно это звучит! Он уже ожил на «пиршестве живых» и рассказал нам много о себе и о нас.

Этот новый голос в русской поэзии будет звучать долго. Огромные пласты работы чувствуются в стихах книги «Перед снегом». Чувствуется, что поэт прошел через ряд более или менее сильных воздействий предшественников и современников (сейчас они скорее угадываются).

Тем, у кого нет этой книги, я советую как-

нибудь достать ее, чтобы судить о ней самым строгим судом. Эта книга ничего не боится. Можно ли сказать изящнее:

И ткань твоей одежды
Из ветра и дожди.

А как великолепна и первозданна Азия в lamentациях переводчика!

Да пребудет роза редифом.
Да царит над голодным тифом

И соленой паршой степей
Лунный выкормыш — соловей.

Ржа пустыни щепотью соды
Ни жива шипит, ни мертва...

Вероятно, такой азийский пейзаж появляется в поэзии впервые.

Рифма Тарковского всегда крепка, нова, никогда не вычурна и не навязчива.

Одно из самых пронзительных стихотворений — «Ветер», где героиня изображена с бла-

гоговейным ужасом, от которого мы что-то стали отвыкать, — кажется мне одной из вершин современной русской поэзии.

А я любил изорванную в клочья,
Исхлестанную ветром темноту

. . . . .
И на цыганской, масляной реке
Шатучий мост, и женщину в платке,
Спадавшем с плеч над медленной водою,
И эти руки, как перед бедою.

. . . . .
Слова горели, как под ветром свечи,
И гасли, словно ей легло на плечи
Все горе всех времен. Мы рядом шли,
Но этой горькой, как полынь, земли
Она уже стопами не касалась
И мне живую больше не казалась.

Когда-то имя было у нее.

* * *

Я не один, но мы еще в грядущем...

Вера в огромное и общее будущее делает эту поэзию специфической поэзией шестидесятих годов двадцатого века. О стихах Тарковского будут много думать и много писать.

* * *

А вокруг та Москва, которую мы видим из каждого окна:

Эй, в черном ситчике, неряха городская,
Ну, здравствуй, мать-весна! Ты вот теперь
какая...

. . . . .
Девчонки-крашенки с короткими носами,
Как на экваторе, толкутся под часами
В древнеегипетских ребристых башмаках,
С цветами желтыми в русалочьих руках.

(«Ранняя весна»)

Наверно, излишне упоминать о том, что книга эта уже по достоинству оценена читателем — 6000 экземпляров разошлось за несколько дней.

Книга издана просто и изящно — без надоевшего всем золота. Стихи не любят, чтобы их рядили в очень нарядные одежды.

Анна Ахматова

Стихотворение «Дорогою ценой и неожиданной...» вписано рукой А. А. Ахматовой под номером II в машинописный текст, представляющий собой один из вариантов цикла «Шиповник цветет». В этом варианте цикл состоит из «Посвящения» и трех стихотворений разных лет. Первое и третье, «Другая песенка» (1956) и «Ты стихи мои требуешь прямо...» (1963), так же как и «Посвящение» («Вместо праздничного поздравления...»), опубликованы в сборнике «Бег времени» и других изданиях.

Стихотворение «Что нам разлука...» (публикуется по машинописи с подписью Анны Ахматовой, без даты) А. А. Ахматова впервые на моей памяти читала в ноябре-декабре 1963 года.

Рецензию на книгу Арсения Тарковского «Перед снегом» (М., «Советский писатель», 1962) А. А. Ахматова писала в январе 1963 года в Москве, по просьбе редакции журнала «Новые книги». Однако рецензия по каким-то случайным причинам не была опубликована.

Текст печатается по хранящемуся у меня машинописному экземпляру рецензии с правкой А. А. Ахматовой.

Н. ГЛЕН

С ЕЕ СТИХАМИ

Многое в моей жизни значил Крым. Самая ранняя память тихими вспышками освещает неимоверно далекий год. Ведь я помню себя трехлетним... В 1923 году у мамы оказались затронуты легкие, и ей выхлопотали путевку в южный санаторий на поправку. Он находился в Симеизе, и вот, вместе с маленьким сынишкой, молодая москвичка отправилась в путь. Тогда это действительно был путь, и в Харькове к поезду прицепили теплушку с пулеметной командой. По степям еще гуляли банды, и военное сопровождение вынуждалось необходимостью. Мама вывела меня на перрон, где красноармейские богатыри с широкими пятиконечными звездами и длинные шинели со знаменитыми «разговорами» стали моим первым воспоминанием по дороге в Крым. А вторым — стало море, опрокидывающееся из-за Байдарских ворот, куда на полном ходу вылетела наша машина. Впечатление моря, похожего на синюю стену, валящуюся сверху на нас, удержалось на всю жизнь. Машина была открытая, и вслед за синим морем поглотили взгляд алые маки на придорожном склоне. Потом приключилась авария, у машины соскочило колесо, и мы чуть не загремели под откос. Это было тоже интересно, опасность я еще не умел представить и с любопытством наблюдал ее отражение на лицах взрослых.

В санатории нас поселили вместе с одной из наших попутчиц в поезде и машине. Она приехала в Крым с девочкой, моей сверстницей. Детей — ее и меня — однажды сфотографировали вместе. Пожелтевшую любительскую карточку много лет спустя мне показала мать моей дочери. «Вот где в первый раз мы встретились». Так что Крым в моей биографии впрямь значил многое.

В голубой неразличимой мгле солнечные лучи выхватывают зеленые лужайки. На этих островках памяти все тщательно прорисовано и умыто прохладной утренней росой. Помню на желтых дорожках парка себя, повторяющего волшебную формулу «Сережа хороший мальчик». Говорил я о себе в третьем лице, видимо не решаясь разрушить ткань прекрасной фразы, услышанной от взрослых. Я был важным мальчиком, и самоуважение переполняло меня, как неизбежный утренний стакан, налитый всклень теплым молоком. Молоко было козье, вкус у него был отличный от коровьего, более острый, и это сперва не нравилось, а потом мы с мамой привыкли к нему, только подавай.

Загадочной картинкой встает точильщик,

поставивший свое точило на прибрежных камнях. Почему именно там? Рядом был кухонный флигель, как после объяснила мама. Но отчего задержалась более чем на полвека в памяти задорная фигура мастерового? Веселые искры из-под лезвия, сверкающего на солнце, — вот, наверное, отгадка. Труд тоже представлял перед мальчиком в праздничном облике.

Из таких бликов и вспышек, освещавших разрозненные картинки, сложилось воспоминание об этом далеком годе. Память, конечно, ранняя: наш приезд в Крым означен мартом 1923 года, и, значит, мне тогда было три года пять месяцев. Но и это не предел. Рубеж сознания у меня еще дальше. Раскачивающийся вагон, освещенный путевским фонарем, а в его колеблющемся свете — лежащие впопалку на полу мужики и бабы. Человек в солдатской шинели что-то кричит, показывая на меня, и я, не зная, угроза в этом крике или сочувствие, крепче прижимаюсь к отцу, держащему меня на руках. Это теплушка 1921 года, наш переезд из Нижнего Новгорода в Москву. Мне тогда меньше двух лет, а точнее — год восемь месяцев. Трудно поверить, но факт остается фактом. Вспомните Толстого, он помнил, как его пеленали. Скажут, эк куда хватил, Толстой... Но память, как известно, не дает патента на гениальность. Просто это одно из свойств человеческой психики, и у одних оно развито лучше, а у других хуже.

Вся присказка с Симеизом станет понятной, если я покажу детей, снятых на любительской фотографии 1923 года, спустя семнадцать лет. Теперь это юноша и девушка. Они не росли вместе, крымский эпизод мог так и остаться эпизодом, не получившим продолжения. «А кто это рядом с тобой, Нина?» — «Так, какой-то мальчик». Впрочем, их родители были знакомы. Отцы служили в одном учреждении, матери изредка встречались. Но семья девочки катастрофически распалась. Рано умерли отец и мать, она осталась на руках тетки.

Судьба свела выросших детей в одном вузе, на одном факультете. Только отделения оказались разными. Он учился на филолога, она на искусствоведа. Познакомились на одной из студенческих вечеринок. Стали делиться недолгими воспоминаниями. Влюбленности сопутствует радость совпадений. «Я люблю Лермонтова». — «Я тоже»... «Я люблю коньки». — «Я тоже»... «Я не переносу анекдотов». — «Я тоже». Обнаруженная в старой папке фо-

тография показала знаком судьбы. Символическим и предопределяющим. Оставалось снова взяться за руки, как семнадцать лет назад.

Вместе поехали в Крым. Сошли в Бахчисарае, по горной дороге направились к Яйле. На Ай-Петри в безлюдном ресторане подняли бокалы за свое обручение. По сосновой крутизне спустились к морю. Пытались в Симеизе найти детские воспоминания. Санаторий показывался то здесь, то там... Кажется, нашли!

До сих пор шли пешком, на южном побережье стал помогать автотранспорт. Алушка, Ялта, Алушта, Судак. В те благословенные времена везде можно было достать гостиничный номер. Без заказа, звонков, важных документов. В Алуште встретили Левку Когана, своего ифлийского приятеля. Он стал нашим попутчиком. В Судак задержались, а Лев поехал в Старый Крым. Оттуда телеграмма: «Захворал, нахожусь в больнице». Сразу снялись, помчались следом. Лева уже выздоравливал. Уговорились встретиться в Коктебеле. Возвращаясь от товарища, попали под яростный летний ливень. Бросились в первое попавшееся парадное. Огляделись. На двери вывеска: «ЗАГС».

«Вот это и называется судьбой», — сказал мальчик. Девочка наклонила голову. До сих пор она возражала против официального закрепления их объятий: «Нам и без того хорошо». Но тут судьба прямо-таки навязала несколько шагов до стола с зеленой клеенкой, откуда они ушли с влажными печатями в развернутых паспортах. Регистрация браков до войны происходила быстро, решительно, без оглядки.

А потом через армянский монастырь, в котором теперь шумел пионерлагерь, лесной дорогой в Коктебель.

Мальчик познакомил свою юную жену с Марьей Степановной Волошиной. Та сумела подчеркнуть торжественность момента, поместив молодую чету под бюстом Таиах, египетской царицы, освещавшей своей улыбкой волошинскую мастерскую.

Какое это было счастье пробуждаться от первых солнечных лучей в Доме поэта! Откроешь ставни, и утреннее солнце побежит вверх по портретам и пейзажам, по книжным полкам, до высокого потолка. Вслед за солнечным лучом взбежишь по лестнице на верхнюю террасу, и дымное серо-голубое море бросится тебе навстречу. Налево мыс Хамелеона и полинные холмы, на одном из которых могила Волошина. Направо Карадаг, Святая, Сурююк-Кая — три горных коктебельских дива. И какая радость показывать, называть, объяснять знакомые тебе приметы милому и нежному человеку, прижавшемуся к твоему плечу.

В огромной библиотеке Волошина я нашел маленькую книжку, открывшую мне новую правду о моей подруге.

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это — счастье.
В песок зарывала пестрое платье,
Чтоб ветер не сдул, не унес бродяга,
И уплывала далеко в море,
На темных, теплых волнах лежала.
Когда возвращалась, маяк с востока
Уже сиял переменным светом,
И мне монах у ворот Херсонеса
Говорил: «Что ты бродишь ночью?»

Ахматовские стихи передавали ощущение чужой юности на том же море, на том же берегу. Нас разделяли в пространстве триста верст и во времени двадцать пять лет. Но чужая юность становилась нашей, когда я глядел на низкий коктебельский берег, когда переходил, огибая Карадаг, из бухты в бухту, когда смотрел в глаза своей «дерзкой, злой и веселой» девочке. Не сверяя со стихами, но так же, как в стихах, она зарывала в песок пестрое платье, перед тем как мы заплывали. И мы лежали на темных и теплых волнах и даже в море держались за руки.

Черты раннего ахматовского портрета тоже напоминали черты подруги. Впрочем, тогда я узнавал их всюду — в волнах, облаках, скалах. Первое найденное соответствие вызвало другие, третьи... Ахматовские стихи сопровождали нас не только на крымском берегу, а в далекой дали от него, на московских порогах и улицах, на ленинградских площадях, на российских просторах. Сопровождали и тогда, когда довоенный Крым стал зыбким фантастическим видением, когда над землей загрохотала война, когда мальчик и девочка, безвозвратно повзрослев, оттолкнулись друг от друга. И здесь чаще всего приходили на ум горькие строки:

Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы —
Эти встречи всегда оставляли
Впечатленье борьбы.

Но это долго после. А пока, держась за руки, как семнадцать лет назад, они шли по предвоенному бытию. В Москве их встретили удивленно и обрадованно. Так обычно встречают первые студенческие браки. Случилось в шутку, а потом всерьез заняться... Долго приискиваю окончание фразы. Пожалуй, лучше всего без оглядки, с бухты-бархты: заняться рождением новой поэтессы. Нина стихов не сочиняла. Почему бы не сочинить за нее? Тем более что нужно перетащить ее из ИФЛИ в Литинститут, куда без стихов не принимают. На первых

порах нам в этом помогал близкий товарищ, но вскоре отстал, видя, что дело идет и без него. А мы, подогреваемые неугасшим жаром давних мистификаций, от Клары Гасуль до Черубины де Габриак, стали, хохоча, разыгрывать веселую игру. Что двигало нами? Молодость и беззаботность. Ведь основным мотивом перехода из ИФЛИИ было отсутствие стипендии, которую перестали выдавать Нине, получившей в новобрачной кутерьме две тройки на зимней сессии.

Очень многим заморочили мы голову. По принятому обычаю, новая поэтесса стала читать стихи, для знакомства и оценки, старым поэтам. Ни одному из них не было тогда пятидесяти, но нам они казались людьми преклонного возраста, Асеев, Сельвинский, Луговской, Кирсанов... Кстати говоря, последний, совсем незадолго перед смертью, остановил меня в ЦДЛ и, заговорщицки шурясь, сказал: «А я, знаете, разыскал в давних папках стихи той поэтессы. Ну, знаете, за которую вы сочиняли». Седым одуванчиком склонил он голову набок, плутовски поглядывал на меня. Семен Исаакович любил подобные кунштюки, и, когда мистификация пришла к завершению, ему, одному из первых, я сообщил о ее характере.

Стихи поэтессы нравились, она безо всякого труда была принята в Литинститут. Надо подчеркнуть, что творческий ее образ, по нашему замыслу, вырос из действительного облика двадцатилетней искусствоведки, экскурсовода, гида. Конечно, приходилось писать с учетом ахматовской и Цветаевской поэзии, но чаще отталкиваясь от них, а если приближаясь, то с необходимой корректировкой. Почему я говорю «мы», ведь Нина стихов не сочиняла? Да потому, что каждая строфа, а то и строка выверялась на слух вместе с ней, ее интонация сквозила в любом стихотворении, написанном от лица поэтессы. Для примера приведу одно из наиболее часто читавшихся стихотворений:

В ТРЕТЬЯКОВКЕ

Ну, что мне делать, неприрученной,
Когда опять вести поручено
Два коллектива брадобреев
По Третьяковской галерее.

И я веду свою экскурсию
По удивительным по залам,
Где запорожцы пижут в Турцию
И где грозят еще хазарам.

Где вырублены и где срублены
Хлыстовским срубом рамы Врубелевы
И где горят его полотнища,
Как изуверовские огнища.

И вдоль стрельцов, и вдоль Березова,
Где за боярыней Морозовой
Глаза бабенок черномазых
Предвосхищают Карамазовых.

Где в праславянскую Америку
Играют Рюрики у Рериха,
Где размалеванной малявою
Кружится красный холст Малявина.

Я объясняю и распутываю.
Устану за день и, расслабленная,
Лаврушинским. В московский март.
В распутицу,
Где краски красочней прославленных.

Сверстникам новая поэтесса тоже пришлось по душе. Данин (он представлял тогда молодую критику) безудержно хохотал над строками «где в праславянскую Америку играют Рюрики у Рериха». Павел Коган, поругивая некоторую легкомысленность стихов, одобрительно отзывался о самостоятельности почерка поэтессы. Кульчицкий свое отношение выразил в одной фразе: «Нашего полку прибыло».

Стихи поэтессы чуть было не прорвались в печать. Они были набраны в одном из журналов, но в последний момент номер перевернули, и стихам не нашлось места. А там — война. Война разбила, перевернула, искалечила столько судеб, что разрыв между двумя молодыми людьми вряд ли может остановить внимание. А впрочем, черт его знает... Драма не перестает быть драмой, даже если она включена в трагедию. Оторванный палец будет донимать тебя несусветной болью в разгаре смертоубийственного сражения. Так и в этом случае. Да еще разрыв на расстоянии, в письмах. Ждешь и ждешь ответа... Много стихов было написано в ту пору.

Мы дни раздали вокзалам,
И вот ворвалось в бытие,
Пургой, камнепадом, обвалом,
Второе рождение твое.

Рожденная гордой и горькой,
Прямая, как тень от угла,
Ты руку, иконоборкой,
На бредни мои подняла.

Ты напрочь уходишь, чужая,
И впору занять у тебя
Любить, ничего не прощая,
Прощать, ничего не любя.

Но, вслед поглядев исподлобья,
Целую следов твоих прах,
Мое бытовое подобье
На стоптанных каблуках.

Странная штука поэзия! Каждая строка здесь вроде была пережитая, но ахматовское «на стоптанных каблуках» так органично включилось в мое собственное, что я даже не заметил вторжения. Потом стал ощущать, но не сразу, а исподволь, как нечто пришедшее извне. Ну конечно же Ахматова!

В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках.

Из стихов, написанных в далеком-предалеком 1912 году. Так снова коснулась нас ахматовская муза, но на этот раз не соединяющим, а разъединяющим перстом.

Концовку стихотворения я, естественно, переписал:

Обугленный взгляд исподлобья!..
Не сдержит ни шепот, ни крик
Мое бытовое подобье,
Мой грустный и вечный двойник.

Ничьи слова не сдержали, долго спустя, упрямую женщину, когда она навсегда покинула землю. Но это долго-долго спустя, а тогда, несмотря на подлинный разрыв подлинных молодых людей, нереальная поэтесса требовала реальных стихов. Надо было поддерживать свою литературную репутацию в творческом кругу, в творческом семинаре, в творческом институте. Первые два курса можно было отговариваться заботами о новорожденной дочке, а дальше... Несколько стихотворений поэтесса получила по полевой почте, прорехи были заштопаны. Подступала пора писать дипломную работу. Поэты должны были представлять книги или циклы стихов. Армию, в которой я служил, отвели на отдых, времени оказалось достаточно, и цикл стихов, описывающий разрыв от лица разрывающей, складывался быстро и споро. Последняя возможность опозитизировать разлуку, уход, разрыв была до конца использована мной. Сочинять стихи, обращенные к самому себе, да еще от лица уходящей женщины, для поэтов дело редкое. Драматургам подобные ситуации встречаются чаще. Сочинялось нечто вроде такого:

Не надо сравнивать наугад
Меня ни с золой, ни с заревом...
Милый! Которую ночь подряд
Я сама с собою разговариваю
. . . . .
. . . . .

В одной из арбатских уютнейших нор
Мы вывяжем брачные узы.
Все будет прекрасно,
Как говорят французы.

Но не будет этого. Ветер
Воли темной подул невзначай.
Это сердце срывается с петель...
Прощай!..

На этом и оборвалась судьба поэтессы Нины Воркуновой, которая мелькнула метеором на предвоенном небе, видневшемся из окон студенческих аудиторий.

Вызывание духов всегда было увлекательной, но жестокой операцией. Дух молодости, повинувшись волшебной палочке, продирается через колючий кустарник, выросший на его пути

за десятилетия. На колючках остается множество прекрасных вещей — надежды, самоуверенность, здоровье. А что говорить о беззаботности, риске, утренней улыбке... «В поступке не увидеть приключенья», — сказалось мне однажды при сравнении теперешнего и давнего времени. Впору бросить волшебную палочку — привычный карандаш, да ничего не поделаешь, нельзя, профессия обязывает.

Профессия обязывает также вести свой рассказ, не упуская главных и соизмеримых величин, а что после любви может помочь повествованию, тема которого еще неясна читателю? Ленинград.

Летним утром 1943 года попутный грузовик домчал меня до Невского. «Домчал» слишком высокое слово для тряской езды, но не хочется прибегать к более точному «подбросил». Не вяжется это расхожее словечко со скорбной торжественностью города на Неве, раскрывшего в тот день передо мной свои улицы и площади. Ломоносовское учение о трех штилях протягивает ко мне через два века властные и строгие руки.

Горожанин по привычкам, памяти, жизненноощущению, я, видимо, страшно тосковал в волховских лесах по камню и асфальту большого города. Говорю «видимо», так как сам себе не отдавал отчета в неясном чувстве. И, лишь въехав на широкие ленинградские проспекты, всматриваясь в каменные громады домов, встречая взглядом нечастых прохожих в штатском, я вдруг понял, какая тоска в течение года щемила мне сердце. В Ленинграде я бывал еще до войны, и невская твердыня была мне знакома, но сейчас, конечно, все воспринималось заново. Не зря я шел с войсками Волховского фронта навстречу солдатам Ленинграда, прорывая вражескую блокаду. Военной легендой вставал он перед нами в приладожских деревнях, в синявинских торфяниках. Питерские рабочие, посланные заводами в наши войска, рассказывали о лишениях и воле ленинградцев, и мы знали цену их победоносному терпению. Стихи Ольги Берггольц, прочитанные мною (об этом я рассказывал в другом месте), называли по именам голод и смерть, мужество и доблесть.

Но за Ленинградом, рисовавшимся по этим представлениям, вставал другой город — Пушкина и Достоевского, Блока и Ахматовой. Впрочем, оба города были едины, они проникали друг в друга, и это поразительное двуединство тревожило душу радостным и болезненным прикосновением.

И, стоя в кузове грузовика, опираясь ладонями о верх кабины, я повторял давно знакомые строки: пушкинские, блоковские, ахматовские...

Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В мир, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес,—

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий,
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера,—
Над Невойю темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

Ощущение последней строфы полностью совпадало с моим собственным. Мальчик и девочка, неумолимо повзрослевшие, расстались, и разрыв в письмах — написано пером, не вырубишь топором — упрочивал расставанье. «Ты свободен, я свободна». О следующих словах можно было поспорить: завтра могло оказаться много худшим, чем вчера. Вообще могло не быть этого завтра. Но в подобные вещи не хотелось верить, сознание не принимало таких мыслей, а молодость под тугой гимнастеркой продолжала твердить свое заветное «завтра лучше, чем вчера». И тут еще «темноводная Нева» рядом и «улыбка холодная императора Петра» реет над тобой. Дорого бы я дал, чтобы вернуться к тому утру, возвратить то ощущение.

И еще одно стихотворение я готов был повторять без конца не только в этот краткий час въезда в город, но и во всю свою тогдашнюю питерскую жизнь.

Ведь где-то есть простая жизнь и свет
Прозрачный, теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь.

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

«Город славы и беды» встретил меня дружескими рукопожатиями и объятиями. С Берггольц и Прокофьевым я был знаком, предстояли

первые встречи с Тихоновым, Инбер, Дудиным. Огромное значение для меня составило знакомство с Николаем Семеновичем и Марией Константиновной Тихоновыми. Их квартира на Зверинской до сих пор вспоминается мне лужайкой земли обетованной. Но об этом надо писать отдельно.

Во всех этих встречах незримой участницей мыслилась Ахматова. Она была такой же неотъемлемой частицей города, как белые ночи, Адмиралтейство, сфинксы. И то, что ее не было в Питере, дела не меняло. Медный всадник тоже был заложен мешками с песком, но простертая рука его все равно угадывалась под песчаной броней.

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!

Ведь все равно — вы с нами!..

Все на колени, все!

Багряный хлынул свет!

И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Эти стихи прочитала мне впервые Ольга Берггольц. Трагический пафос стихотворения был ей близок более, чем кому-либо. Каждая строка здесь дышит такой верой и гордостью, какой обладают, кажется, лишь небожители. И что очень важно, стихи эти обращены уже не к легендарному городу святого Петра, теряющемуся в дымке преданий, а к израненному, измученному, но живому и несдающемуся городу Ленина.

Давно отгремела война. И вот в середине 60-х годов мне выпало счастье встретиться с Поэтессой. Намеренно пишу это слово с большой буквы, никому другому не подобает больше такое обращение. Я в то время занимался поэзией в «Литературной газете». Она выходила еще на четырех страницах, места было гораздо меньше, чем теперь, но поэзии, время от времени, предоставляли целую полосу. Мне хотелось на страницах газеты дать, последовательно, своеобразную антологию современной поэзии. Причем еще не печатавшимися стихами. Начиная со старших поэтов, кончая молодыми. Из этой затеи, к сожалению, ничего не вышло, но тогда, при возникновении замысла, она казалась легко выполнимой. Хотелось начать с Ахматовой. Она в эти недели находилась в Москве. Связался с ней через знакомых, она согласилась встретиться со мной.

Вполне понимаю Антона Павловича Чехова, не знавшего, в каких брюках ехать к Толстому. Брюк я, правда, не менял, их роль исполняли галстуки. «Черт его знает, наденешь пестрый, подумает — стрекулист. Наденешь коричневый, репит, что чиновник». Может быть, не

буквально, но очень похоже выглядели мои сомнения перед отъездом. Давным-давно ничего подобного не испытывал. Но это, так сказать, комическая подробность, относящаяся к себе, а не к Поэтессе.

Жила она у своей московской знакомой, где-то около Стромьнки. Милая женщина приветливо встретила меня в дверях и провела в гостиную. Много я слышал о внешности Поэтессы, но явь превзошла все ожидания. Я сам не раз называл ее после вдовствующей императрицей. Нет, скорее, это была императрица правящая. Наверное, Екатерина в зените своего могущества, принимавшая от Потемкина торжественную весть о победе над Османской Портой, выглядела так, как Поэтесса. Важный она была человек.

После короткого взаимопредставления я объяснил ей цель приезда. Она придвинула к себе стопу перепечатанных страниц и стала их разбирать. Пока она их перебирала, я молча вглядывался в ее черты, запоминая их раз и навсегда. Это было величавое лицо русской женщины, сильно тронутое восточной кровью. Видимо, «бабушка-татарка», о которой писала Поэтесса, распорядилась ее прекрасным профилем. Татарками в старину звали также кавказских горянок. Может быть, девушка, подобная лермонтовской Бэле, была у нее в роде. В эту минуту она встала, чтобы взять бумаги с соседнего столика. Величественный рост, осанка, поступь навсегда задержались в памяти. Куда там Екатерине!..

— Вот что я могу предложить вам, — услышал я низкий бархатистый голос.

Наступила моя пора перебирать страницы. Давно я помнил наизусть трагичные строки короткого стихотворения, переданного мне на слух в кругу поэтов. И вот оно у меня перед глазами:

А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

Сколько нужно пережить, чтобы написать эти обнаженные страшные строки...

Я взял все, что мне предложила Анна Андреевна. Теперь я уже получил право называть ее по имени-отчеству. К стихам приложил переводы древнеегипетской поэзии.

Через неделю мы снова встретились с Поэтессой. Я привез гранки полосы со своим вступлением. Оно было одобрено Ахматовой, и я, в сокращении, приведу его здесь.

«Что такое истинная поэзия? Люди влили немало воды в то вино, что когда-то было огненным. Высоким образцом ее является творчество Анны Ахматовой. Прошло уже более полувека, как она посвятила себя служению

отечественной словесности. Русские музы избрали ее для соединительного рукопожатия классической и современной поэзии. «Прекрасное должно быть величаво», — утверждал Пушкин, а творчество Ахматовой действительно величаво в своих печалях и радостях. Человек сложной и трудной судьбы, она заслужила право на соответственно трагическое мыслезъявление. Такое право мы отрицаем за людьми поверхностными, ибо оно у них не подкрепляется ни пережитым горем, ни глубокими страстями, ни, наконец, стихами, подобными ахматовским. Ряд этих стихов мы сегодня печатаем, и чуткий читатель поймет, что их целомудренная и гордая скорбь, родившаяся в тяжелые для страны годы, явление несравнимо высшего порядка, чем нервная раздраженность модной поэзии.

Читатель обратит внимание на блистательные переводы Ахматовой. Много тысяч лет назад люди любили, радовались и страдали столь же искренне и глубоко, как мы с вами, а может быть, сильнее и глубже. Самовластный луч поэзии, сквозя через века, соединяет человечество во времени. Золотыми пылинками в этом луче светят человеческие судьбы, запечатленные в строках, переведенных Ахматовой из древнеегипетских папирусов. Эти переводы по значению стоят в ряду высших достижений в этой области литературы.

Анна Андреевна Ахматова находится сейчас в зените творческих сил и заслуженной славы. Поэзия ее получила всемирную известность. В далекой Сицилии ей была вручена международная премия, присуждаемая ежегодно итальянцами одному иноязычному поэту. Родина Петрарки и Данте в ее лице отдала дань признательности стране Пушкина и Лермонтова. Англичане присудили ей почетное звание доктора Оксфордского университета. Мы, ее соотечественники, знаем и почитаем поэзию Ахматовой лучше и сильнее, чем иностранцы. Мы воспринимаем ее как глубоко русское явление, яркий и гордый характер, смело противостоявший жизненным невзгодам и сохранивший веру в незыблемость добра на земле.

Перед вами — поэзия Анны Ахматовой».

Мои старания оказались напрасными. Подборка не увидела света. Причем не из-за каких-либо указаний и запрещений сверху, снизу или сбоку, а просто по редакционным несогласиям. Очень было досадно. И единственным напоминанием об этом несостоявшемся разговоре с читателем остались гранки полосы. Один экземпляр у Анны Андреевны, другой у меня. Да еще одно нужно добавить, самое, может быть, бесценное, — царственную улыбку Ахматовой, читавшей с гранок свои стихи.

Когда Анна Андреевна возвращалась из

Лондона через Париж в Москву, я встречал ее на Белорусском вокзале. «Там, где в 1913 году были саженцы, сейчас в Булонском лесу огромные деревья», — говорила она о Париже. Я резво любопытствовал: «А что, тогда лучше было или хуже?» — «Ни то и ни другое, — ответила она, помолчав, — просто это было на другой планете».

Точкой отсчета для нее остался 1914 год, год начала первой мировой войны и переименования Петербурга в Петроград. Первое для нас сохранило значение, но второе... Однако Анне Андреевне оно казалось не менее важным, чем первое.

«Тот, кто не успел до августа четырнадцатого года совершить что-нибудь, тот, кто решил сделать что-либо после, никогда уже не успел, никогда уже не сделал», — сказала она однажды.

Мне очень хотелось послушать, как она читает собственные стихи. К моей радости, она охотно откликнулась на просьбу. Прочла она знаменитое:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Читала она низким голосом, в торжественно-приподнятой интонации, разделяя слово от слова. Я пытался представить время, когда сочинялись эти стихи. Многие из близких Ахматовой людей поддались тогда искушающему голосу и оставили навсегда Россию. Судьба Родины оставалась судьбой Поэтессы, и чувство любви к России продиктовало не покидать ее никогда.

Мне кажется, что таким же чувством проникнуто стихотворение «Лотова жена», на которое редко обращают внимание. Оно создано в 1922—1924 годах и совпадает с порой легального выезда из СССР ряда художников, писателей, артистов. Выезда, для многих окончившегося эмиграцией.

По библейскому преданию, перед разрушеньем Содома и Гоморры праведнику Лоту с женой было разрешено покинуть город. При этом было запрещено оглядываться назад.

...Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

Взглянула, и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли!
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.
Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Очень красноречивые стихи. Ради единственного взгляда на родную землю можно отдать жизнь... Нет, никогда не могла расстаться с отчизной Ахматова.

И спустя много лет, при начале большой войны, то же чувство неразрывности со своей землей вложило ей в уста четверостишие «Клятвы»:

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

А по завершении небывалых сражений дало ей обнажить светлое чувство великого счастья:

Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей. —
Так мы долгожданной ответим.

Итак, Любовь, Ленинград, Родина. Из этих трех величин сложилось в моем сознании имя Ахматовой. Я застал Анну Андреевну в короткую и счастливую пору ее позднего цветения. Пришло полное, безоговорочное признание таланта Поэтессы. Всюду она встречала глубокое уважение: писательский съезд избрал ее в свой президиум. Она была окружена почтением и любовью, окружающие ловили каждое ее слово. Все это — уважение, почтение, любовь — Ахматова принимала как должное, и впрямь, люди словно торопились отдать ей то, в чем долгое время отказывали. Прекрасная старость!

Однажды вечером мне позвонили от Ардовых, где на этот раз остановилась Ахматова. «С Анной Андреевной плохо. Сердце...» Через четверть часа я сообщил, что больница готова принять ее. Трубка сказала: «Анна Андреевна наказала передать, что вы — милый...»

Это на расстоянии услышанное слово оказалось для меня последним словом Ахматовой.

Последним — если не считать стихов, звучащих во мне всегда и всюду.

ПАМЯТИ БОРИСА СОЛОВЬЕВА

Трудный и в то же время светлый путь прошел в литературе Борис Соловьев. В начале этого долгого, славно им пройденного пути он выступал как поэт. Вслед за первым сборником «Вехи», вышедшим в 1927 году, вскоре выходит второй сборник «Дальние маршруты». Однако незаметно верх начинает брать проза. Неутомимые корреспондентские поездки по стране: по северу и югу, по городам и заводам Урала, по степям Башкирии — требовали более обстоятельных запечатлений на бумаге. Появляется повесть «Подросток» (1935), роман «Книга с неба» (1936), роман о гражданской войне на Урале «Крепче камня»...

Но намечалось наряду с этим уже и то в его огромных творческих возможностях, чему он посвятит в конечном счете все последние десятилетия своей жизни. Это — литературоведение, критика. Еще тогда, на пороге сороковых годов, он начинает думать о величии Александра Блока. Первую статью о нем он закончил в памятное утро 22 июня 1941 года. «Поставив дату, я вышел из комнаты, полный какого-то особо радостного чувства, ибо, казалось мне, вот и завершена статья, в которой я высказал свое слово о Блоке, — верное, а вместо с тем не похожее на те, с какими мне приходилось знакомиться дотоле», — пишет в своих воспоминаниях Борис Соловьев... Он еще не знал в те светлые минуты, что через западные границы к нам уже ворвалась война, которая, как многое в делах и думах советских людей, нарушит и его планы. Навалились другие обязанности и заботы. Штатский костюм надолго сменила на нем флотская форма.

Но статья не пропала. Автор берег ее тщательно даже в самые трудные годы. Прошло чуть ли не полтора десятилетия, и статья эта, основательно доработанная и дополненная, была опубликована в журнале «Звезда», а спустя еще немалое время стала частью его капитального труда о Блоке «Поэт и его подвиг», удостоенного Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького. К жизни и творчеству Блока не переставал критик обращаться и после выхода этой книги. Свидетельство тому — статья «Блок и Достоевский».

Но отдавая, казалось бы, всю творческую энергию этой огромной теме, Б. Соловьев не переставал следить и за повседневным процессом советской поэзии. В те же годы он пишет о Николае Тихонове, Александре Прокофьеве, Людмиле Татьяничевой, Агнии Барто, Сергее Смирнове, Константине Симонове, Николае Рыленкове, Николае Брауне, Леониде Мартынове, Николае Сидоренко, Кайсыне Кулиеве, большую статью о моей книге «Строки любви». Обладая феноменальной памятью, он не только писал о нас, но лучшие наши стихотворения помнил наизусть. Помнил он много стихотворений и поэтов забытых, не говоря уже о классиках. Подумаешь,

и становится больно: ведь вместе с ним ушла в небытие какая-то частица каждого из нас, частица нашего душевного тепла.

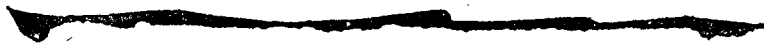
Уж никогда я не встречу его на подмосковных переделкинских дорожках, худощавого, сутуловатого, одухотворенного, полного дум о поэзии, ее судьбах.

Напряженная творческая работа не мешала, однако, заниматься ему и повседневной будничной работой. Свыше двадцати лет он работал в издательстве «Советский писатель», сначала старшим редактором, потом — заместителем главного редактора. Он и здесь оставил о себе светлую память. Кто-кто, а уж мы, поэты, знаем об этом. Редакторская строгость его была общеизвестна, но общеизвестна была и его доброжелательность.

Двадцать лет выходит наш альманах «День поэзии». Все его номера прошли в издательстве через Бориса Ивановича. С его редакторского стола уходили они сильно потончавшие, но опять же — никаких сетований, пререканий. Так велик был его авторитет.

Смерть Бориса Ивановича Соловьева большая потеря для нашей поэзии. Ушел честный, неутомимый ее труженик. Но сделанное им будет жить долго. Свой основной многолетний труд критик назвал «Поэт и его подвиг». Думаю, и в жизни самого создателя этого капитального тома есть немало от подвига.

С т е п а н   Ш и п а ч е в

В СБОРНИКЕ «ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1976» УЧАСТВУЮТ:

Абрамов Г. (стр. 22), Аксельрод Е. (27), Александра З. (18), Алигер М. (19), Алтайский К. (18), Аннинский Л. (153), Антокольский П. (9, 14), Антошкин Е. (21), Асеев Н. (32), Астафьева Н. (21), Ахмадулина Б. (24), Ахматова А. (188);

Баева А. (27), Балин А. (28), Беляев М. (29), Берестов В. (29), Благинина Е. (30), Бобров А. (28), Богданов П. (30), Боков В. (31), Борисов И. (183), Брагин А. (31), Букин Н. (34), Бялосинская Н. (34);

Валиков Г. (34), Ваншенкин К. (35, 183), Васютков А. (37), Вегин П. (37), Велихова З. (39), Вишулов С. (42), Винокуров Е. (43), Вознесенский А. (40), Волобуева И. (44), Воронов Ю. (45);

Гампер И. (181), Глазков Н. (45), Глушкова Т. (46), Говоров А. (47), Гольдберг А. (48), Грибачев Н. (33), Григорьева Н. (48), Гринберг И. (153), Грудев И. (48), Глен Н. (189);

Дагуров В. (49), Дементьев А. (49), Денисов Ю. (50), Джалиль М. (171), Дмитриев О. (52), Дмитриева Ц. (177), Долматовский Е. (51), Друнина Ю. (53), Дубровин Б. (56), Дудин Ю. (56), Дымова Л. (56);

Евтушенко Е. (112), Елин Г. (57), Еремеев Г. (57), Есипов В. (57);

Жале (58), Жигулин А. (58);

Завадский В. (150), Злотников Н. (59), Зорин А. (60);

Иванов А. (149), Иванушкин А. (60), Ивнев Р. (61), Идашкин Ю. (155), Инбер В. (177), Исаев Е. (62), Исаковский М. (55);

Кабаков М. (63), Казакова Р. (63), Казанский В. (65), Казанцев В. (65), Калина П. (66), Карпеко В. (66), Кафанов А. (68), Кашежева И. (67), Квливидзе М. (67), Кирсанов С. (112), Коваль-Волков А. (69), Ковда В. (69), Кожин В. (156), Козловский Я. (69), Кондакова Н. (70), Корин Г. (71), Корнеев А. (71), Королев А. (73), Королева Н. (72), Костров В. (72), Котляр Э. (73), Кочетков А. (139), Кочетков О. (73), Кравцов А. (74), Красиков С. (74), Круглов Г. (74), Кузнецов Вадим (77), Кузнецов Вал. (75), Кузнецов Ю. (77), Кузнецова С. (75), Кузовлева Т. (76), Куняев С. (78);

Ланциков А. (158), Латынин Л. (79), Лесневский С. (159), Липкин С. (82), Лиснянская И. (83), Лисянский М. (84), Луконин М. (16), Луговская М. (85), Луговской В. (54), Львов В. (184), Львова Е. (184), Львов М. (86), Ляпин И. (87);

Мартынов Л. (11), Матвеева Н. (88), Матеу Х. (91), Матусовский М. (90), Межиров А. (91), Мельников Ю. (92), Меньков А. (92), Мигдалова Л. (92), Миллер Л. (95), Михайлов Ал. (160), Михалков С. (93), Мнацаканян С. (94), Москвитин А. (95), Мустафин Р. (171), Мухина Л. (95);

Наровчатов С. (96, 190), Наль А. (97), Николаев А. (98, 149), Николаева О. (99), Николаевская Е. (99), Никонычев Ю. (100), Новиков Н. (101), Новосельнова Н. (101);

Озеров Л. (102), Орлов С. (103), Осинин В. (104);

Павлинов В. (106), Панченко Н. (105), Парпара А. (107), Пастернак Б. (138), Паттерсон Д. (107), Петренко С. (108), Поликарпов С. (109), Поперечный А. (109), Пьянов А. (110);

Рабинович В. (110), Рассадин С. (162), Рахманин Б. (111), Рожнова П. (114), Романова Р. (114), Румарчук Л. (115), Ряшенцев Ю. (114);

Савельев В. (116), Самойлов Д. (16, 118), Светлов М. (32), Сергеев В. (120), Семенов В. (117), Сидоренко Н. (119), Сидоров Е. (166), Симоненок В. (120), Симонов К. (55), Синельников М. (163), Скуратов М. (121), Слуцкий Б. (123), Смирнов Л. (121), Смирнов С. (122), Смеляков Я. (80), Смольников А. (126), Снегова И. (180), Соколов В. (128), Солоухин В. (130), Соложенкина С. (127), Сорин С. (131), Старшинов Н. (132), Стефанович Н. (133), Стройло А. (134), Сурков А. (13), Сухарев Д. (134);

Тараканова Л. (140), Тарасов Н. (135), Тарасова М. (134), Тарковский А. (136), Твардовский А. (12), Терещенко Д. (140), Тихонов Н. (7), Тряпкин Н. (141), Тушинова В. (138);

Федоров Вл. (142), Флоров Г. (141);

Харджиев Н. (172), Хелемский Я. (142);

Цветаева М. (185);

Чалмаев В. (165), Челноков А. (143), Чернов А. (143), Чистякова Г. (144), Чуев Ф. (145), Чухонцев О. (144);

Шаламов В. (145), Шевелева Е. (146), Шевченко М. (179), Шлаин М. (146), Шлепский В. (147), Шпирт А. (147);

Щеглов Л. (147), Щипахина Л. (148), Щипачев С. (10, 197);

Эскович Н. (148);

Яшин А. (81, 175).

ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1976

М., «Советский писатель», 1976, 200 стр.
План выпуска 1976 г. № 132

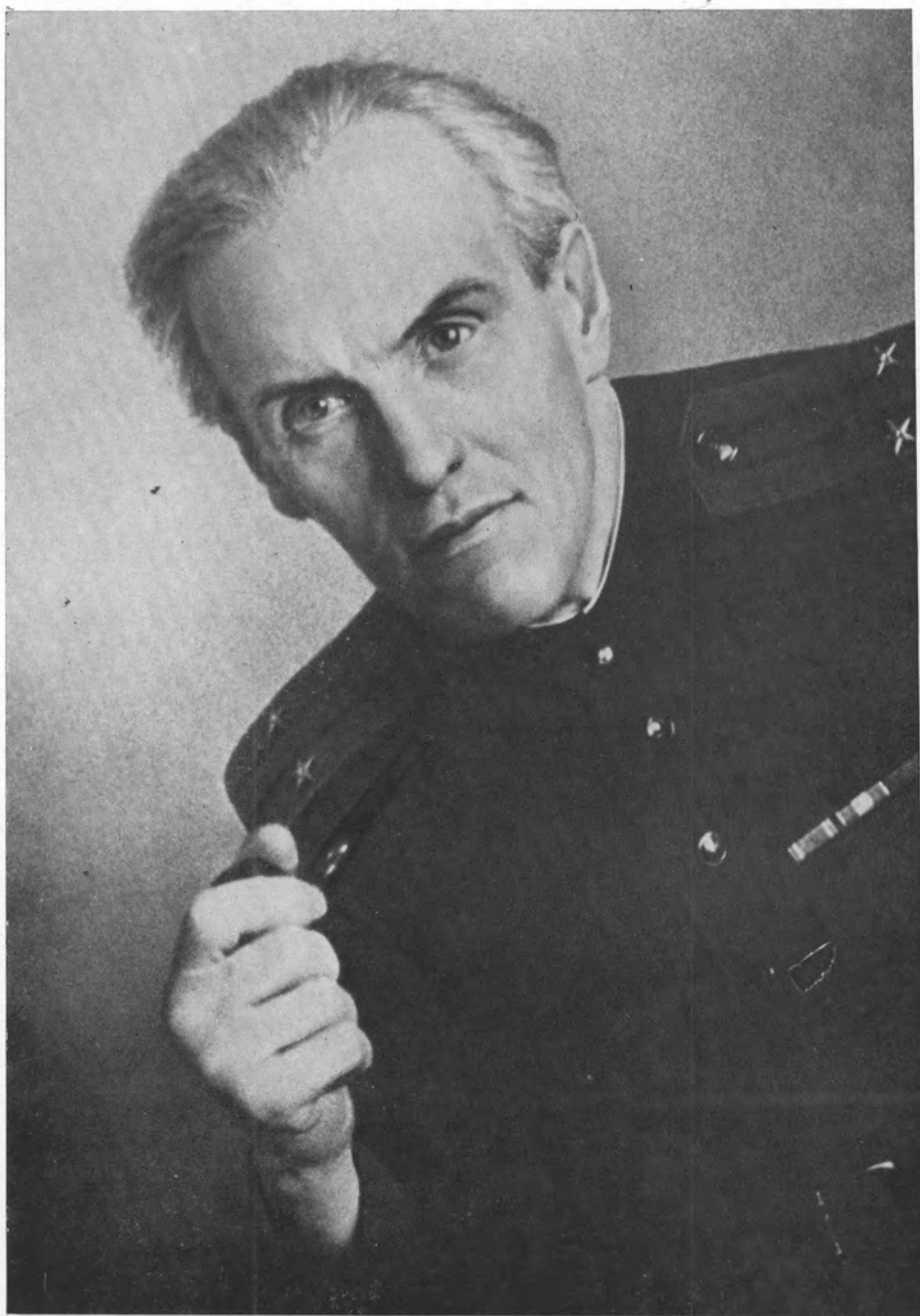
Редактор *В. С. Фогельсон*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редактор *Т. С. Казовская*

Корректоры *Л. И. Жиронкина* и *Т. Ф. Юдичева*

Сдано в набор 27/V 1976 г. Подписано к печати 30/VII 1976 г. А09175.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага тип. № 1. Печ. л. 12,5+0,5 вкл. Усл. печ. л. 21,84.
Уч.-изд. л. 19,34. Тираж 75 000 экз. Заказ № 298. Цена 1 р. 63 к. Изда-
тельство «Советский писатель». Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Ордена
Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва М-54, Валовая, 28

Николай Семенович Тихонов. Фотография военных лет.

Н. С. Тихонов и В. А. Луговской. 1956 г. Переделкино под Москвой.

А. А. Сурков и американский поэт Роберт Фрост. Москва.

Н. Н. Асеев и Я. В. Смеляков. 1946 г. Москва.

Александр Твардовский. 1927 г.

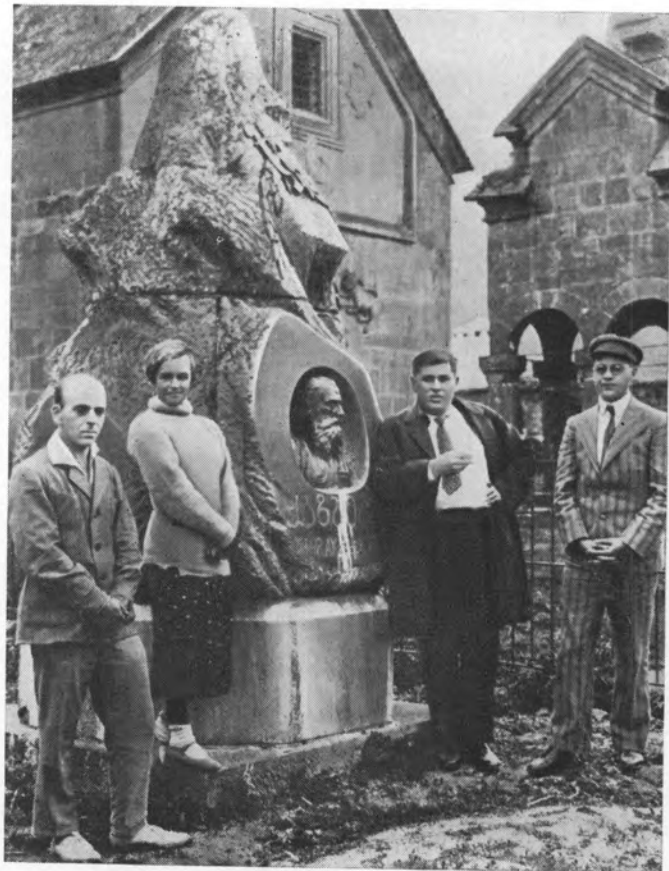
А. Т. Твардовский и М. В. Исаковский. Фотография предвоенных лет.

*А. Т. Твардовский на пепелище родной деревни Загорье
на Смоленщине. Август 1943 г.*

А. А. Ахматова. 50-е годы. Под Ленинградом.

*П. Г. Антокольский,
З. К. Бажанова-Антокольская, Тициан
Табидзе и В. В. Гольцев у памятника
Александру Казбегу. 1935 г.
Селение Казбегу.*

*Семен Гудзенко, Павел Антокольский и Михаил Луконин
на избирательном участке 25 февраля 1947 г. Москва.*

М. А. Светлов. Фотография военных лет.

*Константин Симонов, Иосиф Уткин,
Евгений Кригер на фронте.*

1 p. 63 к.

